

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-2 (55)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-2 (55), 2022

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Готов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-2 (55)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-2 (55), 2022

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Фоменко В.А.</i>	Древние и средневековые курганы Кабардино-Балкарии как часть культурно-исторического наследия	7
<i>Варивода Н.В.</i>	Многозначность терминологии в историографии казачества	20
<i>Кожев З.А.</i>	«Хегакская» идентичность Канбулата Идарова: возможные интерпретации	30
<i>Алоев Т.Х.</i>	На пути к Белграду: динамика межимперских дебатов по вопросу политического статуса Кабарды в первой четверти XVIII в.	40
<i>Дзуганов Т.А.</i>	О роли денег в повседневной жизни балкарских обществ в конце XIX в.	50
<i>Такова А.Н.</i>	Метаморфозы в сфере государственно-конфессиональных отношений в Кабардино-Балкарии в период становления и укрепления советской власти (20-е гг. XX в.) сквозь призму реформирования судебной системы	58

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Кучмезова Л.Б.</i>	Лексико-семантические и фонетические особенности диалектизмов карачаево-балкарского языка в произведении Д. Таумурзаева « <i>Ким алгъа?</i> » (Кто раньше?)	67
<i>Хэжь З.Р.</i>	Адыгэбзэм и тешэ категорэм Нэгумэ Ш., Турчанинов Г., Цагъуэ М. сымэ я грамматикэхэм щаубыд увыпIэр	75
<i>Хэжь М.Р.</i>	ЛэжьыгъэцIэм и зэман категорэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм	82
<i>Шэрджэс З.В.</i>	«Бзыльхугъэ» концептым адыгэбзэм щилэ купщIэ нэхьыщхьэхэмрэ кIэрыдзэнхэмрэ	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алхасова С.М.</i>	Эволюция поэзии Инны Кашежевой в 90-е гг. XX в.	101
<i>Биттирова Т.Ш.</i>	Ритмическая организация стиха Кязима Мечиева	107
<i>Хакуашева М.А.</i>	Образы-символы в романе-дилогии А. Кешокова «Вершины не спят»	113
<i>Быхъурэ М.Ф.</i>	Лыхъужьым и дуней къытехъкIар къэзыуатэ мотивыр тхыдэр зи лъабжьэ лыхъужь эпосым и пасэррей лъэхъэнэм къызэрыхэщыр	119
<i>Гергокова Л.С.</i>	К вопросу изучения медиальных формул в карачаево-балкарских сказках о животных	131
<i>Гулиева (Занукоева) Ф.Х.</i>	Карачаево-балкарские повествовательные загадки	139
<i>Хагожеева Л.С.</i>	Числовая символика в эпосе адыгов	147

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Fomenko V.A.</i>	Ancient and medieval burial mounds of Kabardino-Balkaria as part of the cultural and historical heritage	7
<i>Varivoda N.V.</i>	Ambiguity of terminology in the historiography of the cossacks	20
<i>Kozhev Z.A.</i>	«Khegak» identity of Kanbulat Idarov: possible interpretations	30
<i>Aloev T.Kh.</i>	On the way to Belgrade: the dynamics of the inter-imperial debate on the political status of Kabarda in the first quarter of the 18th century	40
<i>Dzuganov T.A.</i>	On the role of money in the everyday life of Balkar societies at the end of the 19th century	50
<i>Takova A.N.</i>	Metamorphoses in the sphere of state-confessional relations in Kabardino-Balkaria during the formation and strengthening of Soviet power (the 20s of the XX century) through the prism of judicial system reform	58

LINGUISTICS

<i>Kuchmezova L.B.</i>	Lexico-semantic and phonetic features of Dialectisms used in the work of D. Taumurzaeva « <i>Kim alga?</i> » (What's the injury?)	67
<i>Khezheva Z.R.</i>	The place of the mood category of the Kabardino-Circassian Language in the Grammars of Sh. Nogmov, G. Turchaninov and M. Tsagov	75
<i>Khezheva M.R.</i>	Category of verb tense in the Kabardino-Circassian language	82
<i>Cherkesova Z.V.</i>	Description of the core and periphery of the concept "woman" in the kabardino-circassian language	93

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Alkhasova S.M.</i>	The evolution of Inna Kashezheva's poetry in the 90s of the twentieth century	101
<i>Bittirova T.Sh.</i>	Rhythmic Organization of a verse by Kazim Meechiev	107
<i>Hakuasheva M.A.</i>	Images-symbols in the novel-dilogy by A. Keshokov «Peaks do not sleep»	113
<i>Bukhurov M.F.</i>	The motive of the birth of a hero in the early cycles of the historical and heroic epos of the Adygs	119
<i>Gergokova L.S.</i>	To the question of the study of medial formula in karachayev-balkar fairy tales about animals	131
<i>Gulieva (Zanukoeva) F.H.</i>	Karachay-balkarian narrative riddles	139
<i>Khagozheeva L.S.</i>	Numerical symbolism in the epic of the Circassians	147

Научная статья
УДК 903.53(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-7-19

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Владимир Александрович Фоменко

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© В.А. Фоменко, 2022

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам изучения древних и средневековых курганов, существовавших и сохранившихся на территории Кабардино-Балкарии. Автор предпринял попытку оценить научное и культурно-историческое значение курганов, курганообразных возвышенностей в истории и современности нашей республики. Приведенные в статье данные обобщенно и кратко представляют накопленные материалы о курганных древностях региона.

Впервые рассматривается важность этих древностей для жителей Кабардино-Балкарии. Говорится о роли курганов в быту и историческом сознании местного населения. Показано значение курганов как части историко-культурного наследия народов республики.

В настоящем исследовании автор стремился обозначить большую часть аспектов избранной темы, ориентируясь на дальнейшую детализацию научного и культурно-исторического значения древних и средневековых курганов Кабардино-Балкарии. В статье говорится о необходимости при изучении курганов использования не только данных археологии, но и сведений фольклора, топонимики, старинных карт.

Автор приходит к выводам о необходимости дальнейшего изучения курганов Кабардино-Балкарии как части исторического сознания местного населения XIX – начала XXI в., важности их сохранения как составляющей исторического наследия и неотъемлемого компонента регионального историко-культурного ландшафта.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкарская Республика, курганы, эволюция курганного обряда, курганообразные возвышенности, исторические топонимы, культурно-историческое наследие

Для цитирования: Фоменко В.А. Древние и средневековые курганы Кабардино-Балкарии как часть культурно-исторического наследия // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 7–19. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-7-19

Original article

ANCIENT AND MEDIEVAL BURIAL MOUNDS OF KABARDINO-BALKARIA AS PART OF THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE

Vladimir A. Fomenko

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© V.A. Fomenko, 2022

Abstract. The article is devoted to topical issues of the study of ancient and medieval burial mounds that existed and survived on the territory of Kabardino-Balkaria. The author tried to assess the scientific and cultural-historical significance of burial mounds, mound-shaped hills in the history and modernity of our republic. The data presented in the article summarize and briefly present the accumulated materials on the kurgan antiquities of the region.

For the first time, the importance of these antiquities for the inhabitants of Kabardino-Balkaria is considered. The role of burial mounds in the everyday life and historical consciousness of the local population is discussed. The significance of burial mounds as part of the historical and cultural heritage of the peoples of the republic is shown.

In this study, the author sought to identify most of the aspects of the chosen topic, focusing on further detailing the scientific and cultural-historical significance of the ancient and medieval kurgans of Kabardino-Balkaria. The article talks about the need to use not only archeological data, but also folklore, toponymy, old maps when studying burial mounds.

The author concludes about the need for further study of the kurgans of Kabardino-Balkaria as part of the historical consciousness of the local population of the 19th – early 21st centuries, the importance of their preservation as part of the historical heritage and an integral component of the regional historical and cultural landscape.

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Balkarian Republic, burial mounds, evolution of the kurgan rite, kurgan-shaped hills, historical toponyms, cultural and historical heritage

For citation: Fomenko V.A. Ancient and medieval burial mounds of Kabardino-Balkaria as part of the cultural and historical heritage. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 7–19. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-7-19

Археологические памятники являются наиболее древней и ценной частью историко-культурного наследия народов нашей страны. Их изучение – важнейшая задача исторической науки. Одним из ярких и своеобразных видов погребальных археологических памятников являются курганы разбросанные по равнинным и предгорным территориям значительной части Российской Федерации и за ее пределами. Очень характерны курганы, их группы и скопления в виде т. н. курганных полей для юга Восточной Европы, в частности для Северного Кавказа и конкретно для Кабардино-Балкарии.

Многие древние и средневековые насыпи на территории нашей республики оказались разрушенными природой и людьми, относительно небольшая часть курганов была исследована учеными, и часть курганов сохранилась до наших дней. Эти памятники с древнейших времен теснейшим образом связаны с историей местных жителей. Сведения о курганах сохранились в исторических источниках, в памяти и сознании современного населения.

Потому сегодня важно обобщить доступные материалы и рассмотреть курганы как часть историко-культурного наследия Кабардино-Балкарии.

Курганные древности на территории современной Кабардино-Балкарии вызывали интерес исследователей с середины XIX в. В XX в. в научное изучение курганов значительный вклад внесли археологи: А.А. Иессен, Б.Е. Деген, Е.И. Крупнов, П.Г. Акритас, Н.А. Шафиев, И.М. Чеченов, Р.Ж. Бетров, В.М. Батчаев, И.М. Мизиев, А.Х. Нагоев, Б.М. Керефов и др. Только часть материалов раскопок курганов введена в научный оборот.

Очень ценные этнографические данные о курганах и курганообразных возвышенностях в послевоенные годы целенаправленно собирал историк Панаит Георгиевич Акритас. В наши дни этнографическим аспектам изучения курганов республики несколько работ посвятил сотрудник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН Т.Р. Загазежев [Загазежев 2011].

Роль курганных памятников в развитии этнической истории адыгов рассматривалась в работах Е.И. Крупнова, Н.А. Шафиева, Р.Ж. Бетрзова, А.Х. Нагоева, Б.М. Керефова, Б.Х. Бгажнокова, Н.Г. Ловпаче, С.Х. Хотко и автора этих строк.

Целью исследования является обзор и обобщение разноаспектных данных о курганах как части историко-культурного наследия населения Кабардино-Балкарии. К задачам, связанным с поставленной целью, следует отнести:

1. анализ общих данных о древних и средневековых курганах республики и сопредельных территорий для определения их общей хронологии, степени распространения, сохранности и изученности этих памятников;

2. краткую характеристику общероссийского научного (в основном археологического) и регионального (этнокультурного, ландшафтно-исторического) значения курганов Кабардино-Балкарии;

3. определение подкурганного обряда и особенностей сооружения курганной насыпи как части комплекса этномаркирующих признаков кавказского (адыгского) населения на протяжении длительного периода его этнокультурной истории;

4. выявление значения курганных могильников и курганообразных возвышенностей в жизни (в т.ч. в быту и в историческом сознании) местного населения до начала XXI в.;

5. рассмотрение курганов как неотъемлемой части исторического ландшафта Кабарды и современного регионального историко-культурного ландшафта, необходимости их сохранения, музеефикации и создания заповедников;

6. анализ исторических топонимов, связанных с курганами и курганообразными возвышенностями на территории Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов;

Географические рамки работы включают в себя прежде всего территорию современной Кабардино-Балкарской республики. Однако автор часто вынужден выходить за ее пределы при использовании аналогий и опыта археологического, культурно-этнического и историко-ландшафтного изучения курганов в других, иногда удаленных регионах.

Временные рамки исследования широкие, т. к. появление обряда сооружения курганной насыпи над погребением на юге Восточной Европы и в Предкавказье относится к эпохе энеолита [Корневский 2011: 114–116], а определение роли курганов в историческом сознании местного населения позволяет ограничить верхнюю границу хронологии современностью.

Особенностями исследовательского подхода в настоящей статье является использование при изучении курганов не только археологических данных (материалов раскопок и разведок), но и данных фольклора, топонимических названий, материалов старинных карт, а также личных наблюдений автора во время посещения памятников.

Важно, что в статье курганы рассматриваются как ценный многоаспектный исторический источник, имеющий непосредственное отношение к ранним, более близким и современным периодам истории местного населения, а не только как археологический памятник, абстрагированный от большей части этнокультурного содержания и значения.

Перейдем к краткому анализу общих данных о древних и средневековых курганах Кабардино-Балкарии и сопредельных территорий для определения степени распространения, общей хронологии, сохранности и изученности этих памятников.

Курганы известны во всех районах республики. Большая их часть расположена на равнинных и предгорных территориях. Встречаются они и в горных местностях, исключая высокогорья.

Обряд возведения курганных насыпей имеет широкую общую хронологию, от эпохи энеолита (V тыс. до н.э.) до пережитков позднесредневековых курганных традиций, окончательно исчезнувших в XIX веке.

Можно предположить, что большая часть курганов, располагавшихся на территории современной Кабардино-Балкарии до второй трети XIX столетия,

к настоящему времени утрачена. Это произошло в основном из-за грабительских раскопок во второй половине XIX – первой четверти XX в., а также в результате широкого использования сельскохозяйственной и землеройной техники, роста жилой и промышленной застройки в середине XX – начале XXI в. Насыпи курганов разрушались преимущественно в зонах активной хозяйственной деятельности и в меньшей степени в горных, лесных и малозаселенных в Новейшее время местностях.

И в наши дни курганы часто разрушаются при распашке полей, при застройке территорий окраин городов и сел, при строительстве дорог и т.д.

Случайные находки, собранные из разрушенных курганов, нередко передаются в музеи, в основном в Национальный музей КБР, обладающий наиболее крупным собранием древностей.

Сотни курганов на территории республики были изучены археологами и краеведами, т.е. насыпи их полностью снесены, но сохранилась разного качества полевая отчетная документация о раскопках этих памятников. Часть материалов новострочных археологических работ опубликована. Исследованиям 1970-х посвящено трехтомное издание [Археологические исследования 1984, 1985, 1987].

В качестве примера очень редкого в современной региональной археологии междисциплинарного подхода к анализу находок из курганов можно привести публикацию кургана 14 в местности Кудохурт в Черекском районе Кабардино-Балкарии. Находки позволили сравнить показатели социального неравенства, демографии, сохранности зубов и питания населения данного района в поздний период среднего бронзового века (конец III – середина II тыс. до н.э.) [Fuchs 2020].

В последние годы поднимался вопрос о сохранении культурно-исторического наследия и характере археологических исследований на территории Кабардино-Балкарии. Этот вопрос вызван тем, что древние и средневековые курганы, а также другие объекты культурного наследия, являются частью общероссийского культурно-исторического наследия. Предоставлять или не предоставлять право на раскопки археологических памятников на территории республики, а также место постоянного хранения находок из раскопок региональные власти не определяют.

Сложившаяся в республике практика археологических исследований имеет в основном новострочный и хоздоговорной характер с редкими случаями планомерных бюджетных долговременных экспедиций. Эта ситуация связана с немногочисленностью местных профессиональных археологических кадров и длительным отсутствием интереса молодежи Кабардино-Балкарии к археологии. К сожалению, по ряду причин местные научные и образовательные учреждения, а также музеи в изучении археологических памятников на территории республики в наши дни участия почти не принимают.

Эти и другие тематически близкие вопросы обсуждались 22.02.2017 на круглом столе «Актуальные проблемы сохранения историко-культурного наследия на территории КБР» в Институте гуманитарных исследований КБНЦ РАН с участием депутатов Парламента Кабардино-Балкарии, представителей ряда общественных и образовательных организаций, государственных структур, краеведов, ученых-историков.

На этом заседании многие присутствующие с тревогой говорили о продолжающемся разрушении археологических и историко-ландшафтных памятников. Особенную обеспокоенность участников вызвало частичное разрушение уникального кургана Ошхаца близ селения Урвань в окрестностях Нальчика.

Древний курган Ошхаца (Лесистый курган) является одним из крупнейших на юге Восточной Европы, его высота превышает 20 м (Рис. 1). Время его сооружения, вероятно, относится к эпохе ранней бронзы (IV тыс. до н.э.). Об этом кургане писал выдающийся кабардинский ученый Шора Ногмов. Он упоминал предание об этом памятнике, являвшимся в старину местом обитания первых в данной местности священников [Ногмов 1994: 77].

К сожалению, несколько лет назад Ошхаца сильно пострадал от грабителей, искавших спрятанные якобы здесь сокровища, в т.ч. серебряную дверь.

Рис. 1. Грабительская яма в насыпи кургана Ошхаца. Фото 2016 г.

Разрушение курганов – наиболее заметных и нередко величественных памятников – в наши дни как и в прошлом является распространенным явлением. Это, вероятно, связано с непростой экономической ситуацией, отсутствием последовательных правоохранительных мер, недостаточной научно-популяризаторской работой и рядом других факторов. Интересно, что для спасения кургана Ошхаца от грабителей высказывались предложения полностью изучить, т.е. раскопать под снос, этот памятник. Эта идея встретила возражения общественности, т.к. Лесистый курган является не только археологическим, но и важнейшим историко-культурным памятником, богобоязненное отношение к которому сохранялось еще в середине XX столетия и было зафиксировано советским историком П.Г. Акритасом [Акритас 1947: 310–311].

Сооружение курганных насыпей и подкурганной обряд могут рассматриваться как устойчивый во времени компонент комплекса этномаркирующих признаков адыгского этноса. Курганные насыпи в разное время включали в себя разнотипные погребальные конструкции: грунтовые ямы, каменные ящики, склепы (земляные или каменные), дольменовидные постройки, которые часто дополнялись каменными кромлехами, вымостками, набросками, реже каменными стелами. Эти внутри- и накурганные сооружения являлись в разной мере характерными и устойчивыми во времени этническими маркерами, составлявшими вместе с курганными насыпями единые комплексы.

Христианские и исламские погребальные традиции и обряды в эпоху Средневековья и Нового времени были противоположностью языческих практик захоронения. Но в то же время нередки проявления и даже устойчивость религиозного синкретизма.

Важно отметить, что для древностей Кабардино-Балкарии типично одновременное бытование курганного и бескурганного погребальных обрядов. Возведение крупных курганных насыпей требовало много сил и времени. Они скорее всего были и культовыми сооружениями. Рядом с ними существовали более многочисленные и менее трудоемкие небольшие курганы и бескуранные кладбища. При этом бескуранные некрополи и могильники с невысокими насыпями менее заметны и менее изучены.

Подтверждением специфичности курганного обряда погребения для адыгского этноса и его восточной части, кабардинцев, являются пережитки поздне-средневековых курганных традиций, зафиксированные на шапсугских и кабардинских кладбищах XIX века.

Охарактеризуем значение курганных могильников и курганообразных возвышенностей в быту, историческом сознании и других сферах жизни местного населения.

Как уже было сказано, возведение курганов в качестве надгробных памятников было характерно для культуры адыгов, в т.ч. и для кабардинцев. Эта культово-погребальная традиция формировалась в эпоху энеолита и с эпохи ранней бронзы этот обряд эволюционировал, наряду с другими обрядами захоронения, вплоть до второй половины XIX в.

До первой половины XIX столетия многочисленные курганные могильники Гуашхъ бын (с кабардинского – семья курганов) были важным этнокультурным признаком на территории расселения кабардинцев в Предкавказье. Эти могильники относятся нами к старокабардинской археологической культуре. Они чаще всего устраивались на небольших возвышениях и обозначали территорию непосредственного проживания восточных адыгов. Нередко группы кабардинских курганов размещались в важных в торговом и военном отношении районах (вход в Баксанское ущелье у селения Заюково, у Эльхотовских ворот в долине Терека и в других местностях).

У соседнего народа, ингушей, сохранились сказания о том, что кабардинцами были созданы «дозорные насыпи» в долине Сунжи и на ее притоках. Эти холмы на городищах (Рис. 2) по мнению местных жителей «были либо местом погребения кабардинских князей, либо месторасположением «сигнальных маяков» этих феодалов при жизни». В историко-этнографической литературе такие холмы имеют название «барц», или более точно «боардз» (на ингушском – курган, холм). Интересно, что действительно рядом с земляными городищами на Средней Сунже расположены позднесредневековые кабардинские могильники, состоящие из небольших курганов. Более того, часть кабардинских могильников располагаются внутри валов и эскарпов некоторых из этих городищ [Виноградов, Шаова 2003: 85–86].

Рис. 2. Вид на цитадель городища Ачам-Боарз у селения Экажево в Ингушетии [Кодзоев 2003: приложение, Рис. 11].

В довоенный период в Кабардино-Балкарии в основном сохранялся исторический ландшафт. Характер обработки полей и относительно небольшие темпы жилищного и промышленного строительства не приводили к разрушению значительного числа курганов. Напротив, при крупных работах по созданию БаксанГЭС работали приглашенные из Ленинграда ученые-археологи, изучавшие и памятники, оказавшиеся на стройплощадках, и памятники широкой округи, значительно удаленные от объектов строительства. Похожая ситуация была и на новостройках довоенного Нальчика.

В послевоенный период, благодаря появлению большого количества техники (тракторов, бульдозеров и т. п.), изменились и обработка полей и масштабы строительных работ. Насыпи многих небольших курганов были бесследно распаханы. Более крупные курганы часто сносились. К началу 70-х гг. в Кабардино-Балкарии появилась региональная разновидность новостроечной (спасательной или курганной) археологии. Местными учеными были раскопаны, т. е. спасены от разрушения, многие уникальные памятники [Археологические исследования 1984, 1985, 1987]. Прежде всего – группы курганов и отдельные насыпи.

В довоенное и послевоенное время на вершинах некоторых курганов в Нальчике и в районах республики строили беседки. От большинства этих построек сохранились только следы фундаментов.

Рис. 3. Памятник-обелиск погибшим воинам на кургане у селения Малка.

В советскую эпоху на крупных древних курганах иногда устанавливались памятники, связанные с событиями Великой Отечественной войны. Так, на окраине селения Малка в Зольском районе на высоком кургане находится величественный памятник-обелиск погибшим воинам (Рис. 3).

Современное население Кабардино-Балкарии к древним и средневековым курганам, так же как и к другим погребениям людей, относится суеверно. Считается, что прикосновение к костям, камням или вещам из разрушенной могилы может вызвать болезнь или стать причиной несчастья.

Из школьных учебников кабардинцы с ранних лет получают и прочно усваивают знания о том, что население эпохи ранней бронзы Центрального и Северо-Западного Кавказа (носители майкопской культуры) являлось предками современных адыгов. Майкопская культура и ряд других древних и средневековых культур, носители которых возводили курганы над погребениями, достаточно известны населению Кабардино-Балкарии. Об этих древностях существует научная и научно-популярная литература.

Находки из курганов жители Кабардино-Балкарии могут посмотреть в экспозиции (Рис. 4) и на выставках Национального музея КБР. О новых раскопках курганов на территории республики местные жители узнают из телепередач, газет, журналов и ресурсов интернета.

Рис. 4. Часть экспозиции Национального музея КБР 2010 года с находками из курганов эпохи бронзы.

Выделение майкопской археологической культуры и обоснование ее этнической принадлежности связаны с именем выдающегося ученого-кавказоведа Е.И. Крупнова [Крупнов 1957: 48–62]. Эта культура и ее наиболее богатый и известный памятник, курган Ошад [Пиотровский 2020], исследованный в 1897 году в Майкопе, имеют особое значение в восприятии и понимании курганных древностей жителями Кабардино-Балкарии. Благодаря работам археолога Р.Ж. Бетрозова древности майкопской культуры прочно ассоциируются с предками адыгов [Бетрозов 1998]. О значении майкопской культуры в этнической истории адыгов писали также историки В.Х. Кажаров [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7–8] и Б.Х. Бгажноков [Бгажноков 2017].

Крупные курганы являются неотъемлемой частью исторического ландшафта Кабарды и современного регионального историко-культурного ландшафта. Существует насущная необходимость их музеефикации и создания заповедников на прилегающей территории. Однако, несмотря на то, что Кабардино-Балкария богата археологическими памятниками, в республике отсутствуют ландшафтно-исторические и археологические заповедники, подобные имеющимся в Краснодарском крае и в Карачаево-Черкесии.

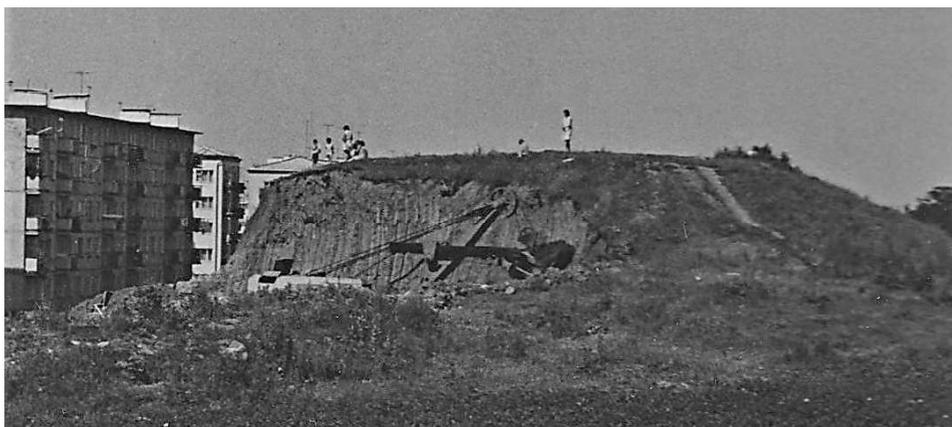

Рис. 5. Насыпь кургана эпохи ранней бронзы в г. Нальчик частично поврежденная строителями. Конец 1960-х гг.

Существуют сложности и с музеефикацией уже изученных уникальных курганов. Более 50 лет не находит решения вопрос о восстановлении подкурганной гробницы IV тыс. до н.э. майкопской археологической культуры. Эта гробница была исследована в кургане высотой около 10 м в 1968–1969 годах в районе «Горный» города Нальчик (Рис. 5) [Чеченов 1973]. Находки из гробницы, в т.ч. обнаруженные здесь антропоморфные каменные стелы, после завершения раскопок поступили в Национальный музей КБР. Тогда предполагалось восстановить уникальную гробницу, но эти планы осуществлены не были.

Однако и в наши дни нальчикский курган и исследованная в нем монументальная гробница вызывают интерес российских и зарубежных ученых. В 2012 году С. Хансен и С. Райнхольд из Германского археологического института собрали необходимый музейный и архивный материал в городе Нальчик для издания каталога находок из этого памятника выдающегося научного значения [Бгажноков, Фоменко 2017: 45–46; Belinskij, Hansen, Reinhold 2017].

Важным историческим источником являются топонимы, связанные с курганами и курганообразными возвышенностями. Эти памятники и их названия – неотъемлемая часть культуры адыгских народов. Известно, что в каждом кабардинском селе о курганах сохранилось значительное число сказаний и важных исторических и этнологических данных. У селения Аушигер в Черекском районе сохранился курган, связываемый с именем прославленного героя Андемиркана (Рис. 6). В окрестностях селения Атажукино в Баксанском районе известны курганы, связываемые местными краеведами с именами князей Атажукиных. В ближайших окрестностях этого села расположено множество именных курганов и курганообразных возвышенностей, например, курган Кабарда Тамбиева (Рис. 7), гора Озроковых и курган Боры Могучего.

Рис. 6. Курган Андемиркана у селения Аушигер.

Рис. 7. Курган Кабарда Тамбиева на возвышенности Махуаганс (по В.Н. Котлярову).
На кургане находится местный краевед Х.З. Гедгафов.

В современном кабардино-черкесском языке название древнего или средневекового кургана не отличается от названия курганообразного холма или возвышенности. Для этого используется слово *Іуашхъэ*. Потому к исторической курганной топонимике мы относим и названия курганообразных возвышенностей, в т.ч. земляных городищ и их конусовидных цитаделей.

Земляные городища находятся в основном в равнинно-предгорной части Кабардино-Балкарии. Многие из них почти не изучены и условно датируются II–IV вв. В 1946 году археолог П.Г. Акритас осмотрел курганы и земляные городища республики. Крупные городища исследователь именовал нартскими укреплениями, но в то же время писал, что часть этих памятников местные жители называют *Калеж* (каб. старая крепость) или *Джерменшик* [Акритас 1947].

По данным топонимиста Дж.Н. Кокова, «герменчиками» в Кабардино-Балкарии назывались группы курганов, отдельные курганы и остатки укреплений. Слово *Герменчик* происходит от турецкого названия крепости – *кермен* [Коков 2000: 50–51].

Среди древностей II–IV вв. нужно назвать *Шхалишхову гору*. Этот высокий конусовидный холм расположен у селения *Кишпек*. *Шхалишхо* переводится с кабардинского как «большая мельница». Недалеко располагалось другое городище первых веков нашей эры, построенное в насыпи *Большого кишпекского кургана* эпохи бронзы.

В долине реки *Кишпек* и в ближайших окрестностях расположено множество памятников II–IV вв., прежде всего курганов и земляных укреплений. Название реки и местности *Кишпек* (каб. *Кышбэч*, *Чышбэч*), вероятно, переводится словосочетанием *кЫщ* (каб. кузня) и *бэч/бек* (тюрк. бек, господин). Основа этого топонима является более древней чем система городищ и относится предположительно к предскифскому времени [Фоменко 2022].

Следует отметить, что крупные курганы и курганообразные возвышенности, как важные ориентиры, часто отмечались на старых картах. Внимательное изучение карт XVIII–XIX вв. Прикубанья позволяет археологам получить ценную информацию, в т.ч. и по не сохранившимся до наших дней названиям курганов,

городищ и т. д. [Каменецкий 2002]. К сожалению, такая работа по старинным картам территории Кабардино-Балкарии почти не проводилась.

Таким образом, исследование различных материалов о курганных могильниках Кабардино-Балкарии позволяет сделать вывод о том, что эти памятники являются уникальной и ценнейшей частью историко-культурного наследия народов республики. Их дальнейшее изучение необходимо проводить комплексно, привлекая данные археологии, фольклора, топонимики, старинных карт. Курганы Кабардино-Балкарии – это и неотъемлемая часть историко-культурного ландшафта региона. Они нуждаются в охране и в разностороннем изучении, в том числе археологическими методами и методами естественных наук, преимущественно неразрушающими насыпь.

Список источников

Акритас 1947 – *Акритас П.Г.* Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. (предварительные итоги) // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1947. С. 301–318.

Археологические исследования 1984 – *Археологические исследования* на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / отв. ред.: Марковин В.И. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. 304 с.

Археологические исследования 1985 – *Археологические исследования* на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / отв. ред.: М.П. Абрамова, В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 2. 280 с.

Археологические исследования 1987 – *Археологические исследования* на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / отв. ред.: Кузнецов В.А. Нальчик: Эльбрус, 1987. Т. 3. 244 с.

Бгажноков 2017 – *Бгажноков Б.Х.* О первобытном зоо- и плантоцентризме майкопских племен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (83). С. 31–34.

Бгажноков, Фоменко 2016 – *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* Курганы в окрестностях селения Урвань (предварительные итоги экспедиции КБИГИ 2016 г.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2016. № 4. С. 15–33.

Бгажноков, Фоменко 2017 – *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* Памятники древности и Средневековья как фактор устойчивого развития культурного ландшафта г. Нальчика и его окрестностей // Качество. Инновации. Образование. М., 2017. № 4 (143). С. 44–50.

Бетров 1998 – *Бетров Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик: Эльбрус, 1998. 280 с.

Боров, Думанов, Кажаров 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.

Виноградов, Шаова 2003 – *Виноградов В.Б., Шаова С.Д.* Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.) / отв. ред. Н.Н. Великая. Армавир; Майкоп: Армавирский государственный педагогический институт, 2003. 154 с.

Загазежев 2011 – *Загазежев Т.Р.* Историко-археологические памятники в селении Аушигер и его ближайших окрестностях // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР КБНЦ РАН. Нальчик, 2011. Вып. 18. С. 49–60.

Каменецкий 2002 – *Каменецкий И.С.* Археологические памятники на старых картах Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. М.: Наука, 2002. Вып. III. С. 8–61.

Кодзоев 2003 – *Кодзоев Н.Д.* Магас по археологическим и письменным источникам. Магас: Сердало, 2003. 152 с.

Коков 2000 – *Коков Дж.Н.* Избранные труды: в 2 т. Нальчик: Эльбрус, 2000. Т. 1. Адыгская топонимия. 486 с.

Корневский 2011 – *Корневский С.Н.* Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус, 2011. 256 с.

Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 176 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 231 с.

Пиотровский 2020 – *Пиотровский Ю.Ю.* Майкопский курган (Ошад): современный взгляд // *Camera praeistorica*. 2020. № 1 (4). С. 61–75. DOI: 10.31250/2658-3828-2020-1-61-75

Фоменко 2022 – *Фоменко В.А.* Исторические топонимы: названия курганов и курганообразных возвышенностей первой половины I тыс. равнинно-предгорной части Кабардино-Балкарии // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»*. М., 2022. № 12. С. 22–24. DOI 10.37882/2223-2982.2022.12.33

Чеченов 1973 – *Чеченов И.М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик: Эльбрус, 1973. 67 с.

Belinskij, Hansen, Reinhold 2017 – *Belinskij A., Hansen S., Reinhold S.* The Great Kurgan from Nalčik. A Preliminary Report // *At the northern frontier of Near Eastern archaeology: recent research on Caucasia and Anatolia in the Bronze Age*. Turnhout: Brepol, 2017. P. 13–32.

Fuchs 2020 – *Fuchs K.* Interdisciplinary analysis of the cemetery Kudachurt 14. Evaluating Indicators of Social Inequality, Demography, Oral Health and Diet during the Bronze Age Key Period Between 2250–1650 in the Northern Caucasus. *Scales of Transformation in Prehistoric and Archaic Societies*. Volume 11. Leiden: Sidestone Press, 2020. 410 pp.

References

AKRITAS P.G. *Arheologičeskaja razvedka v Kabarde v 1946 g.* (predvaritelnye itogi) [Archaeological exploration in Kabarda in 1946 (preliminary results)]. IN: *Uchenye zapiski Kabardinskogo NII* [Scientific notes of the Kabardian Research Institute]. Nalchik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatelstvo, 1947. P. 301–318. (In Russian)

Arheologičeskie issledovanija na novostrojkah Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. / otv. red.: Markovin V.I. [Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria in 1972–1979 / resp. ed.: Markovin V.I.]. Nalchik: Jelbrus, 1984. T. 1. 304 p. (In Russian)

Arheologičeskie issledovanija na novostrojkah Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. / otv. red.: M.P. Abramova, V.I. Kozenkova [Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria in 1972–1979 / resp. editor: M.P. Abramova, V.I. Kozenkova]. Nalchik: Jelbrus, 1985. T. 2. 280 p. (In Russian)

Arheologičeskie issledovanija na novostrojkah Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. / otv. red.: Kuznetsov V.A. [Archaeological research 1987. Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria in 1972–1979 / resp. ed.: Kuznetsov V.A.]. Nalchik: Jelbrus, 1987. T. 3. 244 p. (In Russian)

BETROZOV R.ZH. *Adygi: vozniknovenie i razvitie jetnosa* [Adygs: the emergence and development of the ethnic group]. Nalchik: Jelbrus, 1998. 280 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.H. *O pervobytnom zoo- i plantocentrizme majkopskih plemen* [On the primitive zoo- and plantocentrism of the Maikop tribes] IN *Istoricheskie, filosofskie, političeskie i juridičeskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2017. № 9 (83). P. 31–34. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.H., FOMENKO V.A. *Kurgany v okrestnostjah selenija Urvan (predvaritelnye itogi jekspedicii KBIGI 2016 g.)* [Mounds in the vicinity of the village of Urvan (preliminary results of the KBIGI expedition in 2016)]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij* [КВИHR Bulletin]. Nalchik, 2016. № 4. P. 15–33. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.H., FOMENKO V.A. *Pamjatniki drevnosti i Srednevekovjaja kak faktor ustojčivogo razvitija kulturnogo landshafta g. Nalchika i ego okrestnostej* [Monuments of antiquity and the Middle Ages as a factor in the sustainable development of the cultural landscape of Nalchik and its environs]. IN: *Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie* [Quality. Innovation. Education]. М., 2017. № 4 (143). P. 44–50. (In Russian)

BOROV A.H., DUMANOV H.M., KAZHAROV V.H. *Sovremennaja gosudarstvennost Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovlenija, problemy* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, ways of formation, problems]. Nalchik: Jel-Fa, 1999. 184 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B., SHAOVA S.D. *Kabardincy i vajnahi na beregah Sunzhi (XVI – sedina XVIII v.)* / otv. red. N.N. Velikaja [Kabardians and Vainakhs on the banks of the Sunzha

- (XVI – mid-XVIII centuries) / resp. ed.: N.N. Velikaja]. Armavir; Majkop: Armavirskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut [Armavir State Pedagogical Institute], 2003. 154 p. (In Russian)
- ZAGAZEZHEV T.R. Istoriko-arheologičeskie pamjatniki v selenii Aushiger i ego blizhajsih okrestnostjah [Historical and archaeological monuments in the village of Aushiger and its immediate environs]. IN: Vestnik instituta gumanitarnyh issledovanij Pravitelstva KBR KBNC RAN [KBIHR Bulletin]. Nalchik, 2011. Vyp. 18. P. 49–60. (In Russian)
- KAMENECKIJ I.S. *Arheologičeskie pamjatniki na staryh kartah Prikubanja* [Archaeological monuments on old maps of the Kuban region] // Očerki istorii otečestvennoj arheologii [Essays on the history of domestic archeology]. M.: Nauka, 2002. Issue. III. P. 8–61. (In Russian)
- KODZOEV N.D. *Magas po arheologičeskim i pismennym istočnikam* [Magas according to archaeological and written sources]. Magas: Serdalo, 2003. 152 p. (In Russian)
- KOKOV DZH.N. *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 volumes]. Nalchik: Jelbrus, 2000. T. 1. *Adygskaja toponimija* [Volume 1. Adyghe toponymy]. 486 p. (In Russian)
- KORENEVSKIJ S.N. *Rozhdenie kurgana (pogrebalnye pamjatniki jeneoliticheskogo vremeni Predkavkazja i Volgo-Donskogo mezhdurečja)* [Birth of a mound (funeral monuments of the Eneolithic period of Ciscaucasia and the Volga-Don interfluve)]. M.: Taus, 2011. 256 p. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. *Drevnjaja istorija i kultura Kabarda* [Ancient history and culture of Kabarda]. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR [Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR], 1957. 176 p. (In Russian)
- NOGMOV SH.B. *Istorija adyhejskogo naroda, sostavlennaja po predanijam kabardincev* [The history of the Adykhean people, compiled according to the legends of the Kabardians]. Nalchik: Jelbrus, 1994. 231 p. (In Russian)
- PIOTROVSKIJ JU.JU. *Majkopskij kurgan (Oshad): sovremennyj vzgljad* [Maikop mound (Oshad): modern view]. IN Camera praeistorica. 2020. № 1 (4). P. 61–75. DOI: 10.31250/2658-3828-2020-1-61-75 (In Russian)
- CHECHENOV I.M. *Nalchikskaja podkurgannaja grobnica* [Nalchik burial mound]. Nalchik: Jelbrus, 1973. 67 p. (In Russian)
- FOMENKO V.A. *Istoricheskie toponimy: nazvanija kurganov i kurganoobraznyh vozvyšennostej pervoj poloviny I tys. ravnino-predgornoj časti Kabardino-Balkarii* [Historical toponyms: names of kurgans and barrow-shaped hills of the first half of the 1st millennium of the flat-foothill part of Kabardino-Balkaria]. IN *Sovremennaja nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Serija «Gumanitarnye nauki»* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series «Humanities»]. M., 2022. № 12. P. 22–24. DOI 10.37882/2223-2982.2022.12.33. (In Russian)
- BELINSKIJ A., HANSEN S., REINHOLD S. *The Great Kurgan from Nalčik. A Preliminary Report IN At the northern frontier of Near Eastern archaeology: recent research on Caucasia and Anatolia in the Bronze Age*. Turnhout: Brespol, 2017. P. 13–32.
- FUCHS K. *Interdisciplinary analysis of the cemetery Kudachurt 14. Evaluating Indicators of Social Inequality, Demography, Oral Health and Diet during the Bronze Age Key Period Between 2250–1650 in the Northern Caucasus*. Scales of Transformation in Prehistoric and Archaic Societies. Volume 11. Leiden: Sidestone Press, 2020. 410 p.

Информация об авторе

В.А. Фоменко – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором древней истории и археологии.

Information about the author

V.A. Fomenko – Candidate of Science (History), Assistant Professor, Head of the Sector of Ancient History and Archeology

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 947(470)

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-20-29

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИСТОРИОГРАФИИ КАЗАЧЕСТВА

Наталья Владимировна Варивода

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© Н.В. Варивода, 2022

Аннотация. В статье исследуется проблема отсутствия терминологического консенсуса в историографии казачества. Проблемы происхождения и природы казачества, его роли в истории России находятся в центре внимания многих исследователей, но сохраняют свой дискуссионный характер. Среди множества концепций происхождения казаков ключевыми по-прежнему остаются различные вариации миграционной и автохтонной теорий, а также попытки их синтеза. В статье анализируются проблемы соотношения этнического и социального в казачестве. Показано, что большинство историков все же склонно отмечать двойственность природы казачества, наличие у него и этнических, и сословных черт, расходясь в анализе их соотношения. Казачество рассматривается как сложное, многокомпозиционное явление, сформировавшееся как этническая, социальная и историческая общность (группа).

Ключевые слова: казачество, этнос, сословие, субэтнос, народ, этногенез, эволюция, самосознание, идентичность, феномен

Для цитирования: Варивода Н.В. Многозначность терминологии в историографии казачества // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 20–29. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-20-29

Original article

AMBIGUITY OF TERMINOLOGY IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE COSSACKS

Natalia V. Varivoda

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© N.V. Varivoda, 2022

Annotation. The article examines the problem of the lack of terminological consensus in the historiography of the Cossacks. The problems of the origin and nature of the Cossacks, its role in the history of Russia are in the focus of attention of many researchers, but they retain their controversial nature. Among the many concepts of the origin of the Cossacks, various variations of migration and autochthonous theories, as well as attempts to synthesize them, remain key. The article analyzes the problems of the correlation of ethnic and social in the Cossacks. It is shown that most historians still tend to note the duality of the nature of the Cossacks, the presence of both ethnic and class traits, diverging in the analysis of their relationship. The Cossacks are considered as a complex, multicompositional phenomenon, formed as an ethnic, social and historical community (group).

Keywords: cossacks, ethnicity, subethnos, estate, people, ethnogenesis, evolution, self-consciousness, phenomenon

For citation: Varivoda N.V. Ambiguity of terminology in the historiography of the cossacks. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 20–29. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-20-29

Сущностная природа казаков представляет собой одну из острых проблем, ставшую предметом дискурса между многочисленными исследователями, ищущими субстанциальные основания казачества. В зависимости от личных убеждений они представляют различные концепции, в которых проблема происхождения и природы казаков, выражена как дискуссия об их сущности, не имеющая однозначного разрешения. Кроме того, вопрос об идентификации казачества как этноса или сословия в последнее время приобретает новый смысл в контексте программы возрождения этого уникального исторического явления. Немало сомнений и вопросов вызывают цели и задачи возрождения казачества, его пути и формы. Ответы на них тесно связаны с пониманием того, что представляло собой казачество.

Необходимо отметить, что считать казачество неким однородным образованием не представляется возможным, ибо казачество сочетает в себе этиологически различные компоненты, проявляющиеся в многообразии сословных, национальных, региональных, профессиональных и этнических характеристик [Шаожева 2017: 22]. Несмотря на такие определения казачества, как культурно-этническая, сословно-территориальная, историко-культурная, социально-профессиональная общность, этнографическая группа и др., существуют две основные точки зрения по поводу сущности казачества – этническая и сословная, но ни одна из них не является полноценной и всеохватывающей.

Зачастую по этой проблеме мнения различных авторов диаметрально противоположны. У некоторых исследователей гипертрофируется социальный фактор и нивелируется этнический. Эта точка зрения нашла свое отражение в большинстве трудов еще дореволюционной историографии, в основном в XIX в. Казаков называли военно-служилым сословием во всех официальных документах и отечественная наука воспринимала их только в таком качестве.

Некоторые современные исследователи также придерживаются этого мнения. Например И.Х. Тхамокова, исследуя социальные границы терского казачества, приходит к выводу, что оно являлось сословной, а не этнографической группой [Тхамокова 2014: 20]. Автором подчеркивается, что «те отличительные черты культуры, которыми оно (казачество – Н.В.) обладало..., были сословными, а не этническими, сословным было также и казачье самосознание» [Тхамокова 2000: 235]. Военным сословием также считает казачество и Е.Ю. Рукосуев [Рукосуев 1998: 137].

Ряд авторов склонны связывать все особенности казачества только с этническим фактором. Так, Г.А. Ткачев подчеркивал, что «казачество не есть сословие, которое можно уничтожить, а народ, хотя и говорящий на одном языке с народом русским, уже поэтому оно не может быть уничтожено» [Тхамокова 2000: 4–5]. Аналогично высказался о гребенском казачестве и Ф.С. Гребенец: «Гребенцы-старожилы... вполне убеждены и совершенно справедливо, что самый дух казачества и все военно-казачьи способности приобретаются не только воспитанием, но и рождением в силу наследственной передачи... Казаки рождаются, а не «делаются», и поэтому люди свободные, но неказачьего рода, никогда не могут быть настоящими казаками, а тем более никогда не могли и не могут быть ими люди зависимые... Подобный низкий элемент не ... может встать в уровень с природными казаками...» [Гребенец 1915: 103–104]. Однако в данном случае, желаемое выдается за действительное, так как среди казаков было много выходцев из среды так называемого автором «низкого элемента».

Так же особой народностью казачество считал и Е.П. Савельев – специалист по донскому казачеству [Савельев 1991: 56].

Признание за казачеством статуса «особого народа» (этноса), широко распространено в среде энтузиастов, занимающихся проблемой возрождения казачества с 90-х годов XX века. Такую позицию занимает П.С. Федосов, настаивая, что казачество является культурно-этнической общностью – народом [Федосов 2009].

А.М. Ляшко так же считает, что казакам присущи основные признаки этноса, народа: «Они обладают выраженным национальным самосознанием и самоопределением, имели территориальную автономию, а в некоторые периоды своей истории – собственные независимые государства. Казаки имеют развитую культуру, основанную на традициях военной демократии, отличающуюся от культур других народов. Традиционные милитаризованность казачьего этноса и военно-социальная структура «народ-война» не делают его сословием и не отрицают его этническую сущность» [Ляшко 2014: 920].

Обе вышеуказанные точки зрения по поводу сущности казачества не являются полноценными и всеохватывающими. Казачество не поддается какой-то узкой дефиниции и однолинейной идентификации. Как результат многовекового развития казачество заключает в себе две составляющие, отличавшие его как особый феномен в российской и мировой палитре: сословность и этнокультурную самобытность.

Так, В.П. Трут рассматривает казачество как этносоциальную общность [Трут 1996: 78]. С ним солидаризируется Э.В. Бурда, отмечая, что казачество является сложным саморазвивающимся этносоциальным явлением [Бурда 2003: 209]. М.Г. Капустина отмечает, что «казачество является народным «этносоциальным организмом», неотъемлемым атрибутом которого является миссия служения государству и Отечеству, исторически закрепленное в статусе военно-служивого сословия. Как этнос и народ казачье общество является этносоциальным организмом, а как народ – нерушимой целостностью и его единением с политической системой и государственнической идеологией Отечества» [Капустина 2017: 113].

Предположение о том, что казачество являлось метаэтнической общностью, сложившейся в начале XVII в. из групп этносов в результате этногенетической близости или длительного культурного взаимодействия, высказал А.В. Сопов [Сопов 2006: 28]. По мнению же С.А. Головановой, казачество более соответствует определению этника, который предстает как результат совместной исторической практики ряда поколений людей, воплощенной в специфических материальных и духовных атрибутах этой общности и фиксированной в сознании ее членов [Голованова 2005: 72].

На данный момент большинство исследователей рассматривают казачество как субэтническое подразделение, у которого отличительные свойства выражены с меньшей интенсивностью, чем у основной этнической единицы, составной частью которой оно является [Бромлей 1983: 82]. В качестве субэтноса казаков рассматривают А.И. Козлов, В.Н. Ратушняк, А.В. Матвеев, Н.Н. Великая, авторы коллективной монографии «Русские: история и этнография» [Козлов 1996: 5; Ратушняк 2022; Матвеев 1996: 33; Великая 2000: 30; Русские 2008: 85].

Среди различных определений понятия «субэтнос» наиболее удачным, на наш взгляд, является, данное В.И. Козловым, который предлагает считать субэтносом часть этноса, занимающего компактную территорию и обладающую в силу этого культурной и языковой спецификой и элементами общего этнического самосознания [Народы России 1994: 461].

Однако если говорить о казаках как о субэтнотом русского народа, то возникает вопрос: кем же являются донские казаки – калмыки или забайкальские казаки – буряты? С.М. Маркедонов вполне справедливо утверждает, что распространять субэтничность на представителей 11 казачьих войск Российской империи не

представляется возможным, и предлагает внести уточнение типа «славяно-русская часть донского казачества – субэтнос русского народа» [Маркедонов 2003: 7]. Некоторые исследователи отмечают, что из-за близости «метрополии» и постоянного притока оттуда населения, с течением времени этнический состав казачьих обществ менялся в направлении увеличения восточно-славянского этнического элемента [Заседателева 1974: 37–38; Матвеев 2003: 17].

Компактно расселяясь на своей территории, казаки под влиянием исторических условий, этнокультурного и географического факторов, сформировали некоторые своеобразные особенности культуры и быта. Казачий быт слагался под влиянием тройкого рода условий: военной обстановки, хозяйственной деятельности и семейно-общественного уклада и это разнообразие естественно накладывало особый отпечаток на весь казачий быт и среду.

Также необходимо отметить и форумность культурной среды, то есть объединение в казачьем субэтносе различных культурных влияний народов, среди которых жили казаки. Семантика и этимология дошедших до нас казачьих слов показывает присутствие в языке различной лексики – чисто казачьей, русской, украинской, кавказской, иранской, тюркской и т.д.

Как такового казачьего языка, который нужно специально изучать для того, чтобы на нем разговаривать, не существует. Мало чем отличаясь от русского, казачий язык, тем не менее, содержит ряд своеобразных особенностей. Исследователи-лингвисты и фольклористы указывают на заметное своеобразие так называемого «казачьего языка», выражающееся, например, в неполногласии, исчезновении форм среднего рода у прилагательных и многом другом [Сопов 2008: 75].

Наличие у казаков этнического самосознания, которое всегда рассматривалось как один из главных этнических признаков, сегодня оспаривается некоторыми исследователями [Малукало 2004: 12; Тхамокова 2000: 235]. Однако нам ближе позиция авторов, которые отстаивают мнение об этносоциальном самосознании казачества [Великая 2001: 223; Матвеев 1996: 32]. Малая территория, давление многочисленных соседей позволили установить наибольшее число информационных связей, «уплотнить» внутреннюю среду, ускорить этнообразующие процессы. В связи с этим Н.Н. Великая отмечает, что «формирование этнического самосознания не заняло у казаков большого исторического периода» [Великая 2001: 221].

Специфика казачьей жизни обуславливала деление на своих и чужих, которое выстраивалось по лингвистическим, территориальным, конфессиональным и другим признакам. В дальнейшем, с усилением государственного фактора, социальная составляющая самосознания все больше выходила на первый план. Поэтому противопоставление шло по двум направлениям «казак – русский» и «казак – мужик». Это, на наш взгляд, демонстрирует самую яркую особенность феномена казачества: в нем сословность срослась в одно целое с этнокультурной самобытностью. Например, А.В. Сопов интегрирует фактор этничности и социальности, вводя конструкт «этносоциум», считая, что «этничность атрибут вольного, независимого от государства существования и особого этнического казачьего менталитета, а социальный фактор все более и более преобладает в системе под воздействием государственного общерусского вмешательства» [Капустина 2017: 112].

Современные синтетические концепции казачества базируются на материалах этнографических описаний, которые на протяжении длительного времени фиксируют, что казачество никогда не являлось монолитной структурой. Её характеризует множественность составляющих, которые формируются в результате сложного процесса этнической дифференциации и социальной интеграции, в результате чего казачество приобретает особые, отличающие только его черты. По мнению А.В. Филимонова, в определении статуса этой группы на первый план выходят характеристики, связанные, в первую очередь, с особенностями духовного мира казачества, его само- и мировосприятия, элементом которого является их идентичность [Филимонов 2017: 46].

Было бы ошибкой рассматривать казачество на протяжении всей его истории как сословие, так как практически до конца XVII века эта этносоциальная группа была вне сферы российского государственного управления.

Отношения с донскими казаками московское государство строило как с иностранными державами через Посольский приказ, а созданное вольными казаками Войско Донское обладало демократическим внутренним устройством, имело собственные органы власти, проводило самостоятельную внешнюю политику. Этот процесс превращения вольного казачества в служилое сословие связан с реформами Петра I, когда стала складываться совокупность правил и законов, регулирующих отношения казаков с царским правительством. Петр I, утверждавший в стране абсолютную монархию, не мог смириться с независимым социальным статусом казачества, подчинил его Военной коллегии, тем самым сформировал прецедент существования отдельной социальной группы населения, имевшей некоторые привилегии перед тяглым неслужилим населением империи [Щупленков 2016: 9].

Окончательное превращение казачества в сословие относится к XVIII – первой половине XIX в. Это связано с включением казачьих войск в общую систему государственного управления России, с законодательным оформлением обязанностей и прав казаков, их особой социальной функции в государстве. Предоставляя казачеству серьезные льготы Российское правительство планомерно превращает его в особое полупривилегированное военно-служилое сословие, одновременно все более и более регламентируя внутреннюю жизнь казачьих войск. Так, в ходе эволюции, шло постепенное превращение казаков в этносоциальную группу, переходившую на службу России.

Многие исследователи обращают внимание на то, что сословные и этнические черты казачества нельзя противопоставлять друг другу, что казаки сочетают в себе как этнические, так и сословные черты; невозможно механически отрывать одно от другого [Заседателева 1974; Трут 1999; Голованова 2005; Русские 2008; Сопов 2011а; Коневиченко 2016]. Б.М. Боук отмечает: «многочисленные споры о том, является ли казачество этносом или сословием, по своей постановке неудачно, потому что исключает то, что казачество было и этносом и сословием» [Голованова 2010]. По мнению Сопова, «казачество как система имеет довольно четкие этнические и социальные характеристики, которые не противопоставляются или взаимозаменяются, а разводятся на разные уровни функционирования. В определенные периоды доминируют те или иные» [Сопов 2011: 63].

Говоря о терминологическом консенсусе в историографии истории казачества, С.М. Маркедонов в своей статье приходит к выводу, что без достижения согласия о терминах, без проведения работы по типологизации (классификации) казачества невозможно преодолеть смешение понятий и выйти за рамки основных дискуссионных вопросов. В своей работе он ставит вопрос о том, насколько вообще справедливо объединение различных групп казаков в рамках одной конструкции «казачество». «Возможно ли рассматривать как единый феномен донских казаков эпохи позднего средневековья и уссурийское казачество рубежа двух прошлых столетий, ... запорожское «лыцарство» и «Игнат-казаков»...?» [Маркедонов 2003: 3].

Подобную позицию занимают и авторы статьи «Российское казачество: происхождение, история, правовой статус» отмечая, что «различные группы казачества никогда не были полностью идентичны. Сходство всех казаков определялось общностью их происхождения, социального положения, бытового уклада. Региональные особенности складывались под воздействием конкретных исторических и географических факторов, периода формирования войска, климата, отношений с соседями и других обстоятельств» [Рожкова, Лаптева, Гориленко 2022].

С.М. Маркедоновым, А.Н. Малукало, А.В. Соповым было предложено свое видение типологии казачества [Маркедонов 2003: 9; Малукало 2004: 12; Сопов 2010]. А.В. Сопов, например, классифицирует казаков по следующим группам:

вольные казаки; служилые казаки; воровские казаки; «вольное» казачество Смутного времени; городецкие казаки; мешчерские казаки; рязанские казаки.

А.И. Козлов выделил характерную для многих исследований закономерность, заключающуюся в том, что, «когда речь идет о сословии, преимущественно имеется в виду казачество конца XIX – начала XX века... Между тем опровержение этого тезиса строится на фактах, почерпнутых из далекой истории казачества, когда оно действительно еще не было сословием. Как очевидно, критика строится на явной подмене понятий» [Козлов 1995: 28–29]. То есть, факты, обосновывающие отрицание казачества как сословия, являются измерителями совершенно других порядков и отношений досословного времени.

Обобщая вышесказанное, заметим, что до середины XIX в. взгляды казаков, официальной науки и властей о сути казачества не противоречили друг другу. С середины XIX в. казаки в научной литературе начинают упоминаться как сословие и как особая социокультурная общность русского народа. В начале XX в. века параллельно с официальной точкой зрения на казачество, как на сословное образование, в среде казачьей интеллигенции созрел этнический подход к изучению казачьей истории. Была сформулирована автохтонная теория происхождения казачества в противовес беглохолопской. В советское время казачество рассматривалось как этнокультурная общность на стыке разных культур (славянской и тюркских, азиатской, кавказской), т.е. социальная группа с некоторыми культурными особенностями, не имеющая этнической составляющей. Основными характерными признаками казачества в советской историографии обозначались военная служба и ряд «сословных» привилегий. Стремление решить проблемы этнической и сословной истории – характерная черта современной историографии, в которой можно выделить три направления: первое определяет казачество как субэтнос (вариативно); второе – как сословие; третье пытается найти разумный компромисс. На наш взгляд, этническое развитие казачества способствовало формированию его как субэтнота в составе славяно-российского суперэтнота. Особенности социального развития вели к складыванию казачества как особого военизированного сословия. Как результат многовековой эволюции казачество включает в себе две составляющие, отличавшие его как особый феномен в российской и мировой палитре: сословность и этнокультурную самобытность. Являясь одновременно субэтнотом и военно-служилым сословием, казачество выступало на разных этапах в различных ипостасях с преобладанием определенных черт. В такой двойственности и заключается его подлинная сущность и феномен. Казачество не поддается какой-то узкой дефиниции и однолинейной идентификации.

Список источников

- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Бурда 2003 – *Бурда Э.В.* Очерки о терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 213 с.
- Великая 2001 – *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону: ЗАО «Невинномысская городская типография», 2001. 280 с.
- Великая 2000 – *Великая Н.Н.* О месте вольного казачества в этнографической классификации хозяйственно-культурных типов // Вопросы северокавказской истории. Вып. 5. Армавир, 2000. С. 30–37.
- Голованова 2005 – *Голованова С.А.* Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции: Вторая половина XVI – конец XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2005. 389 с.
- Голованова 2010 – *Голованова С.А.* Этнические и сословные характеристики южно-российского казачества // Фольклор казачества – как неотъемлемая часть северокавказского этнокультурного пространства: Материалы всероссийской научно-практической

конференции, посвященной 275-летию города Кизляра. Махачкала. 2010. С. 74–82. URL: http://www.slavakubani.ru/population/ethnogenesis/etnicheskie-i-soslovnye-kharakteristiki-yuzhnorossiyskogo-kazachestva/?sphrase_id=33905 (дата обращения: 15.12.2017).

Гребенец 1915 – *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. Тифлис, 1915. С. 77–116.

Заседателева 1974 – *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). М.: МГУ, 1974. 422 с.

Капустина 2017 – *Капустина (Артамонова) М.Г.* Управление процессами возрождения казачества в условиях модернизации общества // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3 (205). С. 111–116.

Козлов 1995 – *Козлов А.И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1995. 248 с.

Козлов 1996 – *Козлов А.И.* О путях возрождения казачества // Проблемы казачьего возрождения. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 1996. С. 3–25.

Коневиченко 2016 – *Коневиченко И.Л.* Казачество в правовом пространстве России: история и современность. Спб.: ГУАП, 2016. 130 с.

Ляшко 2014 – *Ляшко А.М.* Казаки – этнос (народ) или сословие? // Политика и общество. 2014. № 8 (116). С. 910–923.

Малукало 2004 – *Малукало А.Н.* Казачество России: к вопросу терминологии и методологии исследований // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2004. № 3–4. С. 12–20.

Маркедонов 2003 – *Маркедонов С.М.* Казачество: некоторые вопросы терминологии и типологии // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2003. № 3–4. С. 3–11.

Матвеев 1996 – *Матвеев А.В.* С чего начинать возрождение? // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 1996. С. 26–34.

Матвеев 2003 – *Матвеев В.А.* Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной типологии // Голос минувшего. 2003. № 3–4. С. 13–20.

Народы России 1994 – *Народы России.* Энциклопедия / под. ред. В.А. Тишкова. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. 479 с.

Ратушняк 2022 – *Ратушняк В.Н.* Под стягом России. К 300-летию Кубанского казачьего войска. URL: <http://journal.hist.kubsu.ru/2009/01/27/pod-stjagom-rossii.html> (дата обращения: 18.03.2022).

Рожкова, Лаптева, Гориленко 2022 – *Рожкова Л.П., Лаптева Е.В., Гориленко Т.В.* Российское казачество: происхождение, история, правовой статус. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/48985-rossijskoe-kazachestvo-proiskhozhdenie-istoriya-pravovoj-status> (дата обращения: 20.09. 2022).

Рукоусев 1998 – *Рукоусев Е.Ю.* Казачество: права и обязанности сословия // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 137–143.

Русские 2008 – *Русские: история и этнография* / под ред. И.В. Власовой, В.А. Тишкова. М.: АСТ: ОЛИМП, 2008. 751 с.

Савельев 1991 – *Савельев Е.П.* Казаки. История. Т. 1. Владикавказ: СПАС, 1991. 442 с.

Сопов 2006 – *Сопов А.В.* Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2006. № 1. С. 27–32.

Сопов 2011 – *Сопов А.В.* К вопросу о природе казачества // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2011. № 1. С. 62–65.

Сопов 2008 – *Сопов А.В.* Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 4. С. 66–85.

Сопов 2011а – *Сопов А.В.* Российское казачество как социально-историческое явление // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 6. Майкоп, 2011. С. 16–25. URL: http://www.slavakubani.ru/population/ethnogenesis/rossijskoe-kazachestvo-kak-sotsialno-istoricheskoe-yavlenie/?sphrase_id=33905 (дата обращения: 25.01.2018).

Сопов 2010 – *Сопов А.В.* Стереотипы и заблуждения в отношении казачества // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 5. Майкоп, 2010. С. 14–24. URL: <http://>

www.slavakubani.ru/population/ethnogenesis/stereotypy-i-zabluzhdeniya-v-otnoshenii- kazachestva/?sphrase_id=33905 (дата обращения: 8.02.2018).

Трут 1996 – Трут В.П. Возрождение казачества: сущность, пути, перспективы // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 1996. С. 75–90.

Трут 1999 – Трут В.П. Казачество: Происхождение. Сущность. Реалии. Перспективы. Ростов-на-Дону, 1999. 31 с.

Тхамокова 2014 – Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XX в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик: Эль-Фа, 2014. 240 с.

Тхамокова 2000 – Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-фа, 2000. 239 с.

Федосов 2009 – Федосов П.С. Казаки: этнос или сословие? // Ставропольская правда. 2009. 18 марта. URL: <http://srn.su/?p=1606> (дата обращения: 5.10.2022).

Филимонов 2017 – Филимонов А.В. Проблемы сущности и идентичности казачества в исследовательских концепциях истории и этнографии // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 1. С. 42–50.

Шаожева 2017 – Шаожева Н.А. Проблема этносоциальной идентичности в общественном мнении казачества Кабардино-Балкарской Республики // Вестник Владикавказского научного центра. 2017. № 1. С. 22–28.

Щупленков 2016 – Щупленков О.В. Казачество как историческая общность: историческая справка // Геополитика и патриотическое воспитание. 2016. № 21. С. 7–19.

References

BROMLEJ YU.V. *Ocherki teorii etnosa*. [Essays on the theory of ethnicity]. M.: Nauka, 1983. 412 p. (In Russian)

BURDA E.V. *Ocherki o terskom kazachestve*. [Essays on the Terek Cossacks]. Nal'chik: Poligrafservis i T, 2003. 213 p. (In Russian)

VELIKAYA N.N. *Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv.* [Cossacks of the Eastern Pre-Caucasus in the XVIII–XIX centuries]. Rostov-na-Donu: ZAO «Nevinnomysskaya gorodskaya tipografiya», 2001. 280 p. (In Russian)

VELIKAYA N.N. *O meste vol'nogo kazachestva v etnograficheskoj klassifikacii xozyajstvenno-kul'turnyx tipov* [About the place of the free Cossacks in the ethnographic classification of economic and cultural types]. IN: *Voprosy severokavkazskoj istorii*. Vyp. 5. Armavir, 2000. P. 30–37. (In Russian)

GOLOVANOV S.A. *Kazachestvo Tereka i Kubani: etnopoliticheskie i kul'turno-istoricheskie osobennosti stanovleniya i evolyucii: Vtoraya polovina XVI – konec XIX v.* [Cossacks of Terek and Kuban: ethnopolitical and cultural-historical features of formation and evolution: The second half of the XVI – the end of the XIX century.]: dis. ... d-ra ist. nauk. Armavir, 2005. 389 p. (In Russian)

GOLOVANOV S.A. *Etnicheskie i sloslovnye xarakteristiki yuzhnorossijskogo kazachestva* [Ethnic and class characteristics of the South Russian Cossacks]. IN: *Fol'klor kazachestva – kak neot'emlemaya chast' severokavkazskogo etnokul'turnogo prostranstva: Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 275-letiyu goroda Kizlyara*. Maxachkala. 2010. S. 74–82. URL: http://www.slavakubani.ru/population/ethnogenesis/etnicheskie-i-soslovnye-kharakteristiki-yuzhnorossiyskogo-kazachestva/?sphrase_id=33905 (data obrashheniya: 15.12.2017). (In Russian)

GREBENECZ F.S. *Novogladkovskaya stanicza v ee proshlom i nastoyashhem* [Novogladkovskaya stanitsa in its past and present]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza*. Vyp. 44. Tiflis, 1915. S. 77–116. (In Russian)

ZASEDATELEVA L.B. *Terskie kazaki (seredina XVI – nachalo XX v.)* [Terek Cossacks (mid-XVI – early XX century)]. M.: MGU, 1974. 422 p. (In Russian)

KAPUSTINA (ARTAMONOVA) M.G. *Upravlenie processami vozrozhdeniya kazachestva v usloviyax modernizacii obshhestva* [Management of the processes of the revival of the Cossacks in the conditions of modernization of society]. IN: *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2017. № 3 (205). P. 111–116. (In Russian)

KOZLOV A.I. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost' (evolyuciya, politika, teoriya)* [The Revival of the Cossacks: history and Modernity (evolution, politics, theory)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1995. 248 p. (In Russian)

KOZLOV A.I. *O putyax vozrozhdeniya kazachestva* [About the ways of the revival of the Cossacks]. IN: Problemy kazach'ego vozrozhdeniya. Ch. 1. Rostov-na-Donu, 1996. P. 3–25. (In Russian)

KONEVICHENKO I.L. *Kazachestvo v pravovom prostranstve Rossii: istoriya i sovremenost'* [Cossacks in the Legal Space of Russia: History and Modernity]. Spb.: GUAP, 2016. 130 p. (In Russian)

LYASHKO A.M. *Kazaki – etnos (narod) ili soslovie?* [Are Cossacks an ethnic group (people) or a class?]. IN: Politika i obshchestvo. 2014. № 8 (116). P. 910–923. (In Russian)

MALUKALO A.N. *Kazachestvo Rossii: k voprosu terminologii i metodologii issledovaniy* [The Cossacks of Russia: on the issue of terminology and methodology of research]. IN: Golos minuvshogo. Kubanskij istoricheskij zhurnal. 2004. № 3–4. P. 12–20. (In Russian)

MARKEDONOV S.M. *Kazachestvo: nekotorye voprosy terminologii i tipologii* [Cossacks: some questions of terminology and typology]. IN: Golos minuvshogo. Kubanskij istoricheskij zhurnal. 2003. № 3–4. P. 3–11. (In Russian)

MATVEEV A.V. *S chego nachinat' vozrozhdenie?* [Where to start rebirth?]. IN: Problemy kazach'ego vozrozhdeniya. Sbornik nauchnyx statej. Ch.1. Rostov-na-Donu, 1996. P. 26–34. (In Russian)

MATVEEV V.A. *Fenomen kazachestva v kontekste etnonacional'nyx osobennostej rossijskoj gosudarstvennosti i problemy sovremennoj tipologii* [The phenomenon of the Cossacks in the context of the ethnonational features of Russian Statehood and the problems of modern typology]. IN: Golos minuvshogo. 2003. № 3–4. P. 13–20. (In Russian)

Narody Rossii. Enciklopediya [The peoples of Russia. Encyclopedia] / pod. red. V.A. Tishkova. M.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1994. 479 s. (In Russian)

RATUSHNYAK V.N. *Pod styagom Rossii. K 300-letiyu Kubanskogo kazach'ego vojska*. [Under the banner of Russia. To the 300th anniversary of the Kuban Cossack Army]. URL: <http://journal.hist.kubsu.ru/2009/01/27/pod-stjagom-rossii.html> (data obrashheniya 18.03.2022). (In Russian)

ROZHKOVA L.P., LAPTEVA E.V., GORILENKO T.V. *Rossijskoe kazachestvo: proisxozhdenie, istoriya, pravovoj status*. [Russian Cossacks: origin, history, legal status]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/48985-rossijskoe-kazachestvo-proiskhozhenie-istoriya-pravovoj-status> (data obrashheniya: 20.09.2022). (In Russian)

RUKOSUEV E.YU. *Kazachestvo: prava i obyazannosti sosloviya* [Cossacks: the rights and duties of the estate]. IN: Voprosy istorii. 1998. №5. P. 137–143. (In Russian)

Russkie: istoriya i etnografiya [Russians: History and ethnography] / pod red. I.V. Vlasovoj, V.A. Tishkova. M.: Ast: olimp, 2008. 751 p. (In Russian)

SAVEL'EV E.P. *Kazaki. Istoriya*. [Cossacks. History.] T. 1. Vladikavkaz: SPAS, 1991. 442 c. (In Russian)

SOPOV A.V. *Istoricheskie predshestvenniki kazakov, stanovlenie i razvitie kazachestva* [Historical predecessors of the Cossacks, formation and development of the Cossacks]. IN: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Majkop, 2006. №1. P. 27–32. (In Russian)

SOPOV A.V. *K voprosu o prirode kazachestva* [To the question of the nature of the Cossacks]. IN: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Majkop, 2011. № 1. P. 62–65. (In Russian)

SOPOV A.V. *Problema etnicheskogo proisxozhdeniya kazachestva i ee sovremennoe prochtenie* [The problem of the ethnic origin of the Cossacks and its modern interpretation] IN: Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 2008. № 4. P. 66–85. (In Russian)

SOPOV A.V. *Rossijskoe kazachestvo kak social'no-istoricheskoe yavlenie* [Russian Cossacks as a socio-historical phenomenon]. IN: Voprosy kazach'ej istorii i kul'tury. Vyp. 6. Majkop, 2011. P. 16–25. URL: http://www.slavakubani.ru/population/ethnogenesis/rossijskoe-kazachestvo-kak-sotsialno-istoricheskoe-yavlenie/?sphrase_id=33905 (data obrashheniya: 25.01.2018). (In Russian)

SOPOV A.V. *Stereotipy i zabluzhdeniya v otnoshenii kazachestva* [Stereotypes and misconceptions about the Cossacks]. IN: Voprosy kazach'ej istorii i kul'tury. Vyp. 5. Majkop, 2010. P. 14–24. URL: http://www.slavakubani.ru/population/ethnogenesis/stereotipy-i-zabluzhdeniya-v-otnoshenii-kazachestva/?sphrase_id=33905 (data obrashheniya: 8.02.2018). (In Russian)

TRUT V.P. *Vozrozhdenie kazachestva: sushhnost', puti, perspektivy* [The Revival of the Cossacks: the essence, ways, prospects]. IN: Problemy kazach'ego vozrozhdeniya. Sbornik nauchnyx statej. Ch. 1. Rostov-na-Donu, 1996. P. 75–90. (In Russian)

TRUT V.P. *Kazachestvo: Proisxozhdenie. Sushhnost`. Realii. Perspektivy*. [Cossacks: Origin. Entity. Realities. The prospects.]. Rostov-na-Donu, 1999. 31 p. (In Russian)

TXAMOKOVA I.X. *Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii v XIX – nachale XX v.: dinamika etnokul`turnyx granicz*. [Russian and Ukrainian population of Kabardino-Balkaria in the XIX-early XX century: dynamics of ethno-cultural boundaries]. Nal`chik: El`-Fa, 2014. 240 p. (In Russian)

TXAMOKOVA I.X. *Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii*. [Russian and Ukrainian population of Kabardino-Balkaria]. Nal`chik: El`-fa, 2000. 239 p. (In Russian)

FEDOSOV P.S. *Kazaki: etnos ili soslovie?* [Cossacks: ethnicity or class?]. IN: Stavropol'skaya pravda. 2009. 18 marta. URL: <http://srn.su/?p=1606> (data obrashheniya: 5.10.2022). (In Russian)

FILIMONOV A.V. *Problemy sushhnosti i identichnosti kazachestva v issledovatel`skix koncepciyax istorii i etnografii* [Problems of the essence and identity of the Cossacks in the research concepts of history and ethnography]. IN: Gumanitarnyj vektor. 2017. T. 12. № 1. P. 42–50. (In Russian)

SHAOZHEVA N.A. *Problema etnosocial`noj identichnosti v obshhestvennom mnenii kazachestva Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [The problem of ethnosocial identity in the Public opinion of the Cossacks of the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra. 2017. № 1. P. 22–28. (In Russian)

SHHUPLENKOV O.V. *Kazachestvo kak istoricheskaya obshhnost`: istoricheskaya spravka* [Cossacks as a historical community: historical background]. IN: Geopolitika i patrioticheskoe vospitanie. 2016. № 21. P. 7–19.

Информация об авторе

Н.В. Варивода – научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

N.V. Varivoda – Researcher of the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 19.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 19.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-30-39

«ХЕГАКСКАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ КАНБУЛАТА ИДАРОВА: ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Заурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2022

Аннотация. Вокняжение в Кабарде Идара Инармасова и его наследников – линия Идаровых, связано с рядом знаковых сюжетов истории Черкесии XVI в. Это Кызбурунское сражение, убийство князя-бастарда Андемиркана и последовавшая за этим длительная борьба за лидерство в Кабарде с потомками Беслана и Талостана Жанхотовых. Канбулат Идаров – один из самых активных акторов этой борьбы. Его имя хорошо известно и русским архивным источникам, и черкесской устной традиции. С 1577 г. он стал великим князем-*пцыххуэ* Кабарды и продолжил политику старшего брата Кемиргоко Идарова на союз с Московским царством. В устной традиции Канбулат Идаров известен как один из главных организаторов убийства Андемиркана. Его имя упоминается практически во всех прозаических вариантах предания и поэтических текстах Андемиркановского цикла. В западночеркесских вариантах историко-героической песни, посвященной жизни и смерти Андемиркана, Канбулат Идаров маркируется как «*хегакский*» князь. Исторический контекст сюжета о водворении семейства князя-изгоя Идара Инармасова в Кабарду и предания о гибели Андемикана, позволяет интерпретировать «*хегакскую*» идентичность Канбулата как рудимент социального происхождения клана Идаровых, а также по-новому взглянуть на генезис локальной этнической группы *хегак* в политической и удельной системе феодальной Черкесии.

Ключевые слова: Черкесия, Кабарда, хегаки, удельная система, князь-изгой, Канбулат Идаров, Андемиркан

Для цитирования: Кожев З.А. «Хегакская» идентичность Канбулата Идарова: возможные интерпретации // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 30–39. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-30-39

Original article

«KHEGAK» IDENTITY OF KANBULAT IDAROV: POSSIBLE INTERPRETATIONS

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2022

Abstract. The accession in Kabarda of Idar Inarmasov and his heirs, the lineage of the Idarovs, is associated with several significant plots in the history of Circassia in the XVI-th

century. These are the battle of Kyzburun, the murder of the bastard prince Andemirkan, and the subsequent long struggle for leadership in Kabarda with the descendants of Beslan and Talostan Zhankhotovs. Kanbulat Idarov is one of the most active actors in this struggle. His name is well known both to Russian archival sources and to the Circassian oral tradition. From 1577, he became the Grand Prince-pschyshkhue of Kabarda and continued the policy of his elder brother Kemirgoko Idarov for an alliance with the Muscovite kingdom. In the oral tradition, Kanbulat Idarov is known as one of the main organizers of the murder of Andemirkan. His name is mentioned in almost all prose versions of the legend and poetic texts of the Andemirkanov cycle. In the western-circassian versions of the historical-heroic song dedicated to the life and death of Andemirkan, Kanbulat Idarov is marked as a «Khegak» prince. The historical context of the plot about the resettlement of the family of the outcast prince Idar Inarmasov in Kabarda and the legend about the death of Andemirkan allows us to interpret the «Khegak» identity of Kanbulat as a vestige of the social origin of the Idarov clan, as well as take a fresh look at the genesis of the local ethnic group of Khegaks in political and specific system of feudal Circassia.

Keywords. Circassia, Kabarda, Khegak, specific system, outcast prince, Kanbulat Idarov, Andemirkan

For citation: Kozhev Z.A. «Khegak» identity of Kanbulat Idarov: possible interpretations. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 30–39. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-30-39

В политической истории Черкесии XVI–XVII вв. клан князей-Иналидов Идаровых занимает особое место. Личные качества, честолюбие и амбициозность выдвинули многих его представителей в первые ряды исторических деятелей не только Кабарды, но и Московского царства, в котором они оказались на службе поздних Рюриковичей и первых Романовых [КРО 1957: 383–385; Дзамихов 2001: 81–125; Дзамихов 2007: 34–36, 38–42]. Одним из таких исторических деятелей является представитель первого поколения Идаровых – Кан(м)булат. После смерти своих старших братьев – Кемиргоко и Биту, он много лет возглавлял разросшийся клан Идаровых и даже был избран великим князем – *пчышхуэ* Кабардинского княжества [КРО 1957: 384–385; Кожев 2006: 232–233; Налоева 2015b: 1–3]. Канбулат Идаров был великим князем более десяти лет – в 1577–1589 гг. В конце 1577 г. во главе кабардинского посольства он прибыл в Москву и от лица всей фамилии («детей и племянников») просил о возобновлении Терской крепости в устье Сунжи, а также присылке русских войск, оснащенных огнестрельным оружием [КРО: 34–35; Кожев 2006: 232–233]. Этот беспрецедентный случай, когда *пчышхуэ* Кабарды был вынужден лично возглавить и осуществить посольскую миссию, ярко иллюстрирует в каком сложном внутривнутриполитическом положении находились Идаровы после смерти своего знаменитого лидера, старшего из братьев – Кемиргоко (Темрюка). В годы правления Канбулата Идарова политический союз Идаровых с правителями Московского царства получил дальнейшее развитие и был оформлен рядом шертных грамот с обозначением взаимных обязательств сторон [КРО: 47, 49–54, 388, 399; Дзамихов 2001: 94–98; Дзамихов 2007: 34–36, 38–42].

По данным русских архивных источников, Канбулат Идаров умер в июне 1589 г., и с его смертью начался период обострения внутривнутриполитической борьбы за титул *пчышхуэ* между сильнейшими княжескими фамилиями Иналидов Кабарды [КРО: 56–57, 62–64, 384, 400–401; Кожев 2006: 235]. Личность Канбулата Идарова, который на протяжении многих десятилетий был активным участником политической борьбы в Кабарде, интересна сама по себе, заслуживает специального исследовательского внимания и неоднократно привлекала интерес отечественных историографов [Дзамихов 2001: 94–98; Дзамихов 2007: 34–36; Карданов 2001: 104–105; Кожев 2006: 232–235 и др.]. Объективным ограничителем в изучении его роли в истории Кабарды XVI в. является незначительное количество письменных источников. Но Канбулат Идаров является одним из наиболее упоминаемых персонажей черкесского фольклора. В устной эпической традиции Канбулат

Идаров претендует на сомнительную честь главного злодея и антигероя. В прозаических и поэтических текстах цикла сказаний об Андемиркане – князе-бастарде (*пицы-тумэ*), идеальном рыцаре черкесского средневековья, Канбулат Идаров единодушно признается одним из организаторов его убийства [Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 223–336; Народные песни 1986: 83–88; Фольклор адыгов 1988: 150–167; КъэрдэнгуыцІ 2009: 273–280; Налоева 2015а: 125–135].

Наиболее вероятной датировке этого события и той роли, которую сыграли в нем князья Идаровы – братья Канбулат, Биту и Кидиршоко, посвящены две наши небольшие статьи [Кожев 2020b; Кожев 2021]. Наиболее вероятная датировка гибели Андемиркана, которую можно реконструировать по данным черкесского фольклора и косвенным данным письменных источников – самое начало 40-х годов XVI в. [Кожев 2020b]. Участие Канбулата Идарова и его братьев Биту и Кидиршоко в организации предательского убийства Андемиркана несомненна и подтверждается всем комплексом преданий Андемиркановского цикла – абсолютным большинством прозаических и поэтических текстов [Фольклор адыгов 1988: 150–167; Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 223–336; Народные песни 1986: 83–88; КъэрдэнгуыцІ 2009: 273–280; Налоева 2015а: 125–135]. В различных версиях песни (*уэрэд*) об Андемиркане – одной из наиболее ранних в жанре историко-героических, Канбулат неизменно выступает как предатель своего друга и соприсяжного (как вариант – молочного) брата [Фольклор адыгов 1988: 150–167; Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 223–336]. Согласно преданию об убийстве Андемиркана, он полностью доверял Канбулату Идарову, с которым находился в соприсяжном братстве: «Айдемиркан преломил с ним стрелу в вечной верности и преданности друг другу» [Фольклор адыгов 1988: 159]. Но Канбулат, войдя в сговор с другими кабардинскими князьями, взялся обманом обезоружить своего присяжного брата, разлучить его с боевым конем и вывести на засаду: «Канбулат предложил Айдемиркану, чтобы рассеяться, проехать немного по степи и поохотиться на зайцев, лисиц и т.п., дал ему взамен Жаманшарыка, которого посоветовал оставить, чтобы даром не мучить, – другого коня, простенького, предложил ему также другой, свой меч, говоря, что его, Айдемиркана, слишком хорош, и было бы жаль, если бы где-нибудь он сломал бы его, и, наконец, его самого, одетого по домашнему, в шубу длинную и сапоги и ничего не подозревавшего, привез в окоп, где засели собравшиеся его враги» [Фольклор адыгов 1988: 160].

Лучшие варианты поэтических текстов (*уэрэд*), сохранившиеся в фольклорных записях XIX–XX вв. содержат лапидарное, но вполне информативное описание гибели Андемиркана:

Къэбэрдейм япшо пшы гуцэу Къаниболэтыр си шэуэгъут,
 Ныбжьэгъум и тхьэр Къэниболэтым кыреуэ
 ТхьэкІэ сегъапцІэри щыым и пцІэнэпІэм сырешэ,
 Сыкыдешэри жылэшхуэ пэкІум сарет,
 Сыкызытам и псэу гъуэгъуншэ ирехъу!
 Пшышхуэ зыхуэхъур алащэ шууэ хахутэщ,
 Пшы хутыкъуар пхъэупцІэгъэбэм рагъэз,
 Шэрэдж и мэзу ХыгукІэ зэвым лыр дашэщ,
 Джатэр и башу Къэдырщокъуэпщыр кынос,
 Битур къэсри жамборей-мэсыр ІэщІыдзэщ,
 ЗыкыридзэкІыри Битум и жьакІэр пигъэщщ,
 «Сыпшыгъупщэн», – жегІэри, и Іэхъуамбищ дегъакІуэ,
 «УзэхэзекІуэщ» – жегІэри, нэкІум дамыгъэр тыредзэ,
 ЗафІездэкІынт – Жэманшэрыкыыр Іэгъуэджэщ,
 Садэджэгунт – урыс алашэм сытесщ.
 Я нэхъыщауэм хъэщхъуригуэцІэр кыпфІащ,

Бжы-мэІур ящІ, бжэлІэнкІэ пІауэр пыщІадз,
Джэтэрыхахуэм джэтэбгъуэ зауэр тыращІэ,
Джэтэрыхахуэт, Андемыркъаныр дагъащІэш.

Из князей Кабарды Канбулат князь был моим другом доверенным,
Пусть Бог дружбы Канбулата проклянет [досл. «ударит»],
Клятвопреступлением [досл. «обманом Бога»] приводит меня в голую землю,
Приводит меня и отдает большому сборищу,
Отдавшему меня пусть жизнь будет беспросветной [досл. «не имеющей до-
роги»],

Князя великого застигли на негодном мерине,
Впросак попавшего князя загнали в западню [досл. «завал из деревьев»],
В Черекский лес, тесную долину Хеу завели достойного мужа,
Кому меч как палка Кидиршоко князь явился,
Биту явился и мечет свой жамбореймас [видимо вид метательного оружия –
З.К.],

Развернулся [Андемиркан] и Биту бороду отсек,
«Не забудешь меня?» – говорит и три пальца [ему] отсекает,
«Любишь на людях появляться [досл. «ходить/ездить»]» – говорит и лицо ему
метит [досл. «ставит тавро»],

Ушел бы от них, да нет Жаманшарыка,
Поиграл бы с ними, да сижу на негодном [досл. «русском»] мерине.
Молокососы, бешеным псом тебя нарекают,
Копья щиты приготовив, забрасывают копьями,
Безупречного во владении мечом широкими мечами избивают,
Безупречно владеющий мечом Андемиркан погибает (перевод наш – З.К.)
[Фольклор адыгов 1988: 161–167].

В кабардинских вариантах поэтических текстов и прозаических преданий о гибели Андемиркана Канбулат Идаров либо маркируется как кабардинский князь, либо совсем не идентифицируется с какой-либо локальной этносоциальной группой черкесов [Адыгэ ІуэрыІуатэхэр 1969: 223–336; Народные песни 1986: 83–88; КъэрдэнгъуцІ 2009: 273–280; Налоева 2015а: 125–135]. Но в кяхской (западноадыгской) традиции, в песне об Андемиркане («Айдэмыркъан иорэд») предатель, обезоруживший и выдавший убийцам своего побратима, совершенно неожиданно идентифицируется как *хегакский* князь:

О ХагъакІымэ япщэуи, ора Къамболэты гущэри ныбджэгъуи,
Ныбджэгъум итхьэкІэ пщы Къамболэтыми сегъапцІи.

Хегакский князь Камболат друг [мой],
[Поклявшись] Божеством дружбы князь Камболат меня предал (перевод наш – З.К.)
[Ижырэ адыгэ 2019: 165].

Вплетение в канву сюжета об убийстве Андемиркана еще одного Канбулата/Камболата с идентичной ролью предателя исключено. Но и *хегакская* (*хэгъакІэ*) идентичность Канбулата Идарова не может быть случайностью или произвольной трактовкой кяхских (западноадыгских) сказителей. Ранняя история рода Идаровых неразрывно связана с Западной Черкесией. Фольклорная традиция в передаче Ш.Б. Ногмова, с небольшими искажениями и анахронизмами, устранить которые помогают письменные источники и поздние генеалогии Иналидов Кабарды, сохранила сюжет о водворении Идара Инармасова в Кабардинском княжестве и сведения о первом поколении многочисленной патронимии Идаровых [Ногмов 1994:

101–107, 121–125; Кожев 2020а: 54–89]. Родоначальник Идаровых по преданию, даже родился в Бжедугии, у своих родственников по матери, уже после смерти отца [Ногмов 1994: 101]. Вся его жизнь до достижения зрелого возраста прошла на западе Черкесии, и только внутривполитический кризис в Кабарде позволил ему предъявить свои наследственные права и при поддержке коалиции западночеркесских Иналидов, а также своих бжедугских родственников, вернуться в княжество в конце 30-х годов XVI в. [Кожев 2020а: 54–67]. *Хегаки* упоминаются в предании как один из адыгских субэтносов, принявших активное участие в общечеркесской феодальной войне за восстановление наследственных владельческих прав Идара Инармасова в Кабарде [Ногмов 1994: 103]. Но один этот факт не мог радикально повлиять на утверждение *хегакской* идентичности Идаровых в ущерб явно кабардинского происхождения отца (потомство Табулы/Табулду) и бжедугского – матери (род Химишевых) [КРО 1957: 383–385; Ногмов 1994: 101–107].

О *хегаках* в российской историографии сохранилось не так много сведений, так как к началу XIX в. они едва сохраняли свою самобытность. Но первые черкесские историографы Ш.Б. Ногмов и Хан-Гирей хорошо их знают. Ш.Б. Ногмов считает Хегак одним из старейших владений Черкесии, известным со времени первого поколения потомков Инала: «Должно полагать, что разноутробие Иналовых детей было причиной их раздоров. После долгих беспокойств они разделились на три части: *один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду* (курсив наш – З.К.). От этих-то сыновей Инала производят свое родоначалие нынешние кабардинские, кемиргоевские и бесленеевские князья» [Ногмов 1994: 96]. По контексту фразы создается впечатление, что Хегак был коренным владением Инала. Но Ш.Б. Ногмов тут же ниже по тексту приводит предание о разделении древнего Кемиргоевского владения на три крупнейших княжества Западной Черкесии позднего средневековья и раннего нового времени – Кемиргой, Жаней и Хатукай: «В давние времена из потомков адыгейских князей в Кемиргоевском владении княжили три брата. Их звали Болотоко, Занн и Хотоккой. Долго они жили вместе, но, наконец, младшие пожелали отделиться от старшего брата...» [Ногмов 1994: 96]. Хегак не упоминается в этом предании как часть домена Иналидов в Западной Черкесии, а кроме того, косвенным образом подтверждается Иналидское происхождение жанеевских князей [Ногмов 1994: 96–97].

В своем энциклопедическом описании Черкесии Хан-Гирей в числе других адыгских владений и локальных групп кратко описывает «*колено хеххадчьское*». Сведения Хан-Гирея содержат ряд важных деталей, которые выделяют *хегаков* из общего ряда этносоциальных единиц Княжеской Черкесии: «*Колено это обитало на южных окрестностях устья реки Кубани, частью и на полуострове Тамане. Три княжеских рода: Бхгезенекко-р, Занекко-р и Шамекк-р этим коленом владели. Последний член первого из этих княжеских родов Сефербей был взят пленным при покорении крепости Анапы. Этот род почитался отраслью княжеского рода, владеющего гатикоайским коленом, почему полагают, что и хеххадцьцы соположенники ххатиккоайцам* (т.е. хатукайцам, – З.К.), *но должно думать, однако ж, что не все они произошли от ххатиккоайцев, а только часть их: ибо второй княжеский род, который ныне не существует, происходил от князей жанинского поколения* (курсив наш – З.К.). Третий род прекратился со смертью князя *Бечмрза*, умершего назад тому несколько лет на полуострове Тамане (в Черноморском казачьем войске) ... Со времени появления магометанских народов: татар, а потом и турков в Тавриде и на полуострове Тамане, хехгатцы находились с ними всегда в тесных сношениях и были, так сказать, как бы сроднившись с ними: язык, обычаи, образ жизни, даже облик, судя по физиономиям остатков этого поколения, смешались с татарскими ... Также многие из них имели жительства в крепости или городе *Хун-Кох*, или нынешняя Тамань, почему они назывались впоследствии

хунколами, обитая большею частью в Анапе, а иногда в окрестностях ее, вместе с остатками других хехгадцев, некоторое время составлявших особенное колено на р.Бугуре и на ручьях, в нее впадающих, также и на полуострове Деметее, образуемом Кубанским лиманом у устья сей реки. Эти остатки впоследствии совершенно рассеялись, так что ныне в самобытном виде не существует уже колено *хехгадць* между черкесами. Одна деревня, принадлежавшая упомянутому князю *Бечмырзе Шамова* дома и ныне находящаяся на полуострове Тамане, достойна замечания нашего. Эта деревня, уцелевшая от всего хехгадцкого поколения, называется и теперь от татар *Ада* и есть остаток той части хехгадцев, которая в древнейшие времена называлась татарами и турками *адалы*, каковое частное название, относящееся лишь до части этого поколения (курсив наш – З.К.), подало повод производить общее некоторым писателям наименование черкес – *адхге*, от первоначального жительства этого народа на острове Тамане. Эта деревня единственный остаток поколения хехгадць, составляющая нечто целое, называется в настоящее время, как и прежде татарами *Ада*, а черкесами *Хтук*, каковые названия, означающие: островитянин или просто остров, даны им по причине их жительства на острове, потому и собственное наименование хехгадцьского племени постепенно изглаживается из памяти черкесов» [Султан Хан-Гирей 2009: 165–166].

Описание Хан-Гирея гораздо более информативно, но не совпадает в некоторых деталях с более ранними письменными источниками. Например, Эвлия Челеби, посетивший Черкесию в 60-х годах XVII в. четко отделяет таманских и темрюкских черкесов от, собственно, *хегаков* [Эвлия Челеби 1979: 42–63]. По его сведениям, на Тамани расположены «80 черкесских деревень», а в пригородах Тамани, Темрюка и других османских городков в низовьях Кубани черкесы живут смешано с мусульманами [Эвлия Челеби 1979: 42, 44–52]. Эвлия Челеби описывает таманских черкесов как богатую общину и упоминает имена их природных князей («беев»), которые получали жалованье от османского правительства за счет местных налогов: «Это до такой степени богатая земля, что если один человек с десятью лошадьми проживет в доме десять дней, то население радуется. Эти богатые черкесы – веселые, дружелюбные и склонные к шутке – заслужили имя «богачи». Татар на этом острове (т.е. Тамани – З.К.) нет совершенно, они не могут здесь жить, так как в смысле управления Кафинский эйялет считается анатолийской землей (т.е. османским владением – З.К.)» [Эвлия Челеби 1979: 49, 51]. В отличие от таманских и темрюкских черкесов, *хегаки* в описании Эвлия Челеби – это первое собственно черкесское этнополитическое образование – «Кабак племени шегаке в начальных пределах Черкестана» [Эвлия Челеби 1979: 52]. Политический статус *хегаков* во времена путешествия Эвлия Челеби, совершенно иной. *Хегаки* характеризуются автором как «народ ... непокорный», находящийся в союзе с соседними ногайцами «племени чобан» [Эвлия Челеби 1979: 52–63]. Территория *хегаков* охватывала небольшой ареал вокруг Анапы, от побережья Черного моря до левого берега Кубани [Эвлия Челеби 1979: 52–53, 55–58]. Управлял ими «бей шегаке, Энджирук-бей», мобилизационный ресурс *хегаков* Эвлия Челеби оценивал в три тысячи конных и пеших воинов, а их общую численность в десять тысяч человек [Эвлия Челеби 1979: 56].

Более поздние данные, например «Описание Черкесии» составленное Ксаверио Главани в 1724 г., также выделяет Хегак как небольшой, но самостоятельный округ или бейлик Черкесии с населением в 500 жилищ [АБКИЕА 1974: 158]. Последняя цифра условна и важна лишь для сопоставления с демографическим потенциалом более крупных черкесских княжеств – Кемиргой («2000 жилищ»), Большая Кабарда («около 3000 жилищ»), Бжедугия («1000 жилищ») и т.д. [АБКИЕА 1974: 158].

Проблема этнодемографической динамики на крайнем западе Княжеской Черкесии в XVIII – первой пол. XIX в. был подробно рассмотрен Н.Г. Волковой в ее

монографии «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века» [Волкова 1974: 16–21]. Анализируя письменные источники, архивные данные, свидетельства Хан-Гирея, она пришла к интересному выводу: «Вполне допустимо, ... что под именем хегаков скрывалась часть жанеевцев, видимо тех, которые населяли прибрежные районы Черкесии. Позднее, во второй половине XVIII – начале XIX в., эти же группы были известны как натухайцы и шапсуги» [Волкова 1974: 21]. Вывод Н.Г. Волковой подтверждает свидетельство Хан-Гирея о гетерогенности *хегаков*, в период, когда они сохраняли свою самобытность и еще не были поглощены демографическим ростом натухайцев и шапсугов на рубеже XVIII–XIX вв. *Хегаки* и управлялись к тому же княжескими домами, имевшими пусть и единое Иналидское происхождение, но относившимися к разным владетельным линиям – хатукаевской и жанеевской. Происхождение княжеской фамилии *Шамекк-р – Шамовых* (по-видимому *Щамокъуз*, досл. «сирийский сын, потомок» – З.К.) неясно. Но вывод Н.Г. Волковой констатируя факт, не объясняет его – почему часть жанеевских, хатукаевских, а в случае с Канбулатом Идаровым и кабардинских Иналидов по временам идентифицировались как *хегаки*. Очевидно, что определяющим тут был не этногенетический, а социальный фактор. *Хегаки* в исторической ретроспективе явно выступают в качестве маргинальной локальной группы, объединенной одним определяющим принципом, игнорирующим субэтническое происхождение входящих в него компонентов. На наш взгляд, определение этого принципа, а также непротиворечивую интерпретацию *хегакской* идентичности Канбулата Идарова можно предложить лишь сопоставив фамильную историю Идаровых с порядком функционирования института высшей политической власти в Княжеской Черкесии. Специфика власти великого князя-*тцышхуэ* в Кабарде и других крупных черкесских княжествах по аналогии с Древнерусским государством Рюриковичей XI–XII вв. и Франкским королевством VI–IX вв. предполагала «непременное соучастие всех братьев в управлении королевством по смерти отца, что выражалось в территориальных разделах между ними, создании королевств-уделов (Teilreiche) при сохранении государственного единства как потенции и идеальной нормы» [Кажаров 1994: 214–215]. Реальная жизнь всегда сложнее идеальной нормы. Так, очевидно, Инармас Табулов умер, не успев стать полноправным удельным владельцем, иначе его вдове незачем было покидать Кабарду и прибегать к покровительству своего отца. Идар Инармасов, родившийся в Бжедугии, таким образом становился князем без удела. Ш.Б. Ногмов, воспроизводя устные предания, дает весьма комплиментарное описание Идара Инармасова: «За его хороший характер и отличные способности дед его Хамишев Бжедугский, князь Эльжеруко и весь адыгейский народ, несмотря на юные лета, страстно его любили и питали к нему особое уважение» [Ногмов 1994: 101]. Но несмотря на это Идар не мог претендовать на наследство в Бжедугии или где бы то ни было в Западной Черкесии – это противоречило феодальному праву и принципу наследования исключительно по мужской линии. По своему социальному статусу Идар Инармасов фактически идентичен древнерусским князьям-изгоям, т.е. осиротевшим Рюриковичам, которые до смерти отца или другого старшего родственника не успевали получить удел и, таким образом, исключались из лестничного ряда. Судьба князя-изгоя была незавидна и толкала их на вооруженную борьбу за обретение полноценного статуса в рамках родового принципа наследования. Идару Инармасову в результате общечеркесской феодальной войны, завершившейся Кызбурунским сражением, удалось восстановить право на удел в Кабарде, но память о его изгойстве сохранилась в устной традиции до первой половины XIX в. [Ногмов 1994: 101–105; Кожев 2020а: 54–67]. Нам представляется, что «*хегакская*» идентичность Канбулата Идарова, зафиксированная в кяхских (западночеркесских) вариантах песни об Андемиркане является одной из форм этой памяти, сохранившей рудиментарно социальную семантику субэтнического термина

хегак (*хэгъакIэ*). Этимология данного термина достаточно прозрачна – *хэгъакIэ* (досл. «исключенный»), семантически сближается с древнерусским «*изгой*», демонстрируя поразительные сближения в системах функционирования родового принципа наследования в Княжеской Черкесии Иналидов и Древнерусском государстве Рюриковичей (лествичное право) даже в части обозначения случаев исключения представителей тех или иных линий правящей династии из него.

Таким образом, термин *хегак* (*хэгъакIэ*) следует рассматривать как социальное обозначение тех Иналидов, а возможно и династов иного происхождения, как в случае с родом Шамовых, которые в силу обстоятельств исключались из системы наследования по родовому принципу в рамках крупных феодальных княжеств Черкесии. Окруженные лишь небольшим числом своих личных подданных, друзей и клиентов они вытеснялись на географическую и политическую периферию Княжеской Черкесии Иналидов, где смешивались с теми локальными группами адыгов, которые уже были включены в общественно-политическую систему соседних государств. Именно поэтому Хан-Гирей и некоторые другие авторы допускали такие не вполне корректные сближения в идентификации *хегаков* с таманскими и темрюкскими черкесами (*ада*, *адалы*, *хтук* (*хытIыгу*) и др.) Кафинского вилайета Османской империи.

Канбулат Идаров и его братья в момент организации убийства Андемиркана уже успели обрести полноценный статус князей-*пцы* Кабарды. Судя по тому, что их отец, как и старший брат Кемиргоко, не упоминается в сказаниях и поэтических текстах Андемиркановского цикла, Идара Инармасова в это время уже не было в живых. Но возможно определенный комплекс в связи с недавним обретением Идаровыми полноценного политического статуса был одним из тайных мотивов в убийстве *пцы-тумэ* Андемиркана, абсолютно затмевавшего своей славой «чистокровных» князей-Иналидов. Поразительно, что «хегакская» идентичность Канбулата Идарова, как рудиментарная память о социальном статусе и происхождении всего клана Идаровых, сохранилась лишь в кяхских (западноадыгских) вариантах устных преданий об Андемиркане.

Список источников

АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVI–XIX вв.* / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.

Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.

Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эльфа, 2001. 410 с.

Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2007. 326 с.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эльфа, 1994. 440 с.

Карданов 2001 – *Карданов Ч.Э.* Путь к России. Нальчик: Эльбрус, 2001. 432 с.

Кожев 2006 – *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с начала XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 168–203.

Кожев 2020а – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020. 144 с.

Кожев 2020б – *Кожев З.А.* Гибель Андемиркана: проблема датировки // Научные известия. Нальчик, 2020. № 21. С. 12–17.

Кожев 2021 – *Кожев З.А.* Роль Идаровых в убийстве Андемиркана по данным черкесского фольклора // Научные известия. Нальчик, 2021. № 25. С. 36–41.

КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.*: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.

Налоева 2015а – *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории // сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с.

Налоева 2015б – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с. (Приложение)

Народные песни 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. Т. 3. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.

Фольклор адыгов 1988 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века*. Кн. 2. Нальчик: Эльбрус, 1988. 272 с.

Челеби 1979 – *Челеби Эвлия*. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.

Адыгэ Гуэрыуатэхэр 1969 – *Адыгэ Гуэрыуатэхэр*. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1969. 412 с.

Ижъырэ адыгэ 2019 – *Ижъырэ адыгэ ордэхэр*. Мыекъуапэ: ООО «Полиграф-Юг», 2019. 288 с.

КъэрдэнгъуцI 2009 – *КъэрдэнгъуцI 3*. Тхыгъэ къыхэхэхэр. Налшык: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. 756 с.

References

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / compilation, editing of translations, introduction and introductory articles to the texts of V.K. Gardanov]. Nalchik: Elbrus, 1974. 636 p. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII-nachale XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th and early 20th centuries]. М.: Nauka, 1974. 276 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. Nalchik: El'-Fa, 2001. 410 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus of the 16th – 17th centuries]. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2007. 326 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis at the end of the 18th – first half of the 19th century]. Nalchik: El'-fa. 1994. 440 p. (In Russian)

KARDANOV Ch.E. *Put' k Rossii* [The Way to Russia]. Nal'chik: El'brus, 2001. 432 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Politicheskaya istoriya Cherkessii (s nachala XV v. do 1763 g.)* [Political history of Chircassia (from the beginning of the XVth century to 1763)]. IN: *Adygskaya, (cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (chirkassian) encyclopedia]. Moscow: Fund, named after B.H. Akbashev, 2006. P. 168–203. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. Nalchik: Print Center, 2020. 144 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Gibel' Andemirkna: problema datirovki* [The Demise of Andemirkn: The Problem of Dating] // *Nauchnye izvestiya*. Nal'chik, 2020. № 21. P. 12–17. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Rol' Idarovykh v ubiistve Andemirkana po dannym cherkesskogo fol'klora* [Idarovs' role in the murder of Andemirkan according to Circassian folklore] // *Nauchnye izvestiya*. Nal'chik, 2021. № 25. P. 36–41. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries]: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I. Moscow: Publishing house of the AS USSR, 1957. 478 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiума i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii / Sost. A.S. Mirzoev [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socioeconomic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. 371 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiума i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii / Sost. A.S. Mirzoev [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socioeconomic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. 371 p. (Prilozhenie) (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs]. Vol. 3. Part. 1. M.: Sovetskii kompozitor, 1986. 264 p. (In Russian)

NOGMOV SH.B. Istoriya adykheiskogo naroda [The history of the adyghe people]. Nalchik: Elbrus, 1994. 232 p. (In Russian)

SULTAN HAN-GIREY. Izbrannye trudy i dokumenty [Selected works and documents]. Maykop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

CHELEBI EVLIYA. Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region]. Issue 2. Moscow: Science, 1979. 288 p. (In Russian)

Fol'klор adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – nachala XX veka [Folklore of the Adygs in records and publications of the 19th – early 20th centuries]. Book. 2. Nal'chik: El'brus, 1988. 272 p. (In Russian)

Adyge Iueryluatekher [Adyghe folklore]. Vol. II. Nalshyk: El'brus, 1969. 412 p. (In Circassian)

Izh'yre adyge oredkher [Old Adyghe Songs]. Myek'uape: ООО «Poligraf-YuG», 2019. 288 p. (In Circassian)

KARDANGUSHCH Z. Tkhyg'e k'ykhekhakher [Selected Works]. Nalshyk: Izdatel'stvo. M. i V. Kotlyarovykh, 2009. 756 p. (In Circassian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-40-49

**НА ПУТИ К БЕЛГРАДУ: ДИНАМИКА МЕЖИМПЕРСКИХ ДЕБАТОВ
ПО ВОПРОСУ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА КАБАРДЫ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.**

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2022

Аннотация. В 1739 г., завершая очередную войну гегемоны восточноевропейского геополитического пространства – Османская и Российская империи официально провозгласили «вольность» Кабарды. Настоящая работа сосредоточена на исследовании предпосылок такого исхода межимперского противоборства. В фокус исследования помещена динамика взаимодействия нарративных стратегий соперничающих держав в соотнесении с «языком самоописания» правителей ведущего восточноевропейского княжества. Материалы и документы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) составили источниковую базу исследования. Ее анализ позволяет проследить сохранение преемственности в самопозиционировании политической элиты Кабарды на протяжении рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Кабарда, Россия, Порта, Крым, Константинопольский трактат, Адрианопольский трактат, подданство, военные действия

Для цитирования: Алоев Т.Х. На пути к Белграду: динамика межимперских дебатов по вопросу политического статуса Кабарды в первой четверти XVIII в. // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 40–49. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-40-49

Original article

**ON THE WAY TO BELGRADE: THE DYNAMICS OF THE INTER-IMPERIAL DEBATE
ON THE POLITICAL STATUS OF KABARDA
IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY**

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© T.Kh. Alov, 2022

Abstract. In 1739, ending another war, the hegemons of the Eastern European geopolitical space – the Ottoman and Russian empires officially proclaimed the “liberty” of Kabarda. This work is focused on the study of the prerequisites for such an outcome of the inter-imperial confrontation. The focus of the study is the dynamics of the interaction

of narrative strategies of rival powers in relation to the articulated “language of self-description” of the rulers of the leading East Circassian principality.

The text traces the preservation of continuity in the self-positioning of the latter throughout the period under review.

Keywords: Kabarda, Russia, Porta, Crimea, Treaty of Constantinople, Treaty of Adrianople, citizenship, hostilities

For citation: Aloev T.Kh. On the way to Belgrade: the dynamics of the inter-imperial debate on the political status of Kabarda in the first quarter of the 18th century. *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2022; 4-2 (55): 40–49. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-40-49

Шестая статья Белградского мирного договора, заключенного между Портой и Россией 18 сентября 1739 г. провозглашает следующее. «Об обеих Кабардах, то есть Большой и Малой, и Кабардинском народе, с обеих сторон соглашеннос[т]ь, что быть тем Кабардам вольным[и], и не быть под владением ни одного ни другого Империя, но токмо за бариеру между обеими Империями служить имеют; и что и от другой стороны блистательной Порты Туркам и Татарам во оныя не вступаться, и оных не обезпокоивать такожде и от Всероссийской империи оныя в покое оставлены будут. Но что однакоже по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую Империю от тех Кабардинцев, для спокойнаго их пребывания, аманаты; и Оттоманской Порте, також позволяется для такой же причины, брать от них таких же аманатов; а ежели помянутые Кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой Державе, каждой позволяется наказать» [Юзефович 1869: 19].

Разумеется, эксплицитная констатация (внешне)политического статуса большинства шхагских политий в столь важном дипломатическом акте представляется значимой хотя бы с учетом того обстоятельства, что это было сделано впервые в рамках европейской конвенциональной дипломатии и по сути ознаменовало вступление восточочеркесских княжеств в пространство вестфальской системы международных отношений, тем более, что к появлению данного документа, так или иначе была причастна чуть ли не половина формирующегося концерта держав Старого Света. Если исходить из того, что документ адекватно отражал действительное положение Кабарды как независимого элемента актуальной на тот момент конфигурации центров сил в Восточной Европе и в этом смысле речь можно вести о торжестве суверенитета черкесских княжеств, то в не меньшей степени правомерным представляется акцентуация на проблематичности однозначной аттестации трактата, особенно, принимая во внимание контрагентов договора и прописанные в его тексте рестрикции. Однако в стремлении понять меру релевантности зафиксированного в Белграде статус-кво международным и военно-политическим реалиям и актуальной политической семантике представляется необходимым прежде всего прочертить динамику взаимных диспозиций гегемонов восточноевропейской политики по «кабардинскому вопросу» в соотнесении с «языком самоописания» самих фигурантов межимперского соглашения в предшествующий период.

В исторической литературе отсутствуют специальные исследования, посвященные анализу взаимодействия конкурирующих нарративов, выстраиваемых вокруг проблемы политического статуса Большой Кабарды рассматриваемого периода. Вместе с тем, круг работ в которых находят отражение те или иные аспекты затрагиваемого вопроса, довольно внушителен. Стоит отметить, что уже в первом обобщающем сочинении о народах кавказского региона – «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» С.М. Броневского [Броневский 1823: 82] отражены некоторые сюжеты, важные с точки зрения динамики политического статуса Кабарды в первой четверти XVIII в. В частности, в повествовании уделено определенное внимание крымским походам в Кабарду в 1708 и 1720 гг. Итоги этих коллизий, очевидным образом, предстают одними из определяющих

факторов, влиявших на выработку конкурирующими игроками своих оптик относительно политического положения восточночеркесских княжеств.

Фактическая полнота изложения событий в фундаментальной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева издававшейся с 1851 по 1879 гг. обеспечила значительно более подробный исследовательский взгляд. Имея в виду последовательное и скрупулезное воссоздание событийной канвы связанной с внешнеполитической деятельностью Петра I объяснимо, что повествование Соловьева важно не только своим потенциалом контекстуализации рассматриваемого предмета. Чрезвычайно значима насыщенность текста оригинальными документами [Соловьев 1963: 375], отражающими внешнеполитические приоритеты петровской дипломатии. В некоторых эпизодах артикулированную позицию российской стороны автор сопровождает внешнеполитической реакцией заинтересованных игроков. Такие «моменты стыка» позиций обеспечивают наиболее фактурные для анализа элементы текста.

С точки зрения выяснения диспозиции держав-гегемонов восточноевропейской политики на Северном Кавказе на излете первой четверти XVIII в. немаловажное значение имеют «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год» П.Г. Буткова. Несмотря на то, что с начала 1720-х гг. основное внимание российского правительства, в связи с Персидским походом Петра I, было уделено Восточному Кавказу и исследователи, разумеется, не могли проигнорировать подобное обстоятельство, в этом труде сформулированы полезные для настоящего текста положения [Бутков 1869: 15]. Работы ряда других дореволюционных авторов так или иначе касались событий, выступающих базисом для объекта интереса настоящей статьи. Поэтому ретроспективная оптика Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1876: 117] и В.Н. Кудашева [Кудашев 1991: 52] принята во внимание при осмыслении определенных аспектов предмета исследования.

В советский период военные и дипломатические перипетии вокруг Кабарды первой четверти XVIII в. не раз оказывались в центре внимания исследователей. Здесь отметим двух важных авторов – Е.Дж. Налоеву и В.Н. Сокурова. Постановка задач, привлеченный материал и уровень анализа источников, продемонстрированных в работах этих авторов [Налоева 1969: 22], существенно углубили наши представления об определяющих чертах исторических реалий затронутого здесь периода [Сокуров 1977: 5]. В частности, реконструкция системы политических институтов Кабарды и их значение в контексте перипетий внешнеполитической динамики вокруг ведущего восточночеркесского княжества обозначили новую веху в исследованиях черкесской истории.

С опорой на эти достижения в последующем были предприняты довольно продуктивные исследовательские инициативы. Прежде всего речь идет об исследованиях Дж. Я. Рахаева. Его статьи «Центральное Предкавказье в русско-турецких отношениях в 1700–1711 гг. (по материалам российских архивов)» [Рахаев 2005: 234] и «Кабарда в российско-османских отношениях в 20-е гг. XVIII в.» [Рахаев 2009: 147] послужили серьезным подспорьем при решении задач настоящей работы.

Выстраивая рассуждения по рассматриваемому вопросу в качестве отправного пункта целесообразно обратиться к некоторым особенностям текста Константинопольского мирного договора между Портой и Россией 1700 г. Версия документа на «словенском языке» начинается с царской титулатуры где отмечено, что Петр является наряду с прочим «повелителем» «Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей». Между тем, в двух статьях из четырнадцати «черкассы» / «черкессы» явлены как фигуранты представляющие противоположную сторону [Юзефович 1869: 19]. Принимая во внимание обстоятельства заключения этого трактата, когда напряженные переговоры продолжались в течение почти года и каждая деталь обговаривалась в ходе многочисленных «конференций» можно

исключить недосмотр переговорщиков в этом моменте. В таком случае можно предположить, что стороны мирились с «вкравшимися» в текст апокрифами исключительно ввиду очевидности орнаментального характера их упоминания. По крайней мере обращение к источникам черкесского происхождения обеспечивает более критический взгляд на «реальную» диспозицию держав-гегемонов в отношении политических акторов Черкесии, в частности Кабарды. Весьма информативными в этом плане предстают сведения находившегося с 1706 г. в Крыму католического миссионера, епископа Дюббана. Им был составлен вопросник с целью выяснения перспектив прозелитизма со стороны населения соседней с Крымом Черкесии. Предваряет он свои вопросы ознакомлением с общими штрихами разгрома крымско-османской армии в Большой Кабарде в военную кампанию 1708 г. Между прочим, обстоятельства этой войны, когда один из заявителей своего суверенитета в Черкесии выступал агрессором, а другой проигнорировал предложения о коалиции для совместного отпора ему и уклонился от какой-либо формы участия в ней весьма красноречивы с точки зрения прояснения соответствия деклараций политическим реалиям. Весьма показательным предстает и постановка первого вопроса в тексте. Он звучит следующим образом: «Кому они (черкесы. – Т.А.) подчиняются, коль **по их собственным словам** (выделено нами. – Т.А.) они не зависят от Великого Повелителя (османского султана. – Т.А.) или Царя или некоторых иных отдельных государей?» В ответе на него отмечается, что «... с 1708-го [г.], когда они (черкесы Кабарды. – Т.А.) наголову разбили с помощью военной хитрости татарскую армию, они защищаются как могут, и слушать не желают о дани. Кабарта, являющаяся самой сильной областью, полагается на свои ущелья и на суровость своих гор. Ныне они поддерживают некоторые сношения с Царем, но не подчиняясь ему. Великий Повелитель (османский султан. – Т.А.) не имеет никакого отношения к Черкесии, ни равнинной, ни горной» [Черкесские этюды... 2012: 32–33].

Для определения характера установленных связей Кабарды и России уместно обратиться к письму Петра I, адресованному азовскому губернатору И.А. Толстому спустя несколько месяцев после татарского разгрома в Кабарде, в феврале 1709 г. В нем царь указывал: «Понеже от турков хотя и еще не совершенно, однако ж, некоторое начинает быть помышление к войне, того ради вам надлежит... обслатца к черкесом, котория ныне воюют с крымцы, похотят ли они с нами заодно быть... аднакож zelo тайно и не от своего лица» [Рахаев 2005: 238]. В условиях, когда по словам черкесских князей «у нас с крымцами идет война великая» [Рахаев 2005: 239]. согласие Кабарды вступить в антикрымский альянс было вполне предсказуемым, но вряд ли предопределенным. Согласования и переговоры относительно конкретного содержания намечавшегося союза продолжались два года. И накануне выступления кабардинских войск в поход против Кубанской Орды 1711 г. черкесские лидеры передали через прибывшего в Кабарду А. Бекович-Черкасского свои условия. Проявляя разумную прагматичность в качестве приоритета ими было обозначено желание, чтобы «...царское величество не оставил черкесов, ежели будут трактаты с турком к миру, в тех трактатах не забыть и черкес...» [Рахаев 2005: 245]. Однако прутский провал Петра фактически дезавуировал достигнутые соглашения. Более того, в рамках Адрианопольского трактата 1713 г. Петербург согласился на признание «черкасского» народа «принадлежащим Крыму» (что было некоторым понижением его статуса в сравнении с условиями Константинопольского договора, где декларировалось их подданство Порте наряду с татарами и ногайцами) [ПСЗРИ 1830: 40]. Однако то, что в (по крайней мере, обоюдном) понимании тогдашних контрагентов понятие «черкасский народ» обнимало и кабардинские феодальные агрегации далеко от самоочевидного. Видимо, наиболее релевантным тогдашним обстоятельствам взглядом будет рассмотрение данной ситуации как очередной фиксации имперских претензий. Здесь

вспоминается один из недавних тезисов, согласно которому вплоть до XVIII в., Россия считалась в Черноморско-Каспийском «регионе «своей», понятной и понимающей принципы местных взаимоотношений. Они выражались в признании размытости межгосударственных границ и относительности (по европейским понятиям) (а временами и номинальности. – Т.А.) вассалитета местных владык к своему верховному сюзерену» [Орешкова, Ульченко 2006: 173]. Этой рамке не противоречат и рассуждения вполне европеизированного царского сподвижника Бекович-Черкасского уже после заключения Адрианопольского мира. В 1714 г., известившись об активности представителей крымского хана в Кабарде, он писал: «И ежели оное турецкое намерение исполнится, то, когда война случится, могут немалую силу показать, понеже оный народ лучший в войне, кроме регулярного войска. Ежели ваше величество соизволите, чтоб оный народ не допустить под руку турецкую, но паче привести под область свою, то надлежит, не пропуская времени, о том стараться; а когда уже турки их под себя утвердят, тогда уже будет поздно и весьма невозможно того чинить. А опасности никакой в превращении их не будет, понеже народ там вольный есть» [Соловьев 1963: 365]. И именно из адекватности подобной аттестации проистекают содержания последующих обращений. В послании его собратьев-князей к царю в 1717 г. говорится следующее: «Понеже как от вашего величества приехал к нам князь Александр Бекович и объявил, дабы нам быть в подданстве и в холопстве вашего величества, и мы по его словам поддались и Вам, великому Государю, холопами быть обещались, как вам, великому государю, калмыки служат, будучи в холопстве и в каких случаях содержатся. И нас бы так оберегал, ваше величество... Мы в своем слове и шерте пребываем верно» [Кабардино-русские отношения (КРО)... 15–16]. На первый взгляд парадоксальным кажется подчеркнуто верноподданническая риторика тех, кого петровский сподвижник аттестовал *вольными*. Однако оставляя за скобками цветистую лексику обратимся к прагматике обращения. Она была сформулирована ими в трех пунктах. Во-первых, черкесские лидеры требовали «не крестить» и возвращать выбегавших на российскую границу крестьян. Во-вторых, артикулировалась необходимость обеспечения оперативной военной поддержки («ныне весною нам пожалуй войск для защищения наших земель и юртов») [КРО... 16]. И, в-третьих, «как вашим служителем и рабом корм и жалованье указом вашим дается, и оные в какой милости содержатся, так бы и нам жалованье определить, и милость показуя содержать» [КРО... 16]. Как выше отмечено в качестве образца они артикулировали модель взаимоотношений установившийся между калмыками и Россией. Между тем в оценках административных структур последней она не рассматривалась оптимальной (и даже приемлемой). В 1722 г. в Коллегии иностранных дел об этом предмете отзывались следующим образом: «... а калмыцкой народ хотя и подданной нам и под протекцию нашу обретается... однако же своевольной и в степи кочующий народ не может тако в покое и послушании содержан быть...» [Архив внешней политики Российской империи... Оп. 115/2. 1721–1722. Д. 3. Л. 7]. По мнению составителей такой характеристики, подконтрольность калмыков была настолько сомнительной, что те вовлекаются в «своевольства и набеги» «от чего и нашим подданным великие обиды починены» бывают [АВПРИ. Оп. 115/2. 1721–1722. Д. 3. Л. 7]. Забегая вперед отметим, что даже такой, подразумевавший, с точки зрения агентов имперского продвижения, ограниченную (и сомнительную) субординацию модус взаимодействия так и не получил воплощения в отношениях с Большой Кабардой.

Возвращаясь к асерции высказывания очевидно, что квалифицирующими положение его авторов обстоятельствами предстают артикулированные время («когда приехал к нам князь Александр Бекович») и активная позиция («мы по его словам поддались... и обещались»). Собственно, вне их субъектности слова «мы в своем слове и шерте пребываем верно» были бы невозможны. Несмотря на

нарастающую турбуленцию и осложнение (доходившее в некоторые периоды до предельно экстремальных показателей) своего положения в последующие годы правители княжества неизменно выступали с позиции дееспособных самостоятельных игроков. Так, на следующий 1718 г., чиновникам внешнеполитического ведомства посол из Кабарды сообщал: «Приказали ему князя також донести, что когда царское величество изволит их держать у себя в подданстве, то б изволил их к службе своей употреблять, и жалованьем определить, и от неприятелей охранять; а они в своей верности непоколебимо пребудут». Очевидно, что здесь князя воспроизводили обозначенные в предыдущем году пункты соглашения, к которому они апеллировали не первый год. При этом, имевшие основания рассматривать поведение контрагента если не как недобросовестное, но, по меньшей мере, уклончивое, черкесские князя делегировали своему представителю поставить на вид свои претензии в близкой к ультимативной тональности. Вышеприведенное сообщение посол завершал словами: «Ежели ж они его величеству ненадобны, то б изволил им объявить, дабы они о том знали» [КРО... Т. II. С. 19]. Важно указать, что риторические установки правителей Кабарды не претерпевали изменений и в условиях развернувшихся вскоре (следует отметить, первоначально весьма неблагоприятно развивавшихся для адресантов) масштабных военных действий. Укоряя российское руководство в бездействии, они подчеркивали «... а в чем мы согрешили, и какая в том наша вина, что мы, будучи под протекцию вашего царского величества, от всех неприятелей нападение имеем...» И, далее невзирая на то, что ресурсов в их распоряжении стало вдвое меньше (в связи с расколом правящей элиты) авторы не сбавляли тон перед могущественным партнером: «А ежели соизволением вашего царского величества Кабарда и кабардинские народы вам не надобны, и вы, великий государь, извольте нас уведомить, и мы будем себя как можно оборонять» [КРО... Т. II. С. 25].

Вторгшийся летом 1720 г. в Кабарду с 40-тысячным войском крымский хан Саадет-Гирей пытаясь воспользоваться внутривосточным кризисом в княжестве форсировал события: «учинил на их (черкесов. – Т.А.) жилища... нападение и конские и животинные стада их отогнали и хлеб пожгли и потолочили, и жилища их разорили...» [КРО... Т. II. С. 28]. Оправившись от первой волны нашествия группировка князей во главе с Кайтуко Асланбеком в очередной раз обращается к российскому руководству. Принимая во внимание то обстоятельство, что письмо было составлено в разгар военной кампании в условиях крайней эскалации конфликта неудивительно, что его текст предельно прагматичен. Черкесы писали: «... когда мы от себя отправили брата своего Садатгирея за посла к его Ц.В. о том уведомясь Крымский хан собрав нескольких кубанских татар учинил на нас нападение и вымагал у нас он крымский хан со всякого дому по человеку иесырей и чтоб мы добровольно все ехали на житье в Кубань, а ежели добровольно не поедем, то грозил нам злыми угрозами. А мы ему хану ответствовали. Хан, тебе до нас дела нет, а нам до тебя дела нет понеже мы под царского величеств протекциею обретаемся и служим ему Великому Государю и потом он крымский хан свирепее на нас напал и хлеб всякой наш и сена у нас все что было пожег потом» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1720–1721. Д. 5. Л. 9–10]. Проявив, с одной стороны, твердость в исполнении взятых на себя обязательств и, следовательно, неизменную приверженность в следовании соглашениям десятилетней давности, черкесы, разумеется, призывали к взаимности – наполнить понятие *протекция* реальным содержанием, направив в Кабарду военную помощь. В критической ситуации в которой оказалась группировка князей во главе с Кайтуко Асланбеком (получившая в историографии название Кашкатауской партии) уже не было резонов скрупулезно следовать дипломатическому политесу. Поэтому авторы послания требовательные интонации, крещендо нараставшие в предыдущие годы довели до явственного ультиматума: «Извольте донести великому государю годны

ли мы его царскому величеству или негодны да буде негодны и мы будем от себя стараться как возможем, и после на нас не кручинитесь якобы мы вам не доносили...» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1720–1721. Д. 5. Л. 9–10].

Россия в тот период не только не оказала последней помощи, но в разгар военной кампании заключила с Портой Константинопольский «вечный» мир, в котором фиксировалась «крымская» принадлежность «черкасского народа» (о чем в корреспонденциях с кабардинцами не сообщалось). И это неудивительно – еще в предыдущем году тогдашний астраханский губернатор А.П. Вольтер в письме царю артикулировал текущее отношение к Кабарде: «Хотя народ черкеской и не так к границам его (царского) величества близок, однако ж, по моему мнению, не без пользы б было, ежели их в некотором, хотя малом, награждении содержать, от которых я и не надеюсь ныне великого плода, однако ж и то мне не без пользы, ежели и вредить не будут». С чем царь и согласился [Рахаев 2009: 147]. Однако в условиях нарастающей турбулентности по периметру кабардинской территории российская сторона отошла от такой установки: сначала в первой половине 1721 г. в Кабарду в помощь лидеру Кашкатауской партии Кайтуко Асланбеку был направлен контингент войск из России (донские казаки, калмыки), а поздней осенью астраханский губернатор прибыл в приграничные с этим восточночеркесским княжеством казачьи городки для осуществления посреднической миссии в урегулировании внутрикабардинского конфликта. Возможность таких усилий с российской стороны, думается, можно рассматривать как результат понимания со стороны Петербурга, неконгруэнтности зафиксированного в Стамбуле статуса «народа черкеского» военно-политическим реалиям в кавказском регионе. Несомненно, российские инициативы были простимулированы также устойчивостью кашкатауской группировки кабардинских князей в условиях крымского вторжения при поддержке значительной части политической элиты княжества. К тому же в самом начале 1721 г. корпус крымских войск, остававшийся на территории Кабарды был разгромлен в ходе битвы на р. Нальчик. Однако мобилизация ресурсов ханства грозила демпфированием антикрымского очага сопротивления, не располагавшего всем военным потенциалом ведущего восточночеркесского княжества. В этом случае границы ханства фактически выходили в район нижнего Терека, что на порядок повышало риски имперским коммуникациям в Прикаспийском регионе накануне Персидского похода 1722 г. Как бы то ни было негативная реакция Порты не заставила себя ждать. Российский резидент в Стамбуле докладывал, что 14 января 1722 г. его посетил «переводчик Порты». Султан, согласно этому сообщению, предложил «дабы ваше императорское величество подданным своим запретил и наказание учинил дабы бунтовщикам ханским протекции и помочи не давали и в делах их не мешались» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1721–1722. Д. 3. Л. 7]. Спустя некоторое время, в марте 1722 г. уже османский посол Миралем Кападжи Мустафа-паша подал императору ноту протеста по поводу российской активности в кабардинском направлении. Этого было достаточно, чтобы Петербург отступился от своего партнера. В письме Ахмеду III сообщалось: «Донесено нам от резидента нашего, пребывающего при дворе вашего салтанова величества, что через доношение хана крымского вам объявлено, будто от подданных наших чинятца некоторые дела, противные вечному миру постановлению, и даются протекция кабардинским баям против его хана крымского... Подданные наши, – никогда такого указа не имели, что за которого кабардинского владельца с ханом крымским в ссору вступать...» [Рахаев 2009: 160]. Для вящей убедительности резиденту Неплюеву была направлена инструкция следующего содержания: «И о том что по желанию беев кабардинских некоторые самовольные казаки и калмыки были за деньги от них призваны, и в том тебе накрепко надлежит по содержанию нашей Грамоты уверить, что они то собою самовольно учинили, и от нас им никакого позволения не было, и накрепко им казакам заказано от нас дабы отнюдь

нималейшего виду к нарушению... вечного покоя не подавали» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/2. 1721–1722. Д. 3. Л. 7].

По-видимому, не в последнюю очередь эти обстоятельства послужили соответствующей историографической интерпретации. Так, П.Г. Бутков еще в позапрошлом столетии окидывая ретроспективным взглядом взаимоотношения империи с кавказскими акторами накануне персидского похода 1722 г. счел корректным отнести связи с восточными черкесами в рубрику «внешние отношения». При этом их содержание он охарактеризовал следующим образом: «Кабардинцы находились в приверженности к российскому престолу, и от их содержались в Терках аманаты» [Бутков 1722–1803: Ч. I. С. 15]. Разумеется, при подобном геополитическом раскладе крымскому хану не составляло труда выдвигать претензии на Кабарду. Он писал о черкесах как «подчиненных ханам крымским издревле» и, соответственно, недопущении вступаться «в дела народов чиркасских, понеже они подданные хану крымскому» [Рахаев 2009: 159]. Но за неимением возможности вооруженной рукой подкрепить свои устремления, адресовались эти претензии османскому султану. На «земле» же, несмотря на предельную степень внутривосточного противостояния в Большой Кабарде, претензии из Бахчисарая теряли свою категоричность и внятность. Так, в апреле 1725 г. кашкатауско-крымская коалиция под общим руководством Бахты-Гирея смогла блокировать баксанцев в «Пщикове» и принудить к миру. Тогда «Бақтагирей салтан с войском и побрал на Кубань три кабака абазинских владенья Богамата Кургокина (Хатокшоко Бомат. – Т.А.) в которых кабаках было например с 500 человек или больше» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1725. Д. 2. Л. 3]. Более того, Мисост Ислам, Хатокшоко Бомат, Мисост Касай вынуждены были отдать в аманаты в Крым по шесть человек «узденских детей» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1725. Д. 2. Л. 3]. И даже при этих отчаянных для своих противников обстоятельствах Бахти-Гирей не пытался предъявить претензии касательно статуса Кабарды. Свидетелю этих событий, терскому дворянину Ивану Манаку, находившемуся в это время «во Пщикове урочище» с баксанцами, крымский султан сказал, «что два де царства Российское и Турецкое ныне в миру, а и он де Бақтагирей с нами хочет жить в союзе, а ево де привел Арасламбек воевать Кабарду» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1725. Д. 2. Л. 3]. Ретроспективно можно сказать, что тем самым крымцы упустили последний шанс для своего утверждения в ведущем восточночеркеском княжестве.

Спустя несколько месяцев ситуация кардинально изменилась; клан Кайтуко потеряв поддержку как со стороны князей Бекмурза так и дворянства собственного удела был вынужден эмигрировать в Крым. Раскол в коалиции Кайтуко и Бекмурза и присоединение последних к баксанцам означал, кроме всего прочего, прекращение противоборства княжеских группировок Большой Кабарды в формате «Баксанская – Кашкатауская» партии. Новая консолидационная парадигма, сложившаяся в княжестве зиждилась на сохранении политической самостоятельности, с чем не могли не считаться основные игроки геополитического пространства Юго-Восточной Европы.

При обращении к динамике нарративной коммуникации основных акторов международной политики в северокавказском регионе в первой четверти XVIII в. открывается картина специфического дискурсивного взаимодействия заинтересованных игроков. Продолжая свою устремленность к расширению сфер влияния державы-гегемоны восточноевропейской политики – Российское государство и Османская Порта (с Крымским ханством) периодически, в той или иной форме артикулировали свои притязания на включение кабардинских княжеств в орбиту своих интересов (и в пределе, непосредственно под свою юрисдикцию). Они отражены в международных договорах, титулатуре, дипломатической и иной переписке. При этом на протяжении рассматриваемого периода, в ходе дискурсивного противоборства между империями чаша весов, в силу ряда объективных причин,

устойчиво склонялась в сторону Порты. На излете первой четверти XVIII в. российская сторона даже официально отказывалась от своих особых отношений с Большой Кабардой. Вместе с тем сохранность ее ресурсов сопротивления (в широком смысле) под напором более чем двадцатилетнего перманентного военного давления со стороны Крымского ханства и устойчивость этоса независимого правления в представлениях правящего класса княжества позволяло не отказываться от идеи того, что «наперед сего Крымского хана, или оттоманского рабы не бывали и от них не бегивали...» [АВПРИ. Ф. 115/1. 1721. Д. 1. Л. 6]. Дальнейшее развитие событий продемонстрировало, что именно эта установка оказалась наиболее адекватной реалиям межгосударственного взаимодействия в регионе.

Список источников

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Броневский 1823 – [Броневский С.М.] Новейшие географические и исторические известия о Кавказе собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. 465 с.
- Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. I. СПб., 1869. 266 с.
- Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 112–212.
- КРО 1957 – Кабардино-Русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II. М., 1957. 423 с.
- Кудашев 1991 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. 188 с.
- Орешкова, Ульченко 2006 – *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция: проблема формирования границ. М., 2006. 229 с.
- Налоева 1969 – *Налоева Е.Дж.* К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки КБГУ. Вып. 40. Нальчик, 1969. С. 18–35.
- ПСЗРИ 1830 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. V. 1713–1719. СПб., 1830.
- Рахаев 2009 – *Рахаев Дж.Я.* Кабарда в российско-османских отношениях в 20-е гг. XVIII в. // Исторический вестник. Т. VIII. Нальчик, 2009. С. 138–183.
- Рахаев 2005 – *Рахаев Дж.Я.* Центральное Предкавказье в русско-турецких отношениях в 1700–1711 гг. (на материалах российских архивов) // Исторический вестник. Вып. I. Нальчик, 2005. С. 226–249.
- Соловьев 1963 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. IX. М., 1963. 700 с.
- Черкесские этюды... 2012 – Черкесские этюды. Историко-этнографическое издание. Составление, предисловие, перевод с французского и английского языков К.А. Мальбахова. Нальчик, 2012. 110 с.
- Юзефович 1869 – *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869. 326 с.

References

- Arxiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii.* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]
- BRONEVSKIJ S.M. *Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze sobranny'e i popolnenny'e Semenom Bronevskim* [The latest geographical and historical news about the Caucasus collected and replenished by Semyon Bronevsky]. M., 1823. 465 p. (In Russian)
- BUTKOV P.G. *Materialy` dlya novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. Ch. I. Spb., 1869. 266 p. (In Russian)
- GRABOVSKIJ N.F. *Prisoedinenie k Rossii Kabardy` i bor`ba ee za nezavisimost`* [Kabarda's accession to Russia and its struggle for independence] // *Sbornik svedenij o kavkazskix gorcah.* Vy`p. IX. Tiflis, 1876. P. 112–212. (In Russian)

Kabardino-Russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries]. Т. II. М., 1957. 423 p. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. Nal'chik, 1991. 188 p. (In Russian)

ORESHKOVA S.F., UL'CHENKO N.YU. *Rossiya i Turciya: problema formirovaniya granicz* [Russia and Turkey: the problem of border formation]. М., 2006. 229 p. (In Russian)

NALOEVA E.Dzh. *K voprosu o politicheskom polozenii Kabardy` v nachale XVIII veka* [On the question of the political situation of Kabarda at the beginning of the XVIII century]. IN: *Ucheny`e zapiski KBGU. Vy`p. 40. Nal'chik, 1969. P. 18–35.* (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. Т.V. 1713–1719. Spb., 1830. P. 40. (In Russian)

RAXAEV Dzh.Ya. *Kabarda v rossijsko-osmanskix otnosheniyax v 20-e gg. XVIII v.* [Kabarda in Russian-Ottoman relations in the 20s. XVIII c.]. IN: *Istoricheskij vestnik. T. VIII. Nal'chik, 2009. P. 138–183.* (In Russian)

RAXAEV Dzh.Ya. *Central'noe Predkavkaz'e v russko-tureczkix otnosheniyax v 1700–1711 gg. (na materialax rossijskix arxivov)* [Central Ciscaucasia in Russian-Turkish relations in 1700–1711 (on the materials of Russian archives)]. IN: *Istoricheskij vestnik. Vy`p. I. Nal'chik, 2005. P. 226–249.* (In Russian)

SOLOV'EV S.M. *Istoriya Rossii s drevnejshix vremen* [History of Russia since ancient times]. Kn. IX. М., 1963. 700 p. (In Russian)

Cherkesskie e`tyudy [Circassian etudes]. Istoriko-e`tnograficheskoe izdanie. Sostavlenie, predislovie, perevod s francuzskogo i anglijskogo yazy`kov K.A. Mal'baxova. Nal'chik, 2012. 110 p. (In Russian)

YUZEFOVICH T. *Dogovory` Rossii s Vostokom* [Treaties between Russia and the East]. *Politicheskie i torgovy`e. Spb., 1869. 326 p.* (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Средневековой и Новой истории.

Information about the author

T.H. Aloev – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-50-57

О РОЛИ ДЕНЕГ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ БАЛКАРСКИХ ОБЩЕСТВ В КОНЦЕ XIX В.

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2022

Аннотация. Статья посвящена одному из малоизученных вопросов экономической истории Кабардино-Балкарии – особенностям финансового оборота и экономической грамотности в горских обществах Нальчикского округа. Анализируются отличительные черты, присущие хозяйственно-экономическим процессам в пореформенной Балкарии. В работе исследуются содержание и специфика финансового оборота, и связанные с ним трудности, обусловленные ограниченностью наличных средств. Показано, что уже к началу XX в., в балкарских обществах происходит изменение доминирующей экономической парадигмы. На основе архивных материалов и данных периодической печати установлено, что в 80-х гг. XIX в. в горских обществах происходили важные процессы, способствовавшие повышению финансовой грамотности населения.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XIX–XX вв; Нальчикский округ; Балкария; горские общества; финансовая грамотность; денежный оборот

Для цитирования: Дзуганов Т.А. О роли денег в повседневной жизни балкарских обществ в конце XIX в. // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 50–57. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-50-57

Original article

ON THE ROLE OF MONEY IN THE EVERYDAY LIFE OF BALKAR SOCIETIES AT THE END OF THE 19TH CENTURY

Timur A. Dzukanov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzukanov, 2022

Abstract. The article is devoted to the study of one of the most important questions of economic history of Kabardino-Balkaria – peculiarities of financial turnover and financial literacy in mountain societies of Nalchik district. The distinctive features inherent in the economic processes in post-reform Balkaria are analyzed. In work the financial turnover, and the difficulties connected with it are investigated. It is shown that already by the beginning of XX century there is a change of dominating economic paradigm in Balkaria. Based on archival materials and data from periodicals, it is established that in the 80s.

XIX century there were important processes in mountain societies, which contributed to the increase in financial literacy of the population. The article reveals the main factors that had a key influence on this event.

Keywords: North Caucasus; XIX–XX centuries; Nalchik District; Balkaria; mountain societies; financial literacy; monetary circulation

For citation: Dzuganov T.A. On the role of money in the everyday life of Balkar societies at the end of the 19th century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 50–57. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-50-57

Одним из наименее изученных сюжетов экономической истории балкарских обществ в пореформенный период остается вопрос о роли денег в повседневной жизни. Имеющаяся литература по данной проблеме крайне скудна, потому в работе над ней приходится, в большей степени, опираться на материалы периодической печати и путевые записи посещавших Балкарию путешественников. В работах исследователей советского периода этот вопрос также остался без должного внимания. Вместе с тем, сохранившиеся данные весьма противоречивы и не отражают в достаточной мере сложившуюся в этой области картину. Не следует также забывать, что эти описания составлялись не учеными, а, в большинстве случаев, туристами, не обладавшими специальными навыками и знаниями. В этих условиях информативность этих источников сводилась к фиксации наблюдаемых различий между балкарцами и жителями других кавказских провинций, через которые пролегал путь путешественника. Так, Нарышкин, посетивший Балкарию в конце 60-х гг. XIX в., отмечал чуть ли не всеобщую финансовую неграмотность населения. По его словам, местные жители, по своей непросвещенности, не знают хорошо цены деньгам и потому, «случается, что за какую ни будь безделицу они запрашивают тройную цену» [Нарышкин 1872: 334]. Путешественник «заметил», что «медная монета не в ходу, хотя бумажки принимаются охотно» [Нарышкин 1872: 335]. Эти взгляды путешественников разделяли и некоторые представители Терской областной администрации. Тульчинский, в известной работе, прямо указывает, что «в горах деньги очень дороги и почти их нет, а в особенности было мало в прежнее время» [Тульчинский 1903: 209]. Примечательно, что это утверждение явно диссонирует с его же данными о состоянии экономики в Балкарии в этот период, в соответствии с которыми, широко практикуемая в горских обществах торговля скотом приносила ежегодно до 72000 рублей годовой выручки [Тульчинский 1903: 208]. Остается неясным, куда, по мнению чиновников, в таком случае, девалась получаемая прибыль.

Отсутствие достоверных статистических данных не позволяет в полной мере оценить ее масштабы в предшествующие периоды. Относительно точные сведения относятся лишь к концу 60-х гг. XIX в. По данным Грабовского, в 1867 г. горцами было продано: 356 лошадей, 588 штук рогатого скота и 4469 штук баранов. Сами «горские хозяева» уверяли Грабовского, что «эта торговля с каждым годом приобретает более широкие размеры» [Грабовский 1870: 10].

Говоря об источниках получения финансовой прибыли, не следует забывать, что немалый доход крестьянской семье приносили отдельные кустарные промыслы, сумевшие удачно интегрироваться в капиталистический рынок. По данным И. Леонтьева, женщины и девушки у себя дома шерсть прядут, делают бурки, ткнут паласы и сукна. Семья может заработать на этих бурках, паласах и сукнах рублей до 200, считая в этой сумме и стоимость шерсти [Леонтьев 1897: 141]. Только сукна, балкарки в год выделывали до 390400 аршин, – отмечает по этому поводу Тульчинский [Тульчинский 1903: 188].

Так же регулярно поступлению денежной массы в балкарские общества должны были способствовать и другие традиционные народные промыслы – кузнечное дело, деревообрабатывающее и ювелирные ремесла. Несмотря на

проигрываемую конкуренцию с фабричными и мануфактурными товарами, изделия горских умельцев продолжали пользоваться определенным спросом даже в начале XX в. Особенно популярными в горской массе долгое время оставались изделия местных ювелиров. Своеобразным центром ювелирного производства к началу XX в. становится Урусбиевское общество. Здесь, из пяти постоянно практикующих ремесло мастеров, трое были местными жителями. Как видно из документов, в 1886 г. «производством золотых и серебряных изделий», в Урусбиевском обществе на постоянной основе, занимались мастера: Конак Гулиев, Зеке Гулиев и Хусейн Тибердиев [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Л. 133].

Рыночная интеграция подразумевает и возникновение новых предпринимательских практик. С конца 80-х гг. XIX в. в горских обществах наблюдается бурный рост мельничного дела. К 1900 г. только в Балкарском насчитывалось 72 частных мельниц, с годовым оборотом в 1800 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 110].

Ширилось отходническое движение. По данным М.Ч. Кучмезовой в Балкарском обществе 31 марта 1897 г. сельским правлением было выдано 8 разрешений местным жителям на отъезд в Кубанскую область «на заработки» [Кучмезова 1967: 62]. Сведения об интересной форме отходничества встречаются в записках Тепцова [Тепцов 1892: 211], сообщавшего, что балкарцы и кабардинцы «арендуют земли у рачинцев в истоках Риона и у сванетских князей Геловани и Гордобхадзе» в истоках Цхенис-цхали, куда «пригоняется скот, обреченный на продажу в тех видах, чтобы продать его в Имеретии подороже поздней осенью, когда переход через горы становится уже невозможным» [Тепцов 1892: 211].

Нельзя также оставить без внимания развитие товарно-рыночных отношений в горах, выразившееся в возникновении собственной стационарной сети торговых учреждений. В том же Балкарском обществе к началу 1900 г. она насчитывала 13 коммерческих заведений с торговым оборотом в 2360 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 110].

К началу XX в. отмечались случаи активного вовлечения горцев в товарно-рыночное предпринимательство.

Нет никаких сомнений, что все приведенные факты свидетельствуют о достаточно высоком проникновении рыночных отношений в экономику горских обществ, и заставляют усомниться в справедливости положений дореволюционной историографии о повальной бедности и финансовой неграмотности местного населения. Кроме того, следует отметить, что не все современники, лично знакомые с состоянием экономики в Балкарии разделяли эту точку зрения. Грабовский, например, еще в 1860-х гг. указывал, что «горец не бедствует и не мечется из стороны в сторону, изыскивая средства к существованию; такое положение могло создаться только благодаря практичности горца, умевшего с толком взяться даже и за те скудные средства, которые оказались у него под рукою». Балкарский крестьянин, отмечает автор, «копит свой запасной капитал ... всегда без затруднения вытаскивает из-за пазухи 5–10 руб., тщательно завернутые в тряпочку» [Грабовский 1870: 11–12]. Это замечание Грабовского подтверждается другими источниками и ясно указывает на произошедшие изменения в экономическом целеположении горцев в пореформенный период. Новая социально-экономическая реальность инициировала масштабный процесс определения ключевых потребностей и мотивов, завершившийся утверждением в горском менталитете концептуальной парадигмы – «модель сбережения», ставшей основой каркаса экономического целеположения балкарского хозяйства в рыночных условиях. Ее главная мотивационная составляющая заключалась в обеспечении экономического благополучия, основанного на приобретении в собственность земельного надела. Способом достижения полагался ежедневный упорный труд всех членов семьи, направленный на рост общесемейного благосостояния. Ее этика укладывалась в строгие рамки соблюдения трех основных законов – набожность, трудолюбие, бережливость.

То, что сумел разглядеть и понять Грабовский осталось незамеченным многими современниками. Напротив, большинство путешественников посещавших пределы Балкарии в пореформенный период, с удивлением отмечают незначительность влияния рыночных отношений на материальную культуру балкарского крестьянства. Отсутствие бросающихся в глаза изменений в традиционной архитектуре и убранстве домов, в одежде, пище, повседневном обиходе и проч., расценивается ими как показатель отсталости и даже «дикости». Отмечая трудолюбие балкарцев, авторы путевых заметок не видят результатов их деятельности воплощенных в предметах роскоши, потому дороговизну местных продуктов и услуг, склонны объяснять слабым оборотом наличности: «случается, что за какую ни будь безделицу они запрашивают тройную цену» [Нарышкин 1872: 334]. По свидетельству Тепцова, предприимчивые сваны, по осени, выменивают у чегемцев за шапку груш ягненка [Тепцов 1892: 211].

Несмотря на столь негативные оценки отдельных авторов, совокупный анализ имеющихся документов и материалов убеждает нас в обратном. Для понимания общей картины, крайне важно изучение основных источников поступления финансовых средств в экономику балкарского крестьянства, а также направления их применения.

В целом, источники поступления наличности в горские общества достаточно подробно освещены в имеющейся по данному вопросу литературе. Основным источником поступления наличности в горские общества в пореформенный период, как известно, являлась торговля скотом. Нет никаких сомнений, что большая часть прибыли от этой торговли оседала в руках крупных землевладельцев, в большинстве своем, из числа местной аристократии. Ограниченность пастбищных ресурсов в значительной мере усугубляла эту ситуацию. Вместе с тем, продажа скота, являлась основной статьёй дохода и крестьянских хозяйств Балкарии.

Второй по значимости оставалась торговля животноводческой продукцией (шерсть, шкуры, молочные изделия). Своеобразие этой коммерции заключалось в сохранявшемся вплоть до начала XX в. ее меновом характере. Как и изделия кустарных промыслов (шерстяные ковры, бурки, сукна и проч.), эта продукция служила своеобразным обменным фондом, на который приобретались товары повседневного спроса. Овечья шерсть, сукно, готовые изделия в виде паласов и бурок выступали своеобразным эквивалентом денежной единицы, которые охотно принимались даже лавочниками в стационарных торговых заведениях. «Женщины и девушки у себя дома шерсть прядут, делают бурки, ткут паласы и сукна. Продукты труда продаются местным евреям, которых здесь четыре семейства, сванетам и имеретинам. Семья может заработать на этих бурках, паласах и сукнах рублей до 200, считая в этой сумме и стоимость шерсти» – замечает Леонтьев [Леонтьев 1897: 141].

Естественно, что в сохранении такого порядка, прежде всего, были заинтересованы торговцы, так как он предусматривал серьезный дисконт за сырье и полуфабрикаты при обмене. «Вся эта масса сукна сбывается за бесценок и, собственно говоря, в руки горской женщины не перепадает и гроша, потому что тут не продажа, а простая мена товара на товар» – подчеркивает Тульчинский [Тульчинский 1903: 188–189]. Основным выгод получателем от такой «торговли» становились горские евреи, «зимой и летом» раскидывавшие свои «сети-лавочки» в горских селениях, обменивали шелка, нитки, спички и мелкий «красный товар» на овчины, туры шкуры и рога, кожи от скота и лошадей, шерсть, полсти и т.п., получая при этом барыш «более чем в 200%» [Тульчинский 1903: 190].

Таким образом, несмотря на достаточно внушительные объёмы товарной продукции, балкарская семья ощущала постоянный дефицит наличных средств. Это обстоятельство вынуждало горцев искать новые источники пополнения семейного бюджета.

К началу XX в. дефицит наличности вынуждает балкарского крестьянина все чаще прибегать к услугам разного рода ростовщиков и заимодавцев.

В 1897 г. некий Осман Шахмурзаев, житель Чегемского общества, подал прошение начальнику Нальчикского округа с просьбой о возвращении ему незаконно изъятого скота. Это имущество было изъято у него, по распоряжению слободского старшины (Нальчика), для погашения задолженности по ростовщическому кредиту купца Василия Зипалова [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 411. Л. 66–66 об.]. Не менее показательный случай произошел с жителем Безенгиевского общества Чутюем Боттовым (Биттуевым – Т.Д.). Заняв у Акмана Кучменова 7 рублей, означенный «Боттов» тут же, видимо чтобы отблагодарить кредитора, купил ему барана за 2 рубля и как он сам считал, остался должен 5 рублей, с которых ежегодно аккуратно выплачивал 3 рубля. Всего за 6 лет крестьянин выплатил 18 рублей, потому не мало удивился, узнав, что жадный кредитор не оценил его жест с подарком и исчислял сумму кредита в 7 рублей, потому требовал с него дополнительно еще 10 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 499. Л. 111–111 об.].

Другим распространенным явлением в пореформенный период становится монетизация традиционных институтов, таких, как например, обычай гостеприимства. Особенно этому способствовал увеличивающийся в горские общества наплыв туристов. Иностранцы и русские путешественники в пореформенный период становились частыми гостями ущелий балкарцев. Туристов манили красоты первозданной природы, возможность покорить вершины Эльбруса. Иностранцы охотно оплачивали ночлег в селениях горцев, услуги местных проводников, аренду лошадей и проч. Русский турист был более «капризен», не считаясь с нуждами полевых работ, требовал непременно «лучших» лошадей, проводников. Возмущение вызывает хозяин коша, который «очень и очень любезно принял нас всех, а за молоко и сыр запросил невероятно дорого. «Не думайте, что мне все это даром достается: я тружусь, работаю. Угощать не намерен!». Он потребовал даже деньги вперед за молоко, боясь, что мы его обманем. Потребовал плату и за ночлег в его коше» [Тепцов 1892: 129]. В другом балкарском ауле «каждый принес что-либо для продажи: сыр, яйца, петухи, полено дров, охапку ветвей... За все запрашивали бессовестно много, а конкуренция не только не сбавляла цены, напротив — каждый продавец старался запросить больше другого, видимо потешаясь нашим невыгодным положением» [Тепцов 1892: 184]. Леонтьев сообщает своим читателям: «Нужно заметить, что мы не так бросали деньгами, как это делают иностранцы путешественники: французы и англичане, которые своей излишней щедростью несколько избаловали урусбиевцев» [Леонтьев 1897: 155].

Дефицит свободной наличности усугублялся как запланированным обязательным ее расходом, например, выкупные платежи, государственные подати и повинности, оплата арендуемых земель, так и ситуативными тратами – сопровождение ритуальных мероприятий, общественные сборы.

Наиболее обременительными в первые годы пореформенного периода оставались выкупные платежи и государственные подати. Тем не менее, балкарский крестьянин прилагал огромные усилия для погашения именно этой задолженности, стоявшей на пути его экономической независимости и материального благополучия. Изучавший проблему изнутри Грабовский отмечал: «По заверению горских владельцев, бывшие холопы их, которым рассрочена выкупная плата, вносят ее, за редкими лишь исключениями, чрезвычайно аккуратно. Говорят даже, что они, не довольствуясь внесением в срок известной части выкупа, вносят плату при каждом случае, т.е., как только сумеют скопить некоторую сумму; словом горские холопы не щадят труда и изо всех сил бьются лишь-бы только скорее освободиться» [Грабовский 1870: 27]. Вполне объяснимое стремление предполагало концентрацию усилий всех членов семьи в достижении намеченной цели – погашения текущих долгов и покупка собственного земельного надела. Вместе с тем, серьезным

препятствием на этом пути оставались государственные подати и разнообразные повинности, обременявшие сверх всякой меры и без того скудный бюджет хозяйства горцев. Подати распределяются сельским сходом, причем принимается в расчет число взрослых мужчин в семье и состоятельность последней. Молодые люди до 25 лет и старики, к труду неспособные, в расчет не входят. Тепцов отмечает [Тепцов 1892: 134], что далеко не в самом бедном в Урусбиевском ауле «податей казенных сходит от 1 до 5 руб. на двор, земских сборов – 1 р. – 1 р. 50 к. В других аулах почти то же самое». Схожая ситуация наблюдалась и в других населенных областях Балкарии.

Большие средства расходовались на общественные нужды. Значительные суммы уходили на содержание местной администрации, оплату услуг юристов в многочисленных поземельных тяжбах, строительства колесных дорог, мечетей. Чегемцы, по сведениям Тепцова, «делают богатые пожертвования в Константинополь на магометанские духовные училища». На средства общества в ауле была выстроена «очень красивая деревянная мечеть с железною крышею, резными балконами, круглым минаретом и куполом над ним». Вблизи мечети над речкой Джилки-су, тоже на средства общества, «выстроены аульные ватер-клозеты. В них правоверные делают свои омовения из ручья, проведенного нарочно из Джилки-су» [Тепцов 1892: 165].

Не меньшую проблему для скотоводов Балкарии представляла аренда земли. Пахотные земли и сенокосы арендовались у князей исполу. За аренду пастбищ платили со 100 баранов одного. При расчетах платы с крупного рогатого скота два барана считаются за одну штуку рогатого скота [Тепцов 1892: 133–134].

Крайне затратными являлись и расходы на сопровождение ритуальных мероприятий. Учитывая все еще сохранявшийся патриархальный строй балкарского общества, подразумевавший неперемное участие всех родственников и соседей в значимых ритуальных событиях, их организация и финансирование предусматривали значительные расходы, ложившиеся тяжким бременем на семейный бюджет. По словам источника, девушки начинали собирать себе приданное чуть ли не с самого дня рождения. Родственники одаривали младенца деньгами, скотом. «Дарят потом в разных случаях: в праздники, в случае выгодной продажи, при хорошем урожае и приплоде скота и т.п. Из подарков этих составляется необходимый инвентарь будущей хозяйки: медные кувшины, миски, тазы, котлы, сковороды и т.п.» [Тепцов 1892: 169].

Рано начинал готовиться к свадьбе и жених. Уже в возрасте 15–16 лет он вынужден был подумать о женитьбе и начать готовиться к ней. «Ему, во-первых, нужно запастись костюмом, оружием; если он думает выделиться из семьи, то необходимо построить новую саклю и завести новое хозяйство; главное же, ему необходимо запастись деньгами для пиршества, калымом и подарками для родных невесты. На все это нужны годы терпения и труда, особенно же для бедняка» [Тепцов 1892: 169].

Калым – брачная плата за невесту, вносившаяся деньгами, скотом, лошадьми, вещами домашнего обихода и землей. «В Хуламе, Безенги и Чегеме таубии вносят калым до 1500 р., пару быков, две лошади, а по совершении накяха еще одну хорошую лошадь... Каракиши выплачивают от 600 до 800 р. и тоже пару быков и лошадь; простой народ не свыше 200 р. и также скотом. В Балкарии и на Баксане калым почти вдвое больше» [Тульчинский 1903: 209]. Примерно такие же сведения приводит И. Леонтьев. Калым за невесту из «простого сословия» платят в 300 руб., из «высшего класса» – от 500 до 800 руб., а за невесту из «привилегированного класса» таубиев платят 1500 руб. [Леонтьев 1897: 134].

«Так как в горах деньги очень дороги и почти их нет, а в особенности было мало в прежнее время, то калым большею частью заключается в 1/3 деньгами и 2/3 скотом по оценке на деньги», – заключает Тульчинский [Тульчинский 1903: 209].

Подводя итоги, отметим, что развитие капиталистических отношений поставило перед населением балкарских обществ ряд объективных экономических задач, от верного решения которых зависело их дальнейшее выживание. Особенно остро стояли вопросы финансовой грамотности населения и проблема насыщения экономики необходимой денежной массой. Отмечаемый многочисленными источниками слабый оборот наличности в повседневной жизни балкарского крестьянства, являлся не показателем отсталости горского населения, а закономерным следствием субъективных экономических факторов. Изменения традиционного хозяйственного уклада, интеграция народного хозяйства в рыночные реалии, пошатнули вековые устои патриархальной общины, обусловили заметные сдвиги в экономических представлениях горцев. Ограниченность земельных ресурсов, тяжелые природно-климатические условия побудили горское крестьянство мобилизовать силы для достижения материального благополучия. Необходимой мотивацией, в данном случае, выступала задача приобретения и расширения земельного надела – основного орудия производства в скотоводческом регионе. Важным условием реализации намеченных целей становилась безоговорочное следование выработанному императиву – трудолюбие, бережливость, набожность, – утвердившемуся в менталитете горца. Действие этого механизма, а также отсутствие заметных изменений в материальной культуре балкарцев, долгие годы воспринималось заезжими путешественниками и туристами за «дикость» и даже «отсталость» в экономических вопросах. Тем не менее, именно следование новым экономическим ориентирам позволило балкарскому населению Нальчикского округа в сжатые сроки изыскать необходимые ресурсы для наиболее оптимальной, в этих условиях, адаптации к рыночным новациям.

Список источников

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. Отд. IV. С. 1–28.

Кучмезова 1967 – *Кучмезова М.Ч.* Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // Ученые записки КБНИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967. С. 59–73.

Леонтьев 1897 – *Леонтьев И.* Поездка к Баксанскому леднику // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. II. С. 119–162.

Нарышкин 1872 – *Отчет, Г. Нарышкиных*, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью, в 1867 году // Известия императорского русского археологического общества. СПб., 1872. Т. № 7. С. 325–368.

Тепцов 1892 – *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14. Отд. I. С. 59–212.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 152–216.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

References

GRABOVSKIĬ N.F. *Ekonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimykh sosloviĭ Kabardinskogo okruga* [Economic situation of the former dependent estates of the Kabarda district]. IN: Sbornik svedeniĭ o kavkazskikh gortsakh. Vyp. 3. Tiflis, 1870. Otd. IV. P. 1–28. (In Russian)

KUCHMEZOVA M.Ch. *Proniknovenie kapitalisticheskikh otnoshenii v ekonomiku balkarskikh obshchestv v poreformennyĭ period* [The Penetration of Capitalist Relations in the Economy of Balkar Societies in the Post-Reform Period]. IN: Uchenye zapiski KBNII. Tom XXV. Nal'chik, 1967. P. 59–73. (In Russian)

LEONT'EV I. *Poezdka k Baksanskomu ledniku* [Trip to the Baksan glacier]. IN: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Tiflis, 1897. Vyp. 22. Otd. II. P. 119–162. (In Russian)

Otchet, Gg. Naryshkinykh, sovershivshikh puteshestvie na Kavkaz (Svanetiyu) s arkheologicheskoi tsel'yu, v 1867 godu [Report, G. Naryshkins, who made a trip to the Caucasus (Svaneti) for archaeological purposes, in 1867]. IN: Izvestiya imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva. SPb., 1872. T. № 7. P. 325–368. (In Russian)

TEPTSOV V. *Po istokam Kubani i Tereka* [Along the sources of the Kuban and Terek]. IN: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Tiflis, 1892. Vyp. 14. Otd. I. P. 59–212. (In Russian)

TUL'CHINSKII N.P. *Pyat' gorskikh obshchestv Kabardy* [The Five Highland Societies of Kabarda] IN: Terskiĭ sbornik. Vladikavkaz, 1903. Vyp. 5. P. 152–216. (In Russian)

Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Ancient History and Archeology.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья
УДК 94(471.6).084.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-58-66

**МЕТАМОРФОЗЫ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ
И УКРЕПЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (20-Е ГГ. XX В.) СКВОЗЬ ПРИЗМУ
РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ**

Александра Николаевна Такова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, takova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© А.Н. Такова, 2022

Аннотация. В статье рассматриваются преобразования, происходившие в религиозной сфере Кабардино-Балкарии в 20-е гг. XX в. сквозь призму реформирования судебной системы субрегиона. Рассматриваются принятые советской властью нормативно-правовые акты, касаемые положения конфессий. Делается вывод об отсутствии в них явного антирелигиозного содержания. Анализируется процесс налаживания работы народных судов и связанные с ним трудности. Рассматриваются особенности функционирования в новых политических условиях системы шариатского судопроизводства. Объясняются причины допущения в рассматриваемый период сосуществования в рамках субрегиона двух нормативно-правовых систем: народных судов и шариатских. Исследуются основные приемы и методы, применявшиеся органами власти субрегиона для постепенной ликвидации системы шариатского судопроизводства. Делается вывод о том, что закрытие шариатских судов нанесло ощутимый удар по положению религии в целом, существенно снизив степень ее влияние на социум рассматриваемого субрегиона.

Ключевые слова: религия, социум, шариатские суды, народные суды, судебная система, конфессиональная политика, реформирование, субрегион, Кабардино-Балкария, советская власть

Для цитирования: Такова А.Н. Метаморфозы в сфере государственно-конфессиональных отношений в Кабардино-Балкарии в период становления и укрепления советской власти (20-е гг. XX в.) сквозь призму реформирования судебной системы // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 58–66. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-58-66

Original article

**METAMORPHOSES IN THE SPHERE OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS
IN KABARDINO-BALKARIA DURING THE FORMATION AND STRENGTHENING
OF SOVIET POWER (THE 20TH OF THE XX CENTURY) THROUGH THE PRISM
OF REFORMING THE JUDICIAL SYSTEM**

Aleksandra N. Takova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, takova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© А.Н. Такова, 2022

Abstract. The article examines the transformations that took place in the religious sphere of Kabardino-Balkaria in the 20s of the XX century through the prism of reforming the judicial system of the subregion. The normative legal acts adopted by the Soviet government concerning the status of confessions are considered. It is concluded that there is no obvious anti-religious content in them. The process of establishing the work of the people's courts and the difficulties associated with it is analyzed. The features of the functioning of the Sharia judicial system in the new political conditions are considered. The reasons for the assumption in the period under review of the coexistence of two regulatory legal systems within the subregion: people's courts and Sharia courts are explained. The main techniques and methods used by the authorities of the subregion for the gradual elimination of the Sharia judicial system are investigated. It is concluded that the closure of the Sharia courts dealt a significant blow to the position of religion as a whole, significantly reducing the degree of its influence on the society of the sub-region under consideration.

Keywords: religion, society, Sharia courts, people's courts, judicial system, confessional policy, reformation, sub-region, Kabardino-Balkaria, Soviet power

For citation: Takova A.N. Metamorphoses in the sphere of state-confessional relations in Kabardino-Balkaria during the formation and strengthening of Soviet power (the 20s of the XX century) through the prism of judicial system reform. *Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin*. 2022; 4-2 (55): 58–66. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-58-66

20-е гг. XX в. в истории государственно-конфессиональных отношений страны в целом и, особенно, ее национальных регионов, являются, пожалуй, наиболее неоднозначным периодом. С одной стороны нормативная база, регулирующая положение конфессий в новых политических условиях, не несла явного антирелигиозного посыла, однако, с другой, проводимые молодой советской властью мероприятия опосредованно оказывали существенное, причем значительно осложняющее их положение воздействие, тем самым обнаруживая свою атеистическую сущность. В Кабардино-Балкарии, в силу целого комплекса специфических обстоятельств, изменения в положении конфессий по сравнению с прочими регионами страны шли с некоторым запозданием, хотя общая генеральная тенденция – максимальная атеизация общества присутствовала, но не в столь манифестной форме. Ход, направление и дух изменений, происходивших в религиозной сфере Кабардино-Балкарии, достаточно наглядно иллюстрируют преобразования, проводившиеся в рамках реформирования судебной системы субрегиона. Их рассмотрение составляет предмет настоящего исследования.

Некоторые аспекты рассматриваемой темы затрагиваются в работах А.А. Игнатенко, Л.А. Спектора, М.К. Теунова [Игнатенко 2010, Спектор 2007, Теунов 2008] и других авторов. Источниковой базой исследования послужили, архивные документы, как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот.

Тезис о том, что «...идеологии большевиков религиозные постулаты противоречили изначально» [Адыгская энциклопедия 2006 : 29] является, безусловно, аксиомой. Правда, первые нормативно-правовые акты советской власти, касаемые положения конфессий в новых политических условиях, по своей сути не были антирелигиозными. Известный Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г., действовавший в нашей стране до 1990 г., строго говоря, не был антирелигиозным по содержанию. Безусловно, он брал на вооружение идею светского государства, довольно популярную и вполне прогрессивную для того времени. Также он «...создавал правовые условия, формировал общественную обстановку, в которой каждый гражданин мог свободно избрать свое отношение к религии: быть верующим или атеистом» [Одинцов 1989: 33].

Стоит отметить, что в деле внедрения в стране основ светского государства большевики не были первопроходцами. Так, еще Временное правительство 14 июля 1917 г. приняло закон «О свободе совести», в котором впервые в правовое поле вводилась идея светского государства и понятие свободы религиозного

самоопределения. Таким образом, Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» стал фактически его логическим продолжением, хотя и в заметно расширенном виде, так как в нем «...отразились принципы, разработанные в ряде трудов Ленина и соответствующие «пролетарскому» пониманию свободы совести» [Игнатенко 2010: 49]. В первых советских конституциях (1918 г. и 1924 г.) ключевые положения Декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» были закреплены.

Вполне логично, что принятие данных документов вызвало отрицательную реакцию РПЦ, так как она, в соответствии с ними, утрачивала свой былой привилегированный статус. В то же время на положение других конфессий, в том числе ислама, они существенного влияния не оказали, даже, напротив, воспринимались в качестве актов справедливости, так как уравнивали религии между собой. Ввиду этого в мусульманских регионах страны первые документы советской власти в большинстве своем были приняты нейтрально, а порой даже благосклонно.

Таким образом, формальная нормативно-правовая база, непосредственно регулирующая государственно-конфессиональные отношения в период становления советской власти, не несла явного антирелигиозного посыла. На Северном Кавказе позиции религии продолжали оставаться прочными и стабильными, а проводимые общегосударственные мероприятия, так или иначе влиявшие на ее положение в новых политических условиях, в большинстве своем не распространялись на ислам или купировались личными распоряжениями высокопоставленных лиц. Типичным примером данного рода может служить известная телеграмма В.И. Ленина к Г.К. Орджоникидзе от 2 апреля 1920 г., в которой последнему предписывалось «...действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам...» [Ленин 1957: 154]. Речь в данной телеграмме шла, правда, о Дагестане, но, содержащийся в ней общий посыл, вполне возможно экстраполировать и на рассматриваемый в настоящем исследовании субрегион.

В Кабарде и Балкарии в первые годы советской власти сформировавшийся еще в период Гражданской войны своеобразный стратегический альянс большевиков и части представителей мусульманского духовенства, в целом продолжал действовать. Представители духовенства, в частности Н. Катханов, М. Энеев, З. Мидов, А. Гемуев и др., чей вклад в утверждение в субрегионе советской власти был, безусловно, значителен, вошли в состав управленческой верхушки субрегиона. На местах, в частности в формирующихся новых формальных структурах, присутствие представителей мусульманского духовенства также было велико. К примеру, по состоянию на 1922 г. «...80 % комячеек имели в своем составе мулл» [УЦДНИ АС КБР Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 1]. Нередкими были случаи, когда представители мусульманского духовенства и вовсе их возглавляли [УЦДНИ АС КБР Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 3]. Такое положение было во многом обусловлено форсированием кампании по выдвиженчеству представителей коренных этносов, реализацию которой существенно осложняла элементарная нехватка грамотных людей, способных возглавить данные, спешно создаваемые структуры. Ввиду того, что представители духовенства в большинстве своем были людьми грамотными, проблему нехватки кадров из числа представителей коренного населения, в эти годы решали путем их выдвижения на различные ответственные должности.

Тотальные преобразования первых лет советской власти, однако, касались не только религии. Они затронули все сферы общества. А ввиду того, что религия была органично вплетена во все из них, вполне логично, что опосредованно они серьезнейшим образом влияли и на ее положение, причем зачастую в отрицательном плане. Тем самым как раз и проявлялась истинная атеистическая сущность новой власти. Довольно рельефно последнее утверждение иллюстрируют преобразования, осуществлявшиеся в 20-е гг. XX в. в судебной системе субрегиона.

До пограничного 1917 г. в судебной системе Кабарды и Балкарии шариат занимал важное место. В судопроизводстве его нормы применялись довольно широко, хотя и касались далеко не всех категорий дел. По словам А.Х. Абазова «... по шариату рассматривались дела о разводе, о законности рождения, о калыме, о наследстве и ряд других» [Абазов интернет ресурс].

Первым большевистским документом, непосредственно направленным на преобразования судебной системы страны стал известный Декрет «О суде № 1» (от 22 ноября 1917 г.). Согласно этому документу было принято решение «... упразднить донныне существующие общие судебные установления» [Декрет Совет Народных Комиссаров (О суде) интернет ресурс] (ст. 1). Однако, при этом контуры новой системы в данном декрете были изложены лишь в общих чертах. В связи с этим, для осуществления практической деятельности судов на местах, согласно ст. 5 данного документа предписывалось «... руководится в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [Декрет Совет Народных Комиссаров (О суде) интернет ресурс]. В принятых позже Декрете «О суде № 2» от 7 марта 1918 г. и Декрете «О суде № 3» от 20 июля 1918 г., также содержался ряд формально трудно определяемых понятий таких как «социалистическое правосознание» и «социалистическая совесть» [Спектор 2007: 49], трактуемые априори широко, которыми, однако, предписывалось руководствоваться в практической деятельности судов на местах.

В отношении Северного Кавказа о преобразованиях в судебной системе говорилось в известном «Обращении ко всем трудящимся Терской области» от 31 января 1918 г. В нем, в частности, указывалось, что «... в пределах своих территорий каждой народности предоставляется право устраивать свои национальные суды, творящие правосудие по народным обычаям и законам» [Съезды народов Терека 1967: 51]. Также о свободном функционировании традиционных для национальных регионов страны судебных учреждений говорилось и в первых документах советской власти: Декларации прав народов России (15 ноября 1917 г.) и обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (3 декабря 1917 г.).

Таким образом, на практике судебная система на местах, в том числе в Кабарде и Балкарии, после Октябрьской революции 1917 г. вполне законно продолжала действовать фактически на прежней основе. В период Гражданской войны судопроизводство велось в основном чрезвычайными органами, в рамках которых сфера применения шариата даже несколько расширилась. В условиях хаоса, при отсутствии сильной власти, действенных правовых основ разрешения конфликтов, именно нормы шариата, нередко, оказывались тем единственным стабильным основанием, позволяющим поддерживать в регионе хоть какое-то подобие порядка. Несомненно, важную роль в этом играло и безусловное принятие шариата абсолютным большинством социума.

После окончательного утверждения в субрегионе советской власти (24 марта 1920 г.) развитие системы судопроизводства в Кабарде и Балкарии пошло по двум направлениям: 1) организации советских народных судов; 2) упорядочении деятельности фактически действовавших шариатских судов.

В деле организации народных советских судов новая власть сразу столкнулась с рядом серьезных препонов. Наибольшие затруднения вызывала нехватка квалифицированных кадров, необходимых для организации их работы. Состав судебных коллегий нарсудов в первые годы советской власти отличался крайне низким уровнем подготовки работников. Специального юридического образования не было ни у одного из судей. По этому поводу в одном из документов говорилось что «... большинство нарсудей мало подготовлены для судебной работы, а некоторые не имеют даже самых элементарных познаний» [УЦГА АС КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 74. Л. 44 об]. В целом, доля неграмотных работников нарсудов составляла порядка 60 % [Бугай 1994: 265].

Не меньшее острым был и вопрос содержания работы народных судов. В первые годы советской власти расходы по содержанию деятельности как народных, так и шариатских судов официально брало на себя государство. Однако, на практике зачастую этого не происходило. Нередко местные власти предписывали «... расходы по содержанию его (нарсуда – А.Т.) служащих и сотрудников возложить на средства сельских обществ натурою» [УЦГА АС КБР Ф. Р-100. Оп. 1 Д. 33. Л. 27]. Однако, в оценки этого момента необходимо учитывать исторический контекст. Известно, что начало 20-х гг. XX в. это время становления новой финансовой системы страны, сопровождавшейся выраженной натурализацией экономики, «экспериментов» в финансово-экономической сфере, приведших к фактической отмене денежного обращения и его замене системой натурального товарообмена.

Главным же затруднением, осложнением процесс утверждения в Кабарде и Балкарии новой советской судебной системы, стало ее психологическое неприятие большей частью социума. Система нарсудов воспринималась местным населением по сути как чужеродный элемент. Данный нюанс отмечал даже Председатель Кабардино-Балкарского облисполкома Б.Э. Калмыков, констатировавший на одном из заседаний, что «...народный суд не близок массе» [УДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1 Д. 37. Л. 41].

На другом полюсе судебной системы Кабарды и Балкарии находились шариатские суды. Их закрепление в правовом поле было реализовано в апреле 1920 г. путем создание при окружном ревкоме Шариатского отдела, курировавшего работу данного вида судов на местах. Довольно быстро оформилась и сеть шариатских судебных учреждений, включавшая сельские и окружные шариатские суды, областной шариатский суд и Совет шариатских судей. Последний осуществлял судебный надзор и одновременно являлся кассационной инстанцией. В целом, по состоянию на июль 1922 г. шариатские суды действовали в 65 селениях области [УЦГА АС КБР Ф. Р-2. Оп. 1 Д. 37. Л. 37 об].

Как отмечалось выше, работа шариатских судов, также как и народных, должна была обеспечиваться государством. Однако, как и в отношении народных судов, на практике зачастую расходы по их содержанию возлагались на жителей того или иного населенного пункта. Качество работы шарсудов, судя по данным архивных источников, было выше, чем народных. В частности, в одном из документов говорилось, что данные суды работают на высоком уровне [УЦГА АС КБР Ф. Р-3. Оп. 1 Д. 5. Л. 5].

Таким образом, на этапе становления и укрепления в субрегионе советской власти, наряду с учреждением народных советских судов, продолжали действовать и шариатские суды. То есть имело место сосуществование двух систем судопроизводства, схожее с дореволюционными реалиями. Тем самым, по мнению А.К. Теунова «...советская власть выразила готовность допустить здесь организацию судебных органов, решения в которых основывались на существовавших у коренного населения традициях, понятиях о справедливости, религиозных воззрениях» [Теунов 2008: 50].

Однако, подобное положение не могло длиться долго. Сохранение традиционных правовых институтов препятствовало складыванию общего правового пространства страны, которое в эти годы активно формировалось. Кроме того, оно затягивало процесс кодификации новой общегосударственной судебной системы. И, наконец, сохранение шариатской системы судопроизводства, в силу ее консервативности, определенным образом сдерживало реализацию масштабных социально-экономических преобразований, начавших активно проводиться в это время и в широком смысле затягивала процесс советизации субрегиона.

Поэтому, вполне логичным представляется утверждение ряда исследователей о том, что в с самого начала в политике органов власти, касаемой шариатских судов, присутствовала «...идея постепенной замены традиционных юридических

институтов, основанных на адате и шариате, на новые, базирующиеся на советском законодательстве» [Плиев 2019: 32]. То есть, легитимизация системы шариатских судов, произошедшая в апреле 1920 г., изначально воспринималась как временное допущение, необходимое для упрочения позиций молодой советской власти, которая руководствовалась на первых порах принципом «учитывания», касаемо местных особенностей.

Ввиду этого вполне ожидаемо, что по мере укрепления в субрегионе позиций советской власти, начались предприниматься и конкретные действия, направленные на постепенное вытеснение из правового поля шариатских судов. Первая попытка данного рода была предпринята уже в ноябре 1921 г. после выхода Кабарды из состава Горской АССР, когда местное руководство хотело упразднить существовавшие шариатские судебные органы. По словам М.К. Теунова «...для изучения возможностей проведения этого мероприятия в жизнь была создана специальная комиссия. Комиссия заседала более двух месяцев, однако она так и не смогла прийти к единому мнению. Поэтому проблемы сохранения или упразднения шариатских судов решались на Учредительном съезде местных Советов, проходившем с 25 по 30 ноября 1921 г. Дискуссия, развернувшаяся по этому поводу, показала преждевременность и неоправданность такого предложения, ибо многие делегаты отвергли его» [Теунов 2008: 138].

В последующие годы развитие судебной системы Кабардино-Балкарии шло в целом в фарватере общегосударственных процессов по формированию общего правового поля страны и связанного с ним создания унифицированной системы судоустройства, в рамки которых шариатские суды априори не вписывались.

Ввиду этого, вполне понятно, что власти КБАО медленно, но последовательно стали проводить политику, направленную на полную ликвидацию системы шариатского судопроизводства. Для ее достижения применялись различные методы. Одним из них стало постепенное поступательное сужение сферы применения шариата. Так, с 1923 г. были внесены значительные изменения в вопрос о подсудности тех или иных категорий дел. В соответствии с ними из ведения шарсудов изымались и передавались в народные суды дела о кровной мести, убийствах, об опеке над вдовами и сиротами, поземельные тяжбы. Кроме того, иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, передавались в народные суды [Бобровников 1999: 63].

Еще одним шагом, демонстрирующим наступление властей в шарсуды, стало официальное снятие их с государственного обеспечения. С 1922 г. «...данные суды содержались за счет средств соответствующих сельских обществ и не получали никаких субсидий от государства» [УЦГА АС КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 37. Л. 37]. При этом содержание народных судов продолжало осуществляться за государственный счет.

Также власти провели большую работу по ротации работников шарсудов. Ее целью было закрепление на должностях их председателей «удобных» для новой власти лиц. На этот аспект обратил внимание В.О. Бобровниковым, отметивший, в частности, что должности председателей шарсудов теперь «...нередко занимали лояльные к власти выходцы из беднейших слоев, абсолютно невежественные в вопросах права, что не добавляло авторитета шариатским судам и значительно затрудняло их работу» [Бобровников 2002: 227–228]. Тем самым власти добивались дискредитации шарсудов в глазах социума.

Таким образом, в 20-е гг. XX в. в Кабардино-Балкарии властями поступательно реализовывались меры, с одной стороны направленные на упрочение позиций советских судов, а, с другой, на постепенное сворачивание системы шариатского судопроизводства. Тем самым из социального пространства изымался один из важнейших элементов религиозной культуры, оказывавший на протяжении долгого времени существенное воздействие на функционирование правового пространства

рассматриваемого социума. Возможно, система шариатского судопроизводства, естественно, в крайне урезанном виде, и просуществовала бы еще некоторое время, но происходившие в общегосударственном масштабе процессы, главным из которых являлась кодификация действующих законов, форсировали процесс ее окончательной ликвидации. В Кабардино-Балкарии это произошло в январе 1925 г. [Бобровников 1999: 63]

Таким образом, в 20-е гг. XX в. в системе судопроизводства Кабардино-Балкарии имел место правовой плюрализм, при котором наряду с основами советской правовой системы сохранялись и элементы шариата. Допущение подобного плюрализма возможно расценивать как дипломатический ход, необходимый для укрепления позиций молодой советской власти в регионе, ввиду важности, придаваемой местным населением отправлению судопроизводства согласно нормам шариата. Однако, очевидно, что данный плюрализм изначально воспринимался властями как явление временное. Система шариатского судопроизводства в Кабардино-Балкарии к 1925 г. была полностью ликвидирована. Тем самым задачу унифицирования общегосударственной системы судопроизводства в области удалось выполнить. Отправление же судопроизводства по шариату было законодательно запрещено, что нашло отражение в положениях Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. В главе X кодекса применение в судебной практике норм шариата трактовалось как «присвоение судебных полномочий» и «нарушение основ советского права» и каралось исправительно-трудовыми работами на срок до одного года или штрафом до одной тысячи рублей [Уголовный Кодекс РСФСР 1926 г. интернет ресурс]. В целом же, со второй половины 20-х гг. XX в. в области начинает набирать обороты работа государственных органов, направленная на максимальное нивелирование влияния религии на социум. Данная работа шла в купе с масштабными социально-экономическими преобразованиями. В данные годы методы ее осуществления отличались максимальным, за весь советский период, нажимом. Водоразделом, знаменовавшим переход к этапу силовой атеизации кабардино-балкарского общества стали массовые крестьянские выступления второй половины 20-х – начала 30-х гг. XX в. в идеологии которых религиозная составляющая была одной из основных.

Список источников

Абазов – *Абазов А.Х.* Нальчикский горский словестный суд в конце XIX – начале XX в. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/news/2015/04/17/nalchikskij...v...XIX...> (дата обращения: 20.10.2022)

Адыгская... 2006 – Адыгская (черкесская) энциклопедия / гл. ред. М.А. Кумахов. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. 1248 с.

Бобровников 1999 – *Бобровников В.О.* Махкама шар`ийа // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедия / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная литература, 1999. 159 с.

Бобровников 2002 – *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие (очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М.: Восточная литература, 2002. 368 с.

Бугай 1994 – *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «Социалистический эксперимент» (20-е годы XX века). Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.

Декрет... *Декрет Совета Народных Комиссаров* (О суде) [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 20.10.2022).

Игнатенко 2010 – *Игнатенко А.А.* Свобода совести в истории России // Исламоведение. 2010. № 3. С. 47–59.

Ленин 1967 – *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 51. М.: Политиздат, 1967. 573 с.

Одинцов 1989 – *Одинцов М.И.* Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. 496 с.

Плиев 2019 – *Плиев А.А., Бабич И.Л.* Примирительные комиссии на Северном Кавказе: сравнительный анализ (1920-1930-е годы) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 29–39.

Спектор 2007 – *Спектор Л.А.* Становление и развитие законодательства об ответственности за преступления против правосудия в советский период // Юристы-правоведы. 2007. № 6. С. 48–52.

Съезды...1977 – Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов в 2-х тт. / сост. Х.Х. Бекузаров и др. Орджоникидзе: Ир, 1977. 352 с.

Теунов 2008 а – *Теунов М.К.* Реорганизация шариатских судов в Кабардинской АО в 1920-х годах // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 137–140.

Теунов 2008 б – *Теунов М.К.* Воссоздание шариатских судов в Кабарде и Балкарии в постоктябрьский период // Юристы-правоведы. 2008. № 6. С. 90–94.

Уголовный... – Уголовный Кодекс РСФСР 1926 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 20.10.2022)

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

References

АБАЗОВ А.Н. *Nal'chikskij gorskij slovestnyj sud v konce XIX – nachale XX v.* [Nalchik Mountain Verbal Court in the late XIX – early XX century]. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.kavkazoved.info/news/2015/04/17/nalchikskij...v...XIX...> (date of access: 20.10.2022).

Adygskaya (cherkesskaya) enciklopediya [The Adyghe (Circassian) Encyclopedia] / Ed. by M.A. Kumahov. M.: Fond im. B.H. Akbasheva, 2006. 1248 p. (In Russian)

БОБРОВНИКОВ В.О. *Mahkama shar`ija* [Mahkama shar`iya]. IN: Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii: [Islam on the territory of the former Russian Empire] / Ed. by S.M. Prozorov. M.: Vostochnaya literatura, 1999. 159 p. (In Russian)

БОБРОВНИКОВ В.О. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obyčaj, pravo, nasilie (ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana)* [Muslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence (essays on the history and ethnography of the law of Nagorny Dagestan)]. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 368 p. (In Russian)

БУГАЙ Н.Ф., МЕКУЛОВ Д.Н. *Narody i vlast': «Socialisticheskij eksperiment» (20-e gody XX veka)* [Peoples and Power: The “Socialist Experiment” (the 20s of the XX century)]. Majkop: Meoty, 1994. 424 p. (In Russian)

Dekret Sovet Narodnyh Komissarov (O sude) [Decree of the Council of People's Commissars (On the Court)]. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (date of access: 20.10.2022)

ИГНАТЕНКО А.А. *Svoboda sovesti v istorii Rossii* [Freedom of Conscience in the History of Russia]. IN: Islamovedenie [Islamic Studies]. 2010. No 3. P. 47–59 (In Russian)

ЛЕНИН В.И. *Polnoe sobranie sochinenij* [The Complete Works]. Vol. 51. M.: Politizdat, 1967. 573 p. (In Russian)

ОДИНЦОВ М.И. *Put' dlinoyu v sem' desyatiletij: ot konfrontacii k sotrudnichestvu (gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v istorii sovetskogo obshchestva)* [A seven-decade journey: from confrontation to cooperation (state-church relations in the history of Soviet society)]. IN: Na puti k svobode sovesti [On the way to freedom of conscience]. M.: Progress, 1989. 496 p. (In Russian)

ПЛИЕВ А.А., БАБИЧ И.Л. *Primiritel'nye komissii na Severnom Kavkaze: sravnitel'nyj analiz (1920–1930-e gody)* [Reconciliation Commissions in the North Caucasus: a Comparative analysis (1920–1930s)]. IN: Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik [Северо-Кавказский юридический вестник]. 2019. No 2. P. 29–39 (In Russian)

СПЕКТОР Л.А. *Stanovlenie i razvitie zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prestupleniya protiv pravosudiya v sovetskij period* [Formation and development of legislation on responsibility for crimes against justice in the Soviet period]. IN: YUrist'-pravoved [Lawyer-jurist]. 2007. No 3. 6. P. 48–52 (In Russian)

S'ezdy narodov Tereka. Sbornik dokumentov i materialov v 2-h tt. [Congresses of the Terek peoples. Collection of documents and materials in 2 tt.]. Compiled by H.H. Bekuzarov. Ordzhonikidze: Ир, 1977. 352 p. (In Russian)

TEUNOV M.K. *Reorganizaciya shariatskih sudov v Kabardinskoj AO v 1920-h godah* [Reorganization of Sharia courts in Kabardian Autonomous Region in the 1920s]. IN: *Voprosy istorii* [History issues]. 2008. No 1. P. 137–140 (In Russian)

TEUNOV M.K. *Vossozdanie shariatskih sudov v Kabarde i Balkarii v postoktyabr'skij period* [Reconstruction of Sharia courts in Kabarda and Balkaria in the post-October period]. IN: *YUrist''-pravoved* [Lawyer-jurist]. 2008. No 6. P. 90–94 (In Russian).

Ugolovnyj Kodeks RSFSR 1926 g. [The Criminal Code of the RSFSR of 1926]. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.ru.wikisource.org/wiki> (date of access: 20.10.2022).

Upravlenie centra dokumentacii noveyshey istorii arhivnoj sluzhby kabardino-balkarskoj respubliki [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic].

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic].

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 27.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 811.512.142

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-67-74

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТИЗМОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Д. ТАУМУРЗАЕВА «КИМ АЛГЪА?» (КТО РАНЬШЕ?)

Лариса Борисовна Кучмезова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© Л.Б. Кучмезова, 2022

Аннотация. Статья посвящена полиаспектному исследованию лексико-семантических, грамматических и фонетических особенностей, словарного состава цокающего диалекта, характерного произведению Далхата Таумурзаева «*Ким алгъа?*» (Кто раньше?). В ней рассматриваются, помимо отдельных линейных единиц морфологии, и фразеологически устойчивые сочетания, функционирующие в текстах народных и детских игр, в которых также проявляются значимые диалектные черты. Отмеченные материалы, являющиеся наиболее подвижной и легко усвояемой частью лексического потенциала, находящиеся в постоянном движении и непрерывном развитии, не зафиксированные в толковых и переводных словарях карачаево-балкарского языка, употребляемые только носителями ц-диалекта, анализируются в сопоставлении с материалами литературного языка. Они активно участвуют в обогащении словарного состава карачаево-балкарского языка. Текстовые примеры, как иллюстративные слова и словосочетания, выполняющие функцию морфологического разграничителя, показывают закономерности их употребления для выражения новых значений, ранее не известных. Идиомы фразеологического типа образуются в результате семантического объединения значений компонентов диалектных словосочетаний. О широком использовании диалектных слов и конструкций в карачаево-балкарском языке свидетельствуют различные типы словарей, в которых зафиксировано большое количество аналогичных образований. Особое внимание при этом обращается на их возможное правописание в орфографическом словаре литературного языка.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, диалектизмы, лексический материал, фразеологизмы, диалектные вхождения, разговорно-просторечные слова

Для цитирования: Кучмезова Л.Б. Лексико-семантические и фонетические особенности диалектизмов карачаево-балкарского языка в произведении Д. Таумурзаева «*Ким алгъа?*» (Кто раньше?) // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 67–74. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-67-74

Original article

LEXICO-SEMANTIC AND PHONETIC FEATURES OF DIALECTISMS OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE IN THE WORK OF D. TAUMURZAEV “KIM ALGĀ?” (WHO BEFORE?)

Larisa B. Kuchmezova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© L.B. Kuchmezova, 2022

Abstract. The article is devoted to a polyaspect study of lexical-semantic, grammatical and phonetic features, the vocabulary of the tskhoki dialect, characteristic of the work by Dalhat Taumurzaev “Kim alg’a?” (Who Before?). In addition to individual linear units of morphology, it also considers phraseological stable combinations functioning in the texts of folk and children’s games, in which significant dialectal features are also manifested. The mentioned materials, which are the most mobile and easily assimilated part of the lexical potential that are in constant motion and continuous development, not recorded in the explanatory and translation dictionaries of the Karachay-Balkar language, used only by the speakers of the Ts-dialect, are analyzed in comparison with the materials of the literary language. They are actively involved in enriching the vocabulary of the Karachay-Balkar language. Textual examples, as illustrative words and word combinations, serving as a morphological delimiter, show the patterns of their use to express new meanings, not previously known. Idioms of phraseological type are formed as a result of semantic unification of the meanings of the components of dialectal word combinations. The wide use of dialectal words and constructions in the Karachay-Balkar language is evidenced by the various types of dictionaries, which record a large number of similar formations. Special attention is paid to their possible spelling in the orthographic dictionary of the literary language.

Keywords: Karachay-Balkar language, dialectisms, lexical material, phraseological units, dialect occurrences, colloquial words

For citation: Kuchmezova L.B. Lexico-semantic and phonetic features of dialectisms of the Karachay-Balkar language in the work of D. Taumurzaev “Kim alg’a?” (Who before?). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 67–74. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-67-74

Язык представляет собой статистическую, развивающуюся величину, тесно связанную с окружающей действительностью. В зависимости от развития общества и его культуры более подвижной и легко усвояемой частью лексического потенциала языка является диалектная лексика, отображающая историю многих поколений, культуру и быт его носителей в их местных проявлениях. Она как сфера языка, находящаяся в постоянном движении и непрерывном развитии, требует к себе внимательного отношения со стороны исследователей. Изучение грамматических и лексических особенностей лексического состава цокающего диалекта карачаево-балкарского языка в художественных произведениях постоянно остается одной из актуальных задач, т.к. диалектные черты в ней очень значимы. В частности, анализ языка художественных произведений способствует выявлению и уточнению путей развития современного нормативного языка и одновременно укрепляет взаимосвязи между характерными диалектными признаками и литературным языком.

Лексическая система диалектов карачаево-балкарского языка в целом не является абсолютно стабильной и постоянной, она зависит от множества экстралингвистических факторов; соответственно можно констатировать тот факт, что лексическая стабильность носит относительный характер. Лексикон современного карачаево-балкарского языка, отображающий разнообразные общественно-политические изменения в стране и обществе, в настоящее время характеризуется тем, что язык носителей цокающего диалекта становится все более близким к литературному языку. Наиболее актуальным из них является то, что «между малкарским говором цокающего диалекта и другими говорами имеются определенные различия, изучению которых не уделено должного внимания» [Кучмезова 2021b: 110].

Для полноты рассматриваемой картины следует отметить и то, что карачаево-балкарский язык включает в себя два диалекта: базовый, легший в основу литературного языка как целого с карачаевским вариантом карачаево-балкарского языка и баксано-чегемским говором, составившими ядро двух вариантов нормативного языка. Цокающий диалект и переходный хуламо-безенгийский говор, характеризуются совмещением признаков основного и ц-диалектов [Кучмезова 2020: 22].

Познание с определенной степенью обязательности включает в себя литературное и диалектное разделение. Данная оппозиция, несмотря на свой традиционный характер, актуальна и в наше время, когда вопросы сохранения национальных особенностей имеют важное и непреходящее значение. С точки зрения этой позиции интересно обратить внимание на процесс архаизации, протекающий в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах. Как перспектива научных исследований данный аспект языкового развития отмечается лингвистами в целом ряде научных работ: Гузеев Ж.М. [1974: 62–66; 1975: 131–133; 1994: 6], Отаров И.М. [2002: 20 – 33], Улаков М.З. [1994: 22], Улаков М.З., Махиева Л.Х. [2019: 120], Мусуков [2021: 145–153], Махиева Л.Х. [2009: 307–309], Кучмезов Л.Б. [2020: 148; 2021a: 102–111; 2021b: 109–117] и др. Указанная задача сравнительного изучения диалектизмов дает возможность установить наиболее отличительные признаки в сопоставлении с литературным языком.

Лексический материал цокающего диалекта активно участвует в обогащении словарного состава карачаево-балкарского языка. В разное историческое время отмеченная категория слов по-разному использовалась в становлении лексических норм. Они проникают в литературный язык естественным путем, хотя с другой стороны остаются и другие слова, не имеющие возможности функционирования в силу определенных причин. Безусловно, диалектизмы входят в словарный состав в результате использования писателями различных слов, изображающих и описывающих жизнь и быт родного народа. Диалектный язык малкарского говора карачаево-балкарского языка, исключительно богатый, и охватывающий все пласты лексики, современными авторами активно применяется при изображении персонажей, при передаче их ярких речевых характеристик, при описании пейзажа, создавая насыщенные образы, раскрывая своеобразие и богатство местного колорита.

В последнее время отмечается научный интерес к диалектному богатству языка. Так, исследователь Б.А. Мусуков обращает внимание на то, «что образованию диалектов предшествовало изучение лингвистической географии, значительного числа фонетических и морфологических особенностей, явлений, оставались неизвестными закономерности функционирования и развития языковых явлений, связанные в большинстве случаев с их происхождением в ходе развития балкарского языка» [Мусуков 2021: 146].

Вхождение диалектизмов в литературный язык – явление неизбежное, т.к. использование лексем малкарского диалекта в литературном языке способствует обогащению кодифицированной части лексики, а также сближает два диалекта – ч-диалект и ц-диалект, формируя их общий лексический фонд: *улистин* «настил», *къубаллек* «бабочка», *миндеу* «частица, отрезок», *цаллиу* «подножка», *фулму* «мучная пыль», *цымпы* «горсть; пригоршня», *цёфюре* «отжимки при изготовлении бузы», *цыкарон* «подснежник», и др. [Кучмезова 2021a: 102]. Диалектные вхождения являются новыми только по отношению к кодифицированной части словаря, куда они включаются из того же языка в готовом виде – в данном случае, из местных говоров. Самым активным способом проникновения диалектизмов в современный язык карачаевцев и балкарцев, пополняющих литературную речь, является переход слов диалектного характера, типа: *чачыуа* (*баиш*) / *чачакъ баиш* / *цацай* (*баиш*) «кучерявый (-ая)», *гюлте* / *култе* «сноп», *къаура* / *къарыуа* «стебель

растения», *окъуна / окъунца* «даже, хоть», *гымма / уу жилин* «гадюка», *жийиргенчи / зиргенц* «брезгливый», *жанымы къыйыры / занымы къырыы* «душа моя; частица души моей» и др.

Следует отметить, что для развития современного литературного языка диалектное влияние имеет существенное значение. Наблюдаются случаи перехода диалектных слов в литературный язык: например: *бусагъатда* (лит.) / *шёндо* (диал.) «сейчас», *котур* (лит.) / *юлкю* (диал.) «куст», *жукъ, зат* (лит.) / *абери* (диал.) «что-либо» и др. «Обогащение может происходить также за счет слов, образовавшихся в самих диалектах и говорах» [Кучмезова 2021b: 110]. Несомненно, что литературный язык, подчиняя себе диалекты, тем самым приводит их к нивелированию в языке. По мнению Б.А. Мусукова, они имеют «наиболее существенное значение, так как особенности одних диалектов перекрещиваются с особенностями других диалектов и литературного языка как результат этнического смешения носителей ч-диалекта с носителями ц-диалекта» [Мусуков 2021: 150].

Карачаевцы и балкарцы на современном этапе развития сумели в пределах возможного бережно сохранить духовно-нравственное наследие предков. Доказательством тому служат материалы текстов нартского эпоса, историко-героических песен, сказок, сказаний, легенд, мифов. Мы разделяем точку зрения М.З. Улакова относительно того, что «основная часть лексико-фонетических и лексико-семантических диалектизмов находятся вне литературного языка. При этом отдельные из них способны проникать в общелитературный язык через художественную литературу и закрепиться там» [Улаков 1994: 34].

В статье исследуется лексика ц-диалекта на основе анализа произведения Далхата Таумурзаева «*Ким алгъа?*» (Кто раньше?). В ней обращается внимание на некоторые фонетические особенности диалектизмов: *хайнух / хойнук / хайнук* «юла, волчок», *айтыш / алгыш* «благопожелания», *къандеш / къандез* и *айдеш / айдес* «дужка, грудная кость (у птиц); игра, где двое ломают дужку, проигрывает тот, кто забыл сказать “помню” и взял поданное блюдо», *баууш / багуш* «мусорная яма»; *тиезеги / тиежеги* «то, что положено», *таугъа чыгъыу / ёрлеу / ёрлешиу* «восхождение в гору», *садакъ атыу / музра атыу / марау / илишан атыу уруу* «состязания бросания пик, стрел и стрельба в мишень», *гепсоркъа / каспорка* «акробат», *бехтир / бектур* «игра типа чехарды», *тырхыкла / тыркыкла* «завалинка (вдоль стены снаружи дома, где могли сидеть, ставить ведра, котлы)», *къыллыуца / къыллюуца* «качели», *учхурукъчукъ / учхурукъ / учхун* «искра», *изгилдик / изгилтин / искилтин* «пугливый; одичалый» [Таумурзаев 1978: 10–27] и т.п.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что язык диалектизмов, выражающий самые различные понятия, носит архаический характер. Например, в карачаево-балкарском языке встречается слово *изгилдик* «пугливый; одичалый», отсутствующее в литературном языке и функционирующее только в цокающем диалекте. Его можно найти и в карачаевском варианте языка, точно так же, как и общетюркское *итбурун* «шиповник». В карачаево-балкарском языке очень много подобных слов, которые параллельно употребляются и в цокающем диалекте, и в карачаевском варианте, что является свидетельством того, что эти лексемы имеют общетюркские корни, встречаясь во всех тюркских языках с древнейших времен.

Гузев Ж.М. в своем исследовании подчеркивает важность изучения именно «фонетики диалектов карачаево-балкарского языка, которые не были описаны в литературе или же в их описании были допущены неточности. К существенным особенностям фонетики малкарского диалекта относится цокание и зокание, то есть употребление /ц/ и /з/ на месте литературных /ч/ и /ж/» [Гузев 1974: 63]. «При рассмотрении фонетических особенностей малкарского диалекта особого внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос о явлении сингармонизма» [Гузев 1975: 131].

Рассмотрим следующие характерные грамматические и лексические особенности диалектизмов: *къайын / мырзы / шаумырзы / къарамырзы / акъмырзы*

«береза», *жыгыра* / *хуржели* «дикий укроп», *кѳуудукъ* / *топдукъ* «трутник», *кѳапчыкъ* / *тудукъ* / *гыбыт* (суу) «мешок из шкуры; бурдюк», *согъуш* / *кюреш* «борьба», *хутмучу* / *мыртазакъ* / *эл тамата* «судья, правоохранитель, глава», *кѳодана кѳайиш* / *кѳодана халы* «веревка из конопли; суровая нитка из конопли», *илистин* / *мулжар* «настил из сена или соломы», *мерке* (*нартюх*) «единица измерения веса зерна, равная 24 кг (кукурузы)», *мюшхери* «азалия», *шыкъели* «дерево плодоносное», *тепшек* / *тепсек* «тарелка, поднос», *жары* (*кѳумач*) / *кѳыйымды* «лоскуток (ткани)», *иллеу* / *илляу* «детская игрушка», *хырык* «перекладина в сакле; опора», *мыры* «лужайка, поляна (обычно в лесу)», *кѳарзауат* «зимний поход по снегу», *бацфадын* / *той* / *оюн* «свадьба, игрища, состязания», *шанкурт* / *агъач буштукъ* «пробка, вставляемая в отверстие», *кѳыйылыкъ* / *сыгынлыкъ* «пласт кизяка», *гюрен* / *кѳулф* «углубление в земле; круг, ограниченная окружность» [Таумурзаев 1978: 29–53]. Так, слово «кѳулф» в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка употребляется в двух значениях:

- 1) «углубление в земле, для посадки семян»; [КѳМТАС II 2002: 696];
- 2) «круг», «окружность», очерчиваемый перед началом детской игры «*Ашыкъ оюн*» («Игра в альчики») на материале произведения балкарского писателя и собирателя фольклорного материала Далхата Таумурзаева «Ким алгъа?» (Кто раньше?). Второе значение данного слова в толковом словаре не отмечено. Его синонимом в литературном языке является слово: *гюрен* «круг, предмет округлой, овальной формы; круглая площадка (напр. для скачек, танцев) или очерченный круг; сомкнутая цепочка (людей)» [КѳМТАС I 1996: 643].

Встречаются и устойчивые выражения фразеологического типа: *урдухла бегитип* «загораживать скрученными прутьями», *озгъурлу белгили* «знаменитый, известный», *тукюрюючю таш* «место поклонения», *жингирикде тохта* «остановись на повороте, изгибе, колене дороги», *дормухул атыу* «метание камня», *шыйыртхышча* «как метательное оружие», *шыбырт этмей* «не производя шума», *юйюрген ашыкъны* «брошенного альчика», *цѳрмалышхан баула* «перевитые; перепутавшиеся», *ыстым кече* «седьмая ночь после рождения ребенка», *кѳар тыпхыт* «снежный наст», *бастырыкъ* «жердь для прижимания сена, соломы и снопов на возу», *хомпарала* «вид пистолета», *эртделе таулу кишиле* «древние горские мужчины», *талиштак туккюч* «сорванное селю и выброшенное на берег дерево», *сыйлы, сыйкъан этип турургъа* «считать очень ценным, почетным, уважаемым, дорогим», *суу зукълагъаллай* «в момент, как вода стихла», *кѳауурсун ишлейдиле* «шомпол (мастерят); дать сильно высохнуть, пересохнуть (о сене)», *юфкюргенден сора* «после задувания (чего-либо)», *сертилип (бир жанына)* «податься (в сторону)», *чюйке оюн / кѳаззреу оюн* «игра в чижики» [Таумурзаев 1978: 57–74] и пр.

Диалектизм «кѳаззреу» употребляется только носителями цокающего диалекта, в других говорах карачаево-балкарского языка не встречается. И тем не менее, составителями «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» данное слово передается в несколько видоизмененной форме, отличной от настоящего (употребительного) варианта: *кѳаздыреу* с пометой *ц. диал.* [КѳМТАС II 2002: 474], тогда как эта форма носителями ц-диалекта не употребляется. Слово *кѳаззреу* употребляется и в образовании идиом фразеологического типа, устойчивых сочетаний собственно фразеологического типа. Имеет место в образовании паремиологических единиц, например, *анга уа тыякъ бла кѳаззиреу* «а ему ничего (не достанется)».

Можно привести и другие фразеологические иллюстрации: *ишни кѳагъып алыргъа* «завершить работу не растягивая; здесь очень быстро»; *нени да кюйлей, кюйзей айлан* «думать обо всем, обдумывать все действия», *мырыдан жангыз терек* «как одиноковое дерево на поляне», *тар тыгъырыкъ* «узкая трущоба; тесный закоулок», *сыр сагъышла* «тайные раздумья»; пословицы: *Сабийле кѳыллыуца бла айгъа уцабыз дегеллей* «Подобно тому, как дети собирались долететь до луны на качелях», *Таулу ёлсе да, таугъа айланьп жатар* «Горец даже умрет, в сторону гор

ляжет»; *Тау ташы – халал ашы* «Горные камни – чистая / добрая / честно заработанная еда»; *Тауду тауда – акъылы уа бауда* «Горец в горах – а мысли в базу»; поговорки: *тюкюрюк ташха жутулгъунчу неда бузлагъынчы* «до тех пор, пока плевок не высохнет или не замерзнет на камне»; *айтыш-алгъыш кибик* «как благопожелание», *эсингден алсын – эсима салсын* «пусть у тебя из памяти заберет – а мне напомним»; загадки: *бир юйде беш эр киши, алты да тиширью, билигиз аны?* «В одном доме пять мужчин, шесть женщин. Что это, угадайте?» [Таумурзаев 1978: 27–71] и др.

Особое внимание следует обратить на правописание диалектизмов, как ценнейшего и незаменимого материала в изучении истории языка, при составлении орфографических, толковых и переводных словарей. В данной работе сохраняется правописание автора произведения, передающее весь колорит и богатство диалектизмов. Также нужно отметить и то, что эти лексические единицы употребляются и в переходном хуламо-безенгийском говоре, характеризующемся совмещением признаков основного и ц-диалектов.

Таким образом, традиционная основа жизнедеятельности, унаследованная от предков и в значительной степени сохранившая свое воздействие на нынешнее мировосприятие балкарцев и карачаевцев, во многом определяет стереотипы сознания и поведения, в том числе речевого поведения и языкового вкуса. В этом отношении именно лексика цокающего диалекта собирает в себе наиболее древние языковые формы. Нужно отметить и тот факт, что интенсивное влияние ц-диалекта на современный карачаево-балкарский язык объясняется и причинами экстралингвистического характера. Лексика ц-диалекта, взаимодействуя внутри исследуемого языка, усиливает степень воздействия на его языковую систему. Таким образом, как показывает материал исследования, главной отличительной особенностью современного карачаево-балкарского языка, как и любого другого литературного языка, является функция объединительная, т.е. интеграция диалектов и говоров.

Список источников

Гузев 1974 – *Гузев Ж.М.* О фонетических особенностях малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. 1974. № 5. С. 62–66.

Гузев 1975 – *Гузев Ж.М.* Об одной особенности сингармонизма в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка // Ученые записки КБНИИ. Т. 27. Серия филологическая. Нальчик, 1975. С. 131–133.

Гузев 1994 – *Гузев Ж.М.* Лексические особенности цокающего диалекта карачаево-балкарского языка // Вопросы истории и диалектологии карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 6.

Кучмезова 2020 – *Кучмезова Л.Б.* Проблемы развития карачаево-балкарского языка и его диалектов. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 148 с.

Кучмезова 2021а – *Кучмезова Л.Б.* Диалектизмы в произведениях Ибрагима Гадиева // Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка. К 70-летию Махти Зейтуновича Улакова. Сборник научных статей. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. С. 102–111.

Кучмезова 2021б – *Кучмезова Л.Б.* Диалектная лексика как средство обогащения словарного состава литературного карачаево-балкарского языка // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 5 (103). С. 109–117. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-109-117

Махиева 2009 – *Махиева Л.Х.* Отражение диалектической лексики в художественной литературе карачаево-балкарского языка / Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия // Материалы международной научно-практической конференции к 85-летию Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2009. Махачкала, 2009. С. 307–309.

Мусуков 2021 – Мусуков Б.А. Взаимодействие диалектов карачаево-балкарского языка с литературным языком // Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка. К 70-летию Махти Зейтуновича Улакова. Сборник научных статей. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. С. 145–153.

Отаров 2002 – Отаров И.М. Сфера употребления карачаево-балкарской лексики // Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 20–33.

Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с.

Улаков, Махиева 2019 – Улаков М.З., Махиева Л.Х. Проблемы терминологии карачаево-балкарского языка. Нальчик, 2019. 120 с.

Таумурзаев 1978 – Таумурзаев Д.М. «Ким алгъа?» (Кто раньше?). Нальчик: Эльбрус, 1978. 80 с.

КЪМТАС I 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 с.

КЪМТАС II 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1171 с.

References

GUZEEV ZH.M. O foneticheskih oboennoctyah malkarckogo dialekta karachaevo-balkarckogo yazyka [On phonetic features of the Malkar dialect of the Karachay-Balkar language]. IN: Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology.]. 1974. No. 5. P. 62–66. (In Russian)

GUZEEV ZH.M. Ob odnoj oboennocti cingarmonizma v cokayushchem dialekte karachaevo-balkarckogo yazyka [About one feature of synharmonism in the clinking dialect of the Karachay-Balkar language]. IN: Uchenye zapiski KBNII. T. 27. Ceriya filologichesckaya [Scientific notes of the KBNII. Vol. 27. Philological series]. Nal'chik, 1975. P. 131–133. (In Russian)

GUZEEV ZH.M. Leksicheskie oboennocti cokayushchego dialekta karachaevo-balkarckogo yazyka [Lexical features of the clinking dialect of the Karachay-Balkar language]. IN: Voprosy istorii i dialektologii karachaevo-balkarckogo yazyka [Questions of the history and dialectology of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik: El'bruc, 1994. P. 6. (In Russian)

KUCHMEZOVA L.B. Problemy razvitiya karachaevo-balkarckogo yazyka i ego dialektov [Problems of development of the Karachay-Balkar language and its dialects]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'ckij otdel IGI KBNC RAN, 2020. 148 p. (In Russian)

KUCHMEZOVA L.B. Dialektizmy v proizvedeniyah Ibragima Gadieva [Dialectisms in the works of Ibrahim Gadiyev]. IN: Tendencii razvitiya lekciki i grammatiki karachaevo-balkarckogo yazyka. K 70-letiyu Mahti Zejtunovicha Ulakova. Cbornik nauchnyh ctatej [Trends in the development of vocabulary and grammar of the Karachay-Balkar language. On the 70th anniversary of Mahti Zeitunovich Ulakov. Collection of scientific articles]. Nal'chik: Izdatel'ckaya tipografiya «Print Centr», 2021. P. 102–111. (In Russian)

KUCHMEZOVA L.B. Dialektnaya lekcika kak credctvo obogashcheniya clovarnogo coctava literaturnogo karachaevo-balkarckogo yazyka [Dialect vocabulary as a means of enriching the vocabulary of the literary Karachay-Balkar language]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021. № 5 (103). P. 109–117. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-109-117. (In Russian)

MAHIEVAL.H. Otrazhenie dialekticheskoj lekciki v hudozhectvennoj literature karachaevo-balkarckogo yazyka [Reflection of dialectical vocabulary in the fiction of the Karachay-Balkar language]. IN: «Teoreticheskie i metodicheskie problemy nacional'no-ruccckogo dvuyazychiya». Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii k 85-letiyu Inctituta yazyka, literatury i ickucctva im. G. Cadacy DNC RAN [Theoretical and methodological problems of national-Russian bilingualism. Materials of the international scientific and practical conference on the 85th anniversary of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasy DNC RAS]. 2009. Mahachkala. P. 307–309. (In Russian)

MUCUKOV B.A. Vzamodejctvie dialektov karachaevo-balkarckogo yazyka c literaturnym yazykom [Interaction of dialects of the Karachay-Balkar language with the literary language]. IN: Tendencii razvitiya lekciki i grammatiki karachaevo-balkarckogo yazyka. K 70-letiyu Mahti

Zeitunovicha Ulakova. Сbornik nauchnyh ctatej [Trends in the development of vocabulary and grammar of the Karachay-Balkar language. On the 70th anniversary of Mahti Zeitunovich Ulakov. Collection of scientific articles]. Nal'chik: Izdatel'ckaya tipografiya «Print Center», 2021. 192 p. ISBN 978-5-907150-94-2. P. 145–153. (In Russian)

OTAROV I.M. Sfera upotrebleniya karachaevo-balkarskoj leksiki [The sphere of use of Karachay-Balkar vocabulary]. IN: Voprosy leksiki, grammatiki i semantiki karachaevo-balkarskogo yazyka. Nal'chik: Izdatel'skij centr «El'-Fa» [Questions of vocabulary, grammar and semantics of the Karachay-Balkar language]. Nalchik: Publishing Center «El'-Fa», 2002. P. 20–33. (In Russian)

ULAKOV M.Z. Problemy lekcicheckoj ctilitiki karachaevo-balkarskogo yazyka [Problems of lexical stylistics of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik: El'bruc, 1994. 116 p. (In Russian)

ULAKOV M.Z., MAHIEVA L.H. Problemy terminologii karachaevo-balkarskogo yazyka [Problems of terminology of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik, 2019. 120 p. (In Russian)

TAUMURZAEV D.M. «*Kim alga?*» (Who before?). Nal'chik: El'bruc, 1978. 80 p. (In Balkarian)

К"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. I. A–Zh. Nalchik: El-Fa, 1996. 1019 p. (In Balkarian)

К"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. II. Z–R. Nalchik: El-Fa, 2002. 1171 p. (In Balkarian)

Информация об авторе

Л.Б. Кучмезова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка.

Information about the author

L.B. Kuchmezova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Language.

Статья поступила в редакцию 10.12.2022; одобрена после рецензирования 21.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 10.12.2022; approved after reviewing 21.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-75-81

**АДЫГЭБЗЭМ И ТЕШЭ КАТЕГОРЭМ
НЭГУМЭ Ш., ТУРЧАНИНОВ Г., ЦАГЪУЭ М. СЫМЭ
Я ГРАММАТИКЭХЭМ ЩАУБЫД УВЫШЭР**

Хэжэ Залинэ Рашид инхэу

Гуманитар кэхутэныгэхэмкIэ институт – Федеральнэ кэрал бюджет шIэныгэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгэхэмкIэ и академием и Кьэбэрдей-Балькээр шIэныгэ центр» Федеральнэ шIэныгэ центрым и филиал, Налшык, Урысей, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Хэжэ З.Р., 2022

Аннотациэ. Статъяр адыгэбзэхэм тешэ категорэр зэрыщызэфIэувам, абы кьежыапIэ хуэхуам теухуауэ епIыкIэ зэхуэмидэ шыIэхэм теухуащ. Тешэм ехьэлIауэ, апхуэдэ лIэужыгыгуэу бзэм хэтыр зыхуэдизым, ахэр морфологии и лIэныкьуэкIэ кьэггэ-лIэггуа зэрыхуэ Iэмалхэм, езы тешэм и кIуэцIкIэ зетехуэныггуэу, языныкьуэхэми – зэщхьэщыкIыныггуэу шыIэхэм, тешэм псалIэухам шиггэзэщIэ кьалэнхэм, уасэхуэщI кынггэлыагуэм еггэщIылауэ бзэщIэныггэлIхэм еггэлеяуэ епIыкIэ зэхуэмидэ куэд кьаггэлыагуащ. ДауикI, дызэригуггэмкIэ, ар кьэзышэр тешэм адрей категориальнэ системэхэм хуэмидэу, псалIэзыкьуэж системэ убггуа зэриIэрщ. Лэжыгыггэм и инаггын хуейм кызэрытхуидэкIэ кьыщызэщIэткьуащ бзэщIэныггэлIхэм лIэхьэнэ зетемыхуэхэм тешэм ехьэлIауэ ираггэкIуэклэ шIэныггэ лэжыгыггэхэр. Кьэхутэныггэм кьеггэлыагуэу тешэр зищIысыр зэхэггэкIыным, ар зы мардэм иту убзыхуа хуэным, адрей категорэхэм, псом япэу зэман категорэм, кьыхэггэбелджылыкIауэ, езым и гьунапкьэ иIэжу зетеува хуэным тешэм и тхыдэр джыным кьызэрымыкIуэу мыхьэнэшхуэ зэриIэр.

Статъям филологии шIэныггэхэмкIэ доктор БишIо Б.Ч. адыгэбзэр и лIабжьэу зэхильхьа бзэщIэныггэ фIэщыггэцIэхэр кьыщыдггэсэбэпащ.

Зэрыгуазэ псалIэхэр: кьэбэрдей-шэрджэсыбзэ, тешэ, уасэхуэщI, морфологии, зэман категорэр, лэжыгыггэцIэ, лIабжьэуэж

Цитатэ кьызэрыхэлхыну: Хэжэ З.Р. Адыгэбзэм и тешэ категорэм Нэгумэ Ш., Турчанинов Г., Цагъуэ М. сымэ я грамматикэхэм щаубыд увышэр // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 75–81. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-75-81

Original article

**THE PLACE OF THE MOOD CATEGORY
OF THE KABARDINO-CIRCISSIAN LANGUAGE IN THE GRAMMARS
OF SH. NOGMOV, G. TURCHANINOV AND M. TSAGOV**

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2022

Annotation. The article is devoted to the history of studying the category of mood in the Adyghe languages. Solving the issue of this categorical system is associated with

great difficulties, which is explained by the insufficient development and lack of a clear definition of individual forms of inclination and time, as well as the syncretic nature of the forms of inclination themselves. In grammatical essays and scientific discussions on this topic, one can see that different linguistic schools and individual researchers have formed a whole range of opinions about the category of mood, morphological methods of formation, differentiation of some moods with a similar modality and its place among other grammatical categories. There are especially many different interpretations on the issue of selection criteria and the number of mood forms themselves.

Obviously, for the formation of a holistic picture of the category of inclination as a whole, the most important condition is the history of study, since such an approach makes it possible to trace the process of its formation and development in Adyghe studies. The article analyzes the concepts of the mood category of such famous scientists of the 20th century as Sh.B. Nogmov, G. Turchaninov and M. Tsagov.

Keywords: Kabardino-Circassian language, mood category, morphology, modality, tense category, verb, suffix

For citation: Khezheva Z.R. The place of the mood category of the Kabardino-Circassian Language in the Grammars of Sh. Nogmov, G. Turchaninov and M. Tsagov. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2022; 4-2 (55): 75–81. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-75-81

Научная статья

МЕСТО КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА В ГРАММАТИКАХ Ш. НОГМОВА, Г. ТУРЧАНИНОВА И М. ЦАГОВА

Хежева Залина Рашадовна

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения Федеральный научный центр “Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук” Нальчик, Россия, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2022

Аннотация. Статья посвящена истории изучения категории наклонения в адыгских языках. Решение вопроса о данной категориальной системе связано с большими трудностями, что объясняется недостаточной разработанностью и отсутствием четкого определения отдельных форм наклонения и времени, а также синкретическим характером самих форм наклонения. В грамматических исследованиях и материалах научных дискуссий по данной теме можно увидеть, что разные лингвистические школы и отдельные исследователи сформировали целый спектр мнений о категории наклонения, морфологических способов образования, дифференциации некоторых наклонений со схожей модальностью и ее месте в кругу других грамматических категорий. Особенно много разных интерпретаций по вопросу о критериях выделения и о количестве самих форм наклонения.

Очевидно, что для формирования целостной картины категории наклонения в целом важнейшим условием является история изучения, поскольку подобный подход дает возможность проследить процесс ее становления и развития в адыгведении. В статье проанализированы концепции категории наклонения таких известных ученых-адыгведов, как Ш.Б. Ногмов, Г. Турчанинов и М. Цагов.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, категория наклонения, морфология, модальность, категория времени, глагол, суффикс

Для цитирования: Хежева З.Р. Место категории наклонения кабардино-черкесского языка в грамматиках Ш. Ногмова, Г. Турчанинова И М. Цагова // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 75–81. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-75-81

Адыгэбзэ тешэр морфологием и нэхъ убзыхуа мыхъуа, нэхъ Іуэхугъуэ зэІумыбз, нэхъ зэдауэ кызыхэкІ категорэу кьалыгтэ. Абы щыхъэт тохъуэ мы грамматикэ

категорэр зы пкынэ иту гъэбелджылауэ, гъэнэхуауэ, тешэр псори кызыэщӀиубыдэу бзэщӀэныгъэм лэжыгъэ щхъэхуэ зэрыщымылэр, уеблэмэ еплгыкӀитӀ этехуэу зэрыхэмыгы. Адыгэбзэм зи гуащӀэ езыхъэллэ бзэщӀэныгъэлӀхэм, кӀинэмышӀлауэ хамэ къэрал бзэлухуэщӀэ куэдми тешэм теухуауэ еплгыкӀэ зэхуэмыдэхэр кыагъэльэгъуащ, абы и репрезентатив кьалэнхэри, тешэм грамматикэ категорэхэм я парадигмэм щӀиубыд увыпӀэми тетхыхъахэщ.

Зэрыгурыуэгъуэщи, тешэр убзыхунымыкӀэ нэхьыбэу тегъэщӀапӀэ хьуар жьабзэм и кьалэныр кыигъэлыагъуэнырщ, щӀэныгъэ лэжыгъэ псоми уриплъэжмэ, налуэ кьохуэ уасэхуэщӀым (уасэхуэщӀ лэжыгъэцӀэхэм) псалъэр кызыбгъэдэкӀым луэху зытепсэлъыхьым и еплгыкӀэр, абы зэрыхушытыр, и зэхэщӀэ, и гурыщӀэр кызыэригъэлыагъуэр. Къапщтэмэ, зэрыупщӀэ псалъэхуамаи зэралуатэ псалъэхуамаи кыагъэльэгъуэнур зы мурад пыухыкӀлауэ щытми, контекстхэм уасэхуэщӀ и лъэныкъуэкӀэ лэмал имылуэ зэщхъэщыкӀыныгъэ ялэнущ.

Зэдай бзэщӀэныгъэм тешэр лэжыгъэцӀэм и грамматикэ категорэу ебж, икӀи шэч лъэпкъ абы кытрахьэркьым. Апхуэдэ дьдэущ европей бзэщӀэныгъэлӀхэми, нэгъуэщӀ бзэ щхъэхуэхэм елэжъахэми тешэм и мыхъэнэр зэраубзыхур. Пэжуи, бзэ куэд дьдэм тешэм псалъэм и гъэпсыкӀэр, мыхъэнэр кышцигъэлыагъуэу, абы и луэхугъуэр е щытыкӀэр щигъэбелджылыуэ кьалгытэ. А бзэхэм тешэр дрей грамматикэ классхэм хуэхейщ.

Тешэ категорэр адыгэ бзэщӀэныгъэм щызэфӀэувэныр, щыджыныр, зэрыжытӀащи, нэхъ проблемэ гугъу дьдэхэм щыщщ, сыту жыпӀэмэ тешэм и гъэпсыкӀэ щхъэхуэхэр гъэбелджылакьым, уеблэмэ езыр лӀэужыгъуэкӀэ зэрыхуэ бжыгъэм, ахэр кыхэгъэщхъэхуынымы бгъэдыхъэкӀэу илӀэхэм зэдауэ къашэм, зэманымрэ тешэмрэ лушӀлу зэхэгъэщхъэхуыкӀлауэ зэрыщымытым луэхур нэхъри нэхъ гугъуж ещӀ.

Адыгэбзэ грамматикэхэмрэ адыгэбзэм егъэщӀыллэ нэгъуэщӀ лэжыгъэхэм уариплъэжмэ, тешэмрэ зэман категорэмрэ щхъэхуэ-щхъэхуэу я гъунапкъэхэр убзыхуныр нэхъ кьалэн нэхьыщхъэ дьдэхэм зэращыщыр кыбгуролуэ. КӀинэмышӀлауэ, тешэр нэгъэсауэ джыным, абы и къэухьыр убзыхунымы зэран хуохуэ адыгэбзэм мыхъей, хъей лэжыгъэцӀэхэмрэ, уха гъэпсыкӀэрэ гъэпсыкӀэ мыухарэ зиӀэ лэжыгъэцӀэхэр зэрыхэтым. Шэчыншэу, зэман категорэми, тешэми, уасэхуэщӀ лэжыгъэцӀэхэми тегъэпсыхъауэ лэжыгъэ мымащӀэ дунейм кыитехъащ, ауэ тешэр щхъэхуэу кыхэгъэкӀынымы, абы и нэщэнэхэр гъэнахуэным, и гъунапкъэхэр гъэбелджылынымы дьпэкӀи гулытэ щхъэхуэ хуэщӀын хуеуыуэ кыдолытэ.

Теорие-методикэ тегъэщӀапӀэ и лъэныкъуэкӀэ тешэр джыным лъабжэ хуэхъуащ Кавказ, европей, урыс бзэщӀэныгъэхэм хэлъхъэныгъэщхуэ хуэзыщӀа бзэщӀэныгъэлӀ пашэ зи цӀэ кытӀэнухэм я лӀдакьэ кышӀлӀкӀа тхыгъэхэр: Мещанинов И.И., Виноградов В.В., Бондарко В.А., Нэгүмэ Ш.Б., Роговэ Г.В., КӀэрашэ З.И., Турчанинов Г., Цаггүэ М., Мамрэш К.Т., Багъ П.М., ЗекӀуэхуэ У.С., Къумахуэ М.Ӏ., Чкадуа Л.П. нэгъуэщӀхэри.

Адыгэбзэхэм я морфологиер къапщтэмэ, псалъэм папщӀэ, кӀахэбзэм, зэман категорэмрэ тешэмрэ зэгуэх ямылуэ зэпхауэ кыыхагъэщхъэхуыкӀ, зы нэщэнэгъэлыагъуэ ялуэ ябж (Роговэ Г.В., КӀэрашэ З.И.). НэгъуэщӀыбзэхэми апхуэдэ щытыкӀэм ушрохъэлӀэ, къапщтэмэ, тюрколог цӀэрылуэ Баскаков Н.А. и лэжыгъэхэм тешэмрэ зэман категорэмрэ зэхэту щедж икӀи зы фӀэщыгъэцӀэ ярет. Морфологием теухуа лӀхъэхэм Баскаковым зэман категорэри тешэри кышцигъэлыгъуакьым, абы ахэр «теплъэм» (вид) и лӀэужыгъуэу кьелытэ [Баскаков 1969: 94]. Псалъэм папщӀэ, унафэ тешэр нэгъуеибзэм (барайым «кӀуэт» жыхуиӀэр) унафэ теплъэу, гукъэкӀыныгъэ теплъэу елытэ.

Адыгэбзэм тешэмрэ зэман категорэмрэ зэгуэхьпӀэ ямылуэ зэрыщызэпхам, уеблэмэ ахэр зэрызэхэшыпсыхъам и лэжыгъэхэм щытепсэлъыхъащ Къумахуэ М.Ӏ. Апхуэдэу щытми, бзэщӀэныгъэлӀым и лэжыгъэхэм зи гугъу тшӀы категорэхэр щхъэхуэ-щхъэхуэу, зи щхъэ хушыт разделхэм кышцигъэлыгъуащ.

Иужьрей зэманым къриубыдэу адыгэбзэ тешэм теухуа лэжыгыгъэ щхьэхуэ кыдэкIакъым, Iутыж Б.Къу. и щIэныгыгъэ лэжыгыгъэ «Унафэ тешэм и унафэ-хуэдэныгыгъэ гъэпсыкIэхэр» [Утижев 1972] жыхуиIэм кIинэмыщI. ДауикI, адыгэбзэ грамматикэхэми грамматикэ къэхутэныгыгъэ кIэщIэхэми тешэм теухуа Iыхьэхэм уащрохьэлIэ икIи абыхэм я мыхьэнэр къэIуэтэгъуейщ. КIахэбзэр къапщтэмэ, тешэм тегъэпсыхьауэ щIэныгыгъэ-къэхутэныгыгъэ лэжыгыгъэу нэхьыбэ урохьэлIэ. Къапщтэмэ, тешэр лъэныкыуэ куэдкIэ щызэпкърыха хьуащ Щауэ Ж.А. и «Категорэ тешэр КIахэбзэм» [Шаов 1965].

Мы лэжыгыгъэм и мурад нэхьыщхьэу къэтлытэр тешэм и гъунапкър гъэбелджылынырщ, гъэнахуэнырщ, сыт и лъэныкыуэкIи зэпкърыхыныгыгъэ иIэу зы жыпхьэ игъэувэнырщ, тешэм и кIуэцIкIэ категорэ щхьэхуэхэр щхьэхуэу кыыхэгъэкIынырщ икIи синхроннэу лэжыгыгъэцIэ парадигматикэм хуэгъэкIуэнырщ, абыхэм я дэтхэнэ зыри и къэхьукIэ, жьабзэм кызырэлыгагъуэ нэцэнэхэр уасэхуэщI и лъэныкыуэкIэ къэпщытауэ куууэ джынырщ.

Тешэ категорэр и зэхэлъыкIэкIэ, и ухуэкIэкIэ, и къэхьукIэкIэ кызырэмыкIуэу гугъуш, абы и джыным, зэпкърыхыным ушцIэу кынгъэуэв псор апхуэдизкIэ куэдщ, земыщхьыци, зы мардэм ибгъэувэныр Iуэху хьэлъэщ. БзэщIэныгыгъэм елэжь щIэныгыгъэлI дэтхэнэми тешэм ехьэлIауэ езым зэдауэ куэд къэзышэ езым я еплъыкIэ къагъэлыгагъуэ. Тешэр джыным, зэпкърыхыным, абы я бжыгъэр зыхуэдизыр, я къэхьукIэр, зэхьуэкIа зэрыхьур гъэбелджылыным лэжыгыгъэшхуэ езыхьэлIа Къумахуэ Мухьэдин кызырэилыгъэтэмкIэ, адыгэбзэхэм зауужьурэ тешэ щхьэхуэхэр щIэуэ къэунэхуащ, языныкыуэхэри щымылэж хьуащ. Тешэм теухуа щIэныгыгъэр зэфIэувэным япэ дыдэу хэлъхьэныгыгъэ хуэзыщIахэм ящыщцI Нэгумэ Шорэ. ЩIэныгыгъэлIым и Iэрытххэм уриплъэмэ, гу лъомытэнкIэ Iэмал зымылэщ урыс грамматикэм и нэцэнэ куэд абы зэрыхэтэм, ар куэдкIэ тегъэщIапIэ зэрыхуам, кIинэмыщIауэ, тхыгъэр кызыбгъэдэкIыр хьэрып еджапIэ зэрыщеджари и лэжыгыгъэм кыуегъащIэ. Дауэ щымытми, тешэм ехьэлIауэ Нэгумэм иригъэкIуэкIа къэхутэныгыгъэхэр абы и зэманым елыгагъуэ уасэ зымылэщ.

Нэгумэм кызырэилыгъэтэмкIэ, лэжыгыгъэцIэм предметым, хьэпшыным и щытыкIэр, Iуэхугъуэр къегъэлыгагъуэ (псальэм папщIэ, соджэр, соджэ) икIи абы и категориеу тху кыыхегъэкI: тешэ, бжыгъэ, щхьэ, зэман, лэжыгыгъэцIэм и зыхьуэжыныгыгъэ щхьэхуэуж категорэ. 1843 гъэхэм иригъэкIуэкIа къэхутэныгыгъэхэм кызырэыхэщымкIэ, щIэныгыгъэлIым тешэу щы къудейщ кыыхигъэкIыр: зэралуатэ, унафэ тешэ, фIэфIыныгыгъэ тешэ, ауэ лэжыгыгъэцIэм и зыхьуэжыныгыгъэ щхьэхуэужым ипкъ иткIи мыгъэнэхуа теши кыыхегъэщхьэхукI. Нэгумэм и тхыгъэхэр щIэныгыгъэ-къэхутэныгыгъэ и лъэныкыуэкIэ зыджа Турчанинов Г.Ф. кызырэилыгъэтэмкIэ, тхыгъэхэм елыгагъэ гъэпсыкIэ зийIэ псальэухахэми ущрохьэлIэ. Псори зэхэплъхьэжмэ, Нэгумэм тешэу хы кыыхегъэкI. Мыгъэнэхуа тешэр нэгъэсауэ зэпкърыха зэрымыхуам щыхьэт тохьуэ мыбы и кIэуххэр шапхьэ кыхьхэм зэрытемыхуэр. Псальэм папщIэ, нэхьыбэм кынгъэлыгагъуэ лэжыгыгъэцIэхэм кIэухуэ яIэщ *-нгоh (-нуэ)* е *-нго(-нуэ): лагунгох* (лыгагъун); *шытхунго* (щытхьун), *даанукун* (дэIэпыкьун).

Авторым зэриллыгъэтэмкIэ, унафэ тешэм хуэмыдэныгыгъэ, залымыгъэкIэ, щхьэхуимыту зыгуэр егъэщIэн мыхьэнэ иIэщ: *бзаге умылаже* (бзаджэ умылэжь). Зэралуатэ тешэр зыгуэрым тепсэлъыхьыным, зыгуэр Iуэтэным *зэманме кейгасер* (зэманым къегъэсыр). Лэжыгыгъэм зэрыхэтэмкIэ, зэралуатэ тешэм и ит зэманыр IуэхуцIэм и ит зэманым щхьэ цIэпапщIэм и кIэуххэр, языныкыуэхэми куэд бжыгъэм пычыгъуэ (слог) *-хе, е -хер (-хэр)* пыувэкIэрэ къохьу:

Закъуэ бжыгъэ, япэ щхьэ: *сыдоанукур* (сыдэIэпкьур);

Куэд бжыгъэ, япэ щхьэ: *дыдоанукхер* (дыдэIэпыкьухэр).

БлэкIа зэфIэкIа зэманым ит зэралуатэ тешэр унафэ тешэм кIэух *-ащ (-ащ)* пыувэкIэрэ къэхьуу ебж: *сыдаанукауаши* (сыдэIэпыкьуащ); блэкIа зэфIэмыкIар кIэух *-ош (-эщ)* поуэ:

Закъуэ бжыгъэ: *сыдаанукуоши* (сыдэIэпыкьуащ)

Куэд бжыгъэ: *дыдаанукохеш* (дыдэIэпыкьуахэщ).

ЕльытаггэпсыкIэ зилэ псалъэуухахэм, Нэгүмэм кызыэрилгытэмкIэ, зытешцIыхьа мыхьэнэ кыаггэлыаггүэ: *мир зихесхатем* (мыр зэхэсхатэмэ). «Начальные правила кабардинской грамматики» (1943) лэжыггэм зэритымкIэ, Нэгүмэм шапхьэу кьехь лэжыггэцIэхэр ельыта ггэпсыкIэм и формант –*тэмэ* (-*тэм*), адэкIэ –*мэ* (-*м*) япыту, арщхьэкIэ а формантхэм зэщхьэщыкIыныггэ яIэм и гуггүу ищIыркыым. Псалъэуухам хэт ельыта ггэпсыкIэ зилэ лэжыггэцIэхэр унафэ тешэм и ит зэманым кIэух –*ме* (-*мэ*) е –*тем* (-*тэмэ*) пыувэкIэрэ кьохьу: *сыдаапукуме* (сыдэлэпыкьүмэ); *сыдаапуктем* (сыдэлэпыкьүтэмэ) [Нэгмов 1959: 169].

Ит зэман зилэ ельыта ггэпсыкIэр (блэкIа, кьэкIуэну зэманхэри) шызэпкьрихкIэ, авторым гулыггэ зыхуищIыр ахэр кызыэрыхьу кьудейрщ, мыхьэнэкIэ зэщхьэщыкIыныггэ яIэр кыиггэлыаггүэркьым. ЗэрытщIэщи, ельыта тешэ –*мэ* кIэ кьэхьум пэж дыдэу кьэхьуа е кьэхьуну Iуэхуггүэр зытешцIыхьа мыхьэнэ иIэщ: *сыкIуэмэ, седжэмэ*; формант –*тэмэ* зыпыт ггэпсыкIэхэм кьэмыхьуа, кьэмыхьуну мыхьэнэ кыаггэлыаггүэ.

Тешэр куууэ зэпкьрыхауэ шымыт пэтми, Нэгүмэм адреи и кьэхутэныггэхэми хуэдэу мыбийи пщIэшхуэ хуэфашцэ ар адыгэбзэм теухуа япэ щIэныггэ лэжыггэу зэрыщыгг кьудеймкIэ

Адыгэбзэ лэжыггэцIэр джыным, абы и категорие псори кыыхэггэкIауэ бзэм и грамматикэ системэм иггэуэвэным щхьэпэ хуэхьуашц 1940 ггэм кыыдэкIа Турчанинов Г.Ф., Цаггүэ М. сымэ я «Адыгэбзэ грамматикэм». Мы лэжыггээр, кьапштэмэ, фонетикэм, псалъэшцIымрэ морфологиемрэ я грамматикэ системэм япэ дыдэу траухахэм ящыщ. Адыгэбзэм теухуа а ггэхэм ирихьэлIуу шыIа щIэныггэ лэжыггэхэр зэбгьапщэмэ, зи гуггүу тщIы «Грамматикэр», морфологием и зэхэлъыкIэр, ухуэкIэр зэпкьрыха зэрыхьуам кууаггкIэ, пэжаггкIэ адреихэм хэпщIыкIыу йофIэкI. ДауикI, ди жаггүэ зэрыхьуши, лэжыггэцIэм и грамматикэ кьэхьуггэ псори, категорэ псори и кIэм нэсу зэпкьрыхауэ, ггэнэIуауэ жьпIэ хьунукьым, ауэ, ухуэкIэкIэ, фIаггкIэ а зэманым щIэныггэм кыиггэууу шыта мардэм, шэч хэмылгу, хуокIуэ. Мыбдеж лэжыггэцIэр нэхь зэпкьрыха шыхьуа псалъэ лъэпкьыггүэхэм хохьэ, икIи абы и щхьэхьуэж, зэман, тешэ, жьдждэрагг, теплгэ категорэхэр кыыхэггэкIашц. ЩIэныггэлIхэм тешэу 8-м я цIэ кьраIуэ: зэраIуатэ, унафэ, зэрыупщIэ, хуэдэныггэ, хуэггэфашцэ, фIэфIыныггэ, ельыта, хэкIыпIэ, икIи а псоми хьуныггэ ггэпсыкIи мыхьуныггэ ггэпсыкIи иIэу кьалыггэ. ЗэраIуатэ тешэр, адреихэм ельытауэ, и кьэхьукIэкIэ нэхь кызыэрыкIуэщ, кьэхьуа е кьэмыхьуа Iуэхуггүэ щхьэхуэ кьеггэлыаггүэ, и мыхьуныггэ ггэпсыкIэр лъабжьэужь –*кьым* пыувэкIэрэ кьохьу. Унафэ тешэм быдэу, щхьэмыггэзэу унафэ щIын мыхьэнэ кьеггэлыаггүэ, лэжыггэцIэм и лъабжьэм кьытохьукI, етIуанэ щхьэм и закьуэ бжыггэмрэ куэд бжыггэмрэщ ггэпсыкIэу иIэр. Унафэ тешэр сыт и лъэныкьуэкIи зэпкьрыха хьуашц, бжыггэ, лъэлэсыггэ/лъэмыIэсыггэ, лэжыггэцIэм и субъект/объект шытыкIэхэри кьапштыггашц. ЩIэныггэлIхэм зэралгытэмкIэ, лэжыггэцIэм и унафэ ггэпсыкIэм лъабжьэужь –*т* шыпыувэм деж лъэлэуэныггэ уасэхуэщI еггүэт: *еджэт, елгыт, кIуэт*. ФIэфIыныггэ тешэм нэмыщI, авторхэм хуэдэныггэ уасэхуэщI зилэ ггэпсыкIэхэри кыыхаггэкI, хуэггэдахэн, фIэфIыныггэ пIыфэ нэхьыбэу иIэу, икIи морфологии нэщэнэу лъабжьэужь –*рей* иIэу ябж. Турчаниновымрэ Цаггүэмрэ зэратхымкIэ, мы тешэм и нэщэнэ нэхьыщхьэу шытыр лэжыггэцIэу хьуам я ещанэ щхьэм и закьуэ бжыггэм щхьэ лъабжьэпэ –*йы*, куэд бжыггэм –*я* (*йа*) зэрыпыувэрщ: *йырекIуэ, ярейкIуэ*.

ФIэфIыныггэ тешэри нэхь кызыэрыггүэкIхэм шыщу ялыггэ, и кьэхьукIэкIи, морфологии и лъэныкьуэкIи зэдауэ кьышэркьым, лэжыггэцIэм лъабжьэужь –*цэрэ/-цэрэт* пыувэкIэрэ кьохьу.

ЗэрыупщIэ тешэм и кIуэцIкIэ лIэужыггүищ кыыхаггэкI грамматикэ мыхьэнэкIэ зэщхьэщыкIыныггэ яIэу, кьинэмыщIауэ, лъабжьэужь зэмыщхькIэ кьэхьуу.

ЗэрыупщIэ I кыыхэггэшыныггэ –*а*, –*у*, –*рэ* блэкIа, кьэкIуэну, ит зэманым ит лэжыггэцIэхэм япыувэкIэрэ кьохьу: *укIуа?*, *укIуэну?*, *укIуэрэ?*

ЗэрыупщIэ II (шэч кыитехьэныгъэ мыхьэнэ иIэу) лъабжьэужь –къэ лэжыгъэцIэм и пкъым пыувэкIэрэ къохъу. Языныкыуэхэм деж мы гъэпсыкIэм –къэ-м и пIэкIэ –уэ, псалъэкIапэ –пIэрэ поувэ: *дылэжьэну пIэрэ? дьитхэну пIэрэ?*

ЗэрыупщIэ III (гъэщIэгъуэныгъэ мыхьэнэ), и морфологие нэщэнэр лъабжьэужь –уи зэман къэзыгъэлыагъуэ Iыхьэм зэрыпыувэрщ: *кIуэнуи? еджэнуи?*

ЩIэныгъэлIхэм тешэм ехьэлIауэ системэ убгъуа, и зэхэлъыкIэкIэ убзыхуа зиIэ лэжыгъэ ди пащхьэ къралъхьащ, икIи мыхьэнэшхуэ абы зэриIэм шэч хэлъкъым.

Тешэр джыным, зэпкърыхыным, абы я бжыгъэр зыхуэдизыр, якъэхукIэр, зэхуэкIа зэрыхьур гъэбелджылыным лэжыгъэшхуэ езыхьэлIа Къумахуэ Мухьэдин кызэрилыгътэмкIэ, адыгэбзэхэм зауужурэ тешэ щхьэхуэхэр щIэуэ къэунэхуащ, языныкыуэхэри щымыIэж хьуащ. Къумахуэм и IэдакъэщIэкIэхэм я кууагъкIэ, яIэ мыхьэнэм и инагъкIэ тхыгъэ щхьэхуэ, уеблэмэ тхылы щхьэхуэ теухуапхьэщ.

Гуэльхьэ:

Аффикс лъабжьэгъусэ

Будущее время къэкIуэну зэман

Будущее первое къэкIуэну гъэкIэщIа зэман

Будущее второе къэкIуэну щыз зэман

Вид теплъэ

Время зэман

Вопросительное наклонение зэрыупщIэ тешэ

Глагол лэжыгъэцIэ

Глагольное сказуемое лэжыгъэцIэ гъэзэщIэн

Единственное число закъуэ бжыгъэ

Желательное наклонение фIэфIыныгъэ тешэ

Изъявительное наклонение зэраIуатэ тешэ

Кабардино-черкесский язык адыгэбзэ

Категория категорэ

Категория переходности-непереходности лъэIэсыгъэ-лъэмыIэсыгъэ

Множественное число куэд бжыгъэ

Модальность уасэхуэщI

Наклонение тешэ

Наклонение вероятности хуэгъэфашэ тешэ

Настоящее время ит зэман

Повелительное наклонение унафэ тешэ

Позволительное наклонение хуэдэныгъэ тешэ

Предположительное наклонение хуэгъэфэщэн тешэ

Префикс лъабжьэпэ

Прошедшее время блэкIа зэман

Сослагательное наклонение хэкIыпIэ тешэ

Условное наклонение елыта тешэ

ТегъэщIапIэхэр Список источников

Баскаков 1969 – *Баскаков В.А.* Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969. 383 с.

Кумахов 1971 – *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 341 с.

Ногмов 1956 – *Ногмов Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1956. Т. I. 308 с.

Ногмов 1956 – *Ногмов Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. Т. II. 197 с.

Турчанинов, Цагов 1940 – *Турчанинов Г.Ф., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.: АН СССР, 1940. 160 с.

Утижев 1972 – *Утижев Б.К.* Позвоительно-повелительные формы повелительного наклонения в кабардино-черкесском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Нальчик, 1972. 17 с.

Шаов 1965 – *Шаов Ж.А.* Категория наклонения в адыгейском языке // Адыгейская филология. Краснодар: Краснодарский Государственный педагогический институт, 1965. Вып. 1. С. 93–114.

References

BASKAKOV V.A. Vvedenie v izuchenie tyurkskikh jazykov [Introduction to the study of Turkic languages]. М.: Vysshaja shkola, 1969. 383 s. (In Russian)

KUMAKHOV M.A. Slovoizmenenie adygskikh jazykov [Word change of the Adyghe languages]. М.: Nauka, 1971. 341 s. (In Russian)

NOGMOV SH.B. Filologicheskie trudy [Philological works]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. T. I. 308 s. (In Russian)

NOGMOV SH.B. Filologicheskie trudy [Philological works]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. T. II. 197 s. (In Russian)

TURCHANINOV G.F., CAGOV M. Grammatika kabardinskogo yazyka [Grammar of the Kabardian language]. М.: AN SSSR, 1940. 160 s. (In Russian)

UTIZHEV B.K. Pozvolitel'no-povelitel'nye formy povelitel'nogo nakloneniya v kabardino-cherkesskom yazyk: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Permissive-imperative forms of the imperative mood in the Kabardian-Circassian language: abstract of the thesis of a candidate of philological sciences]. Nal'chik, 1972. 17 s. (In Russian)

SHAOV ZH.A. Kategoriya nakloneniya v adygejskom yazyke [Mood category in the Adyghe language]. IN: *Adygejskaya filologiya* Krasnodar: Krasnodarskij Gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1965. Вып.1. С. 93–114. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Хэжь З.Р. – филологие щӀэныгӀэхэмкӀэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щӀэныгӀэ лэжъакӀуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 14.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-82-92

ЛЭЖЬЫГЪЭЦІЭМ И ЗЭМАН КАТЕГОРЭР КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ

Хэжь Марьянэ Раишад инхьу

Гуманитар кэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ кэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым» и филиал, Налшык квалэ, Урысей, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© Хэжь М.Р., 2022

Аннотациэ. ШІэныгъэ лэжыгъэр теухуащ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и лэжыгъэцІэм иІэ зэман гъэпсыкІэхэр джныным. Статьям и квалэн нэхьыщхьэщ лэжыгъэцІэм иІэ зэман гъэпсыкІэхэр гъэбелджылыныр, а гъэпсыкІэхэм я къэхьукІэ нэхьыщхьэхэр наІуэ къэщІыныр. Лэжыгъэм кышыгъэлъэгъуащ лэжыгъэцІэм и зэман категорэр джныным шІэныгъэлІхэр пІалгъэ кІыхь хьуауэ елэжью, дэтхэнэ зы грамматикэ лэжыгъэми мы категорэм теухуа Іыхьэ щхьэхуэр кышыцхэгъэкІауэ щыт пэтми, зэман гъэпсыкІэу лэжыгъэцІэм иІэхэм я бжыгъэри, абыхэм я къэхьукІэри, я мыхьэнэ нэхьыщхьэхэри нобэр кыздэсым арэзы укьащІу убыхуауэ зэрыщымытыр. Статьям япэ дыдэу кышыдгъэсэбэпащ БищІо Б.Ч. (ф.ш.І.д.) адыгъэбзекІэ зэридзекІа бзэщІэныгъэ фІэщыгъэцІэхэр.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм зэман гъэпсыкІэу 9 кышыцхьэбгъэкІыну кьозэгъ: ит зэман, къэкІуэну гъэкІэщІа зэман, къэкІуэну щыз зэман, блэкІа зэфІэкІа зэман, блэкІа жыжъэ зэман, елыта блэкІа зэман, блэкІа жыжъэ зэфІэкІа зэман, блэкІа жыжъэ елыта зэман, блэкІа гъэкІэщІа зэман (аорист).

Зэрыгъуазэ псалгъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, лэжыгъэцІэ, зэман категорэ, лъабжьэпэ, лъабжьэужь

Цитатэ кызырхьэхынур: Хэжь М.Р. ЛэжыгъэцІэм и зэман категорэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 82–92. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-82-92

Original article

CATEGORY OF VERB TENSE IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Maryana R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© M.R. Khezheva, 2022

Abstract. The category of verb tense is one of the most important for the functioning of the language. The article is devoted to the analysis of tense forms of the verb in the Kabardino-Circassian language. The purpose of the article is to identify the specific features of the formation and functioning of the main forms of the tense of the verb in the Kabardino-Circassian language. It is noted that close attention is paid to the study of verb

tense forms in all existing grammars of the Kabardino-Circassian language, however, linguists still do not have a common opinion, both in terms of the number of tense forms and grammatical features of formation and functioning. The main innovation of this article is that the work uses a new linguistic terminology in the Kabardian-Circassian language, developed by Doctor of Philology B.Ch. Bizhiov.

The overall result of the work boils down to the fact that in the Kabardino-Circassian language it is legitimate to distinguish 9 forms of time: present, future I (with the suffix -n), future II (with the suffix -nu), past perfect tense, past imperfect tense, long past tense, past past time, aorist.

Keywords: Kabardino-Circassian language, verb, tense category, prefix, suffix

For citation: Khezheva M.R. Category of verb tense in the Kabardino-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 82–92. (In Kabardian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-82-92

Научная статья

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Хежева Марияна Рамадовна

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральний научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© М.Р. Хежева, 2022

Аннотация. Категория времени глагола является одной из важных для функционирования языка. Статья посвящена анализу временных форм глагола в кабардино-черкесском языке. Целью статьи является выявление специфических особенностей образования и функционирования основных форм времени глагола в кабардино-черкесском языке. Отмечено, что изучению форм времени глагола уделяется пристальное внимание во всех существующих грамматиках кабардино-черкесского языка, однако у лингвистов до сих пор нет единого мнения, как по количеству временных форм, так и по грамматическим особенностям образования и функционирования. Главное новшество данной статьи заключается в том, что в работе используется новая лингвистическая терминология на кабардино-черкесском языке, разработанная доктором филологических наук Б.Ч. Бижоевым.

Общий итог работы сводится к тому, что в кабардино-черкесском языке правомерно выделение 9 форм времени: настоящее, будущее I (с суффиксом -n), будущее II (с суффиксом -nu), прошедшее совершенное время, прошедшее несовершенное время, давнопрошедшее время, преждепрошедшее время, аорист.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, глагол, категория времени, префикс, суффикс

Для цитирования: Хежева М. Р. Категория времени глагола в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 82–92. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-82-92

Адыгэбзэхэм я зэман гъэпсыкIэхэр щызэпкърыхашц грамматикэ лэжьыгъэ куэдым [Борукаев 1932, ГКЧЯ 1957, ГКЧЯ 1970, Ногмов 2020, Турчанинов, Цагов 1940, Урыс 2001, Яковлев, Ашхамаф 1941, Яковлев 1948], абы кыдэкIуэу щыIэщ лэжьыгъэцIэм и зэман категорэм теухуа лэжьыгъэ щхъэхуэхэри [Бижоев 2021, Налоев 1956]. Апхуэдэу щыт пэтми, адыгэ бзэщIэныгъэм нэсу зэхэгъэкIа щыхъуакъым зэман категорэм теухуа ушцIэ щхъэхуэхэр, абыхэм я бжыгъэр, я кыхъэгъэкIыкIэр.

1957, 1970 гъэхэм кыдэкIа грамматикэ къэхутэныгъэ лэжьыгъэхэм зэри-тымкIэ, лэжьыгъэцIэм и зэманхэр гупитIу гуэшащ [ГКЧЯ 1957, ГКЧЯ 1970].

Япэ гупым хохъэ лэжьыгъэр щекIуэкI зэманыр жъабзэм зэрехъэлIар къэзыгъэлыагъуэ зэман гъэпсыкIэхэр, етIуанэ гупым хохъэ лэжьыгъэр щекIуэкI

зэманыр блэкла зэман гуэрым зэрыхуштыр кээзыгэлыагуэ гээпсыклэхэр. Мыпхуэдэ еплыкЛэм ипкь итклэ, адыгэбзэм кышыхэгэклаш: ит I (сэ *сотхэ(р)*, ар *йоджэ*, хьыджэбзыр *мэлажэ*) ит II (сэ *сыкЛуэрт*, хьыджэбзыр *щытт*), блэкла I (*сабийр жейш*, а махуэм япэу мафлэгу *слъагъугъащ*, хьыджэбзыр *еджанЛэр къуухакЛэщ*), блэкла II (*сабийр жейт*, а махуэм япэу мафлэгу *слъагъугъат*, хьыджэбзыр *еджанЛэр къуухакЛэт*), кэкЛуэну I (*хьыджэбзыр тхыль куэд еджэнуш*, хьыджэбзыр *еджанЛэм щлэмГысхьэниш*), кэкЛуэну II (*щлалэр тхэнит*, *щлалэр тхэнут*) зэман гээпсыклэхэр. Щапхэхэм кыызрагэлыагуэщи, еЛуанэ гупым хыхэ зэман гээпсыклэхэр кээгэлыэгъуа хуащ лъабжэгуэс *т*- клэ [ГКЧЯ 1970: 131–138].

Мыпхуэдэ еплыкЛэм зэхэмыгэкла упщлэ куэд хэльщ, арэзы утехуэнуи гугъуш. ИщхэкЛэ зи гугъу щытщла еплыкЛэм тету зэман гээпсыклэхэр гуэшыным кьегъэув форматив *-т*-м зэман гээпсыклэ псом и дежи зы мыхьэнэ флэкл имыЛэныр. Ар Лэмалыншэщ зэрагуатэ тешэм и деж форматив *-т* зыпыт зэман гээпсыклэ, *-т* зыпымыт зэман гээпсыклэ лэужыгыгуэ зепэщлэувитЛыр кэхьун папщлэ. Абы кыдэкЛуэу бзэм и щапхэхэм кьагэлыагуэ форматив *-т* – м зэман гээпсыклэ зэхуэмдэхэм шапыувэклэ, мыхьэнэ зетемыхуэхэр зэралэр [КЧЯ 2006: 206–207]. Псалъэм папщлэ: *кЛуэрт*, ауэ *кЛуэнут*. Нэгъуэщлу жыпЛэмэ, *т*- зыпыт зэман гээпсыклэ псоми зэралуатэ тешэр кьагэлыагуэркыым. *КЛуэрт*, *кЛуат*, *кЛуэгъат* жыхуилэ гээпсыклэхэр зэралуатэ тешэм и щапхэхэщ, *кЛуэнт*, *кЛуэнут* гээпсыклэхэр флэфыныгыэ тешэм и щапхэхэщ.

ИщхэкЛэ зи гугъу щытщла гээпсыклэм тепщЛыхьэмэ, *кЛуэрт*, *шхэрт*, *лажээрт* лэжыгыгэцЛэхэм ит зэман кьагэлыагуэ. Кьумахуэ М. I. кызырилгытэмклэ, мыпхуэдэ ЛуэхуеплыкЛэм арэзы утехуэну гугъуш, сыту жыпЛэмэ мы лэжыгыгэцЛэм елыта блэкла зэманым и грамматикэ нэцэнэхэр хэльщ, блэкла зэманым екЛуэкла лэжыгыгэ кьегэлыагуэ. Псалъэм папщлэ:

1) <i>со-кЛуэ</i>	2) <i>сы-кЛуащ</i>	3) <i>сы-кЛуэрт</i>
<i>уо-кЛуэ</i>	<i>у-кЛуащ</i>	<i>у-кЛуэрт</i>
<i>ма-кЛуэ</i>	<i>кЛуащ</i>	<i>кЛуэрт</i>

Япэ парадигмэ сатырыр ещанэ щхьэр кээгэлыэгъуа зэрыхуамклэ, япэ еЛуанэ щхьэхэр кээгэлыэгъуа зэрыху лъабжэпэхэм я Лүклэмклэ кьащхьэщокл еЛуанэ, ещанэ парадигмэ сатырхэм. Абы кыдэкЛуэуи кыжылапхэхэщ еЛуанэ, ещанэ парадигмэ сатырхэр зи гугъу тщла Луэхугуэхэмклэ зэрызэщхьэщымыкЛыр. Ещанэ парадигмэ сатырым и лъабжэ морфемэм и Лүклэри, ухуэкЛэри тохуэ мыдрей блэкла зэман гээпсыклэхэм я лъабжэ морфемэм и Лүклэм: *сы-кЛуэ-рт*, *сы-кЛуэщ*, *сы-кЛуэ-ри*.

КЛуэрт, *шхэрт*, *еплырт* жыхуилэхэм хуэдэ лэжыгыгэцЛэхэр блэкла зэманым и гээпсыклэу зэрыштытым и щыхьэт налуэу кэплгытэ хуэнуш клахэбзэм и блэкла елыта зэман кээзыгэлыагуэ лъабжэужь *-щтыгыэ* – клэ кэхьуа лэжыгыгэцЛэхэм ялэ мыхьэнэ дыдэм хуэдэ зэралэр [КЧЯ 2006: 207].

Ит зэман

ЛэжыгыгэцЛэ хьейхэм кьатекла ит зэманым и гээпсыклэм кьегэлыагуэ псалъэр шыжалэм техуэу екЛуэкл лэжыгыгэ.

Ит зэманыр кээгэлыэгъуа зэрыху лъабжэгуэс хэха адыгэбзэм иЛэкыым, ауэ мыдрей зэман гээпсыклэ псоми кьащхьэщыкЛыу лэжыгыгэцЛэ хьейхэм япоувэ ещанэ щхьэ кээзыгэлыагуэ *мэ*-(*ма*-), *е* – лъабжэпэхэр, лэжыгыгэцЛэ хьей кээзыгэхуэ лъабжэпэ *о*-. Мы лъабжэпэхэр зэрыпытым хуэдэу ит зэманым и гээпсыклэм пыувэнклэ хуэнуш пымытми хуэну щыт лъабжэужь *-р*. Псалъэм папщлэ: *Лусэ* и *бауэ макгыр зэхэпхыу мэжсей*, *Софятрэ Аружанрэ я псалъэри зэтыуащ* (ЩоджэнцЛыкЛу I.); *Пхьащлэхэр кЛуауэ мэлажээр*, *щынэхэр*

здагъэжэпхын щыпIэ кьызэрагъэпэщыр, гъэлъхуэцми кIэлъыплъынуш... кIэщIу жыпIэнуэм, кIуэжи фIыуэ жей, Юрэрэ уэрэ ныжэбэ жэщым фи нэбдзытэр кьэхуэхакъым, – жиIащ парторгым (Тыуаршы А.).

Мыхъей лэжыгыгэцлэхэм кьатекIа ит зэманым и гъэпсыкIэхэм кьагъэлыагъуэ псалъэр щыжаIэм техуэу щыIэ щытыкIэ. Мыпхуэдэ гъэпсыкIэр кьэгъэлыагъуа мэхуэ нэрымылыагъуэ лъабжьэгуэскIэ. ЛэжыгыгэцIэ хъейхэм кьатекIа ит зэманым и гъэпсыкIэм кьыщхъэщыкIыу, мыхъей лэжыгыгэцлэхэм кьатекIа ит зэманым и гъэпсыкIэм и деж щыIэныгъэр кьэгъэлыагъуа мэхуэ лъабжьэуэж -щ-кIэ: *Махъсымэ зэрыт кIадэр, – жейIэ Сэлимэт и анэм, кхъуэщын зэхэщэщар кьыщытыжурэ, – сенэ бжэжыагъым кьуэтиц.* (Шортэн А.).

Ит зэманым и щымыIэныгъэр кьэгъэлыагъуащ лъабжьэпэ мы- кIэ, лъабжьэуэж кьым-кIэ: *Щхъэм имылъмэ, лъакъуэм и мыгъуагъэц* (Адыгэ псалъэжъ). *Сэ зэи си фIэц хьуртэкъым ар* ди лабораторэм щылэжъэн фIэкI цхъэуэсыгъуэ имыIэу кьэжIуауэ сыпэллэрт кьрикIуэнум (КIэрэф М.).

Ит зэманым мыхъэнэ зыбжанэ кьегъэлыагъуэ [Урыс 2001: 165]:

1. Псалъэр щыжаIэм техуэу екIуэкI лэжыгыгэ, щытыкIэ: *Ныщхъэби арац, лIищыр куэзыр мэджэгу, фызыр мэпцафIэ а жыхуэтIам нэхъыбэ имытцэфIу* (Нало А.).

2. Мычэму щыIэ щытыкIэ, екIуэкI лэжыгыгэ: *(Тоня жиIэу:) Шхы, си псэм хуэдэ, сэ уэ фIыуэ узольагъур, хэт ищIэрэ уи насыпыр кьызэрыппэкъуэкIынуур, кьуэр зоукI, бгыр зоукI, дунейр шэрхъыу мэджэрэз* (Дыгъужъ Къу.). *Сэри си лъэпкъым ецхъыжэц си Тэрчи, иныцэкъым, итIани мэхуэцIэ, зегъэябгэ, ерыцу, кьырхэр пхигъэзу, уэру йожэх...* (Шортэн А.).

3. Бзэм дыщрохъэлIэ блэкIа Iуэхугъуэ гуэрэм ит зэманым и гъэпсыкIэлкIэ щытпэсэлъыхъ: *Нэхъ кьызыгурыIуэ зыкъомыр Россием и дэрэну хуожьэ, зыкъомри Турцием и телъхъэу кьоув* (Шортэн А.).

4. Зэман кьэхьукIэцIэхэм я гъусэу кьыщыкIуэм и деж ит зэманым кьэжIуэну зэманым и мыхъэнэр кьегъэлыагъуэф: *Сэ ницъдей солажъэ. Нэху щынуц абы фIэжIмэ...* (КIэрэф М.).

5. ЗэрыупщIэ тешэм деж ит зэманым и гъэпсыкIэм поуэ упщIэ мыхъэнэ зыхэлъ лъабжьэуэж -рэ, р-къэ, псалъэкIапэ пIэрэ жыхуиIэхэр. *Линэ, дэнэ укIуэрэ? Ныщхъэбэ лъандэрэ сэ уэ сыныпIлохъуэр* (Кхъуэхъу Ц.). *Фи жеин кьакIуэркэ? Хъэуэ, жэщ ди куэдиц иджыри.* (КIэрэф М.). *Фаризэт, ди гъунэгъу фызыр, здэщыIэр умыщIэу пIэрэ уэ?* (Къашыргъэ Хь.).

Елыыта, хуэгъэжIуатэ тешэхэм деж ит зэманым лъабжьэгуэсэ щхъэхуэкIэ кьэгъэлыагъуа хьуркъым. *Гур мыпIэмэ, нэр плъэркъым* (Адыгэ псалъэжъ). *Щынащхъэ плъагъумэ, гъатхэци, Iэтацхъэ плъагъумэ, бжъыхъэц* (Адыгэ псалъэжъ).

КьэжIуэну зэман

Адыгэбзэм и кьэжIуэну зэманым гъэпсыкIэу лIэужыгыуитI иIэщ лъабжьэуэж -н – кIэ кьэхъуэрэ лъабжьэуэж -ну – кIэ кьэхъурэ [Урыс 2001: 167].

КьэжIуэну гъэжIэщIа зэман

КьэжIуэну гъэжIэщIа зэманым кьегъэлыагъуэ псалъэр щыжаIэм иужькIэ кьэхъункIэ хъуну лэжыгыгэ. КьэжIуэну гъэжIэщIа зэман гъэпсыкIэр кьохъу лэжыгыгэцлэм и псалъэпкъым лъабжьэгуэсэ -н пыувэурэ.

Мы зэман лIэужыгыгъуэм и щыIэныгъэ гъэпсыкIэр лъабжьэуэж -щ – кIэ кьэгъэлыагъуа мэхуэ. Щапхъэ: *Хъуниц, дянэ, – жиIащ Мазизэ, – уэ зэрыжыхуэпIэм хуэдэу сцIыниц, ауэ апхуэдэу умыгужъей, дохутыр кьэжIуам мыкьиину жиIащ кьоузыр* (ШэджыхъэщIэ Хь.).

Адыгэбзэм и беслъэней щыпIэбзэмрэ псыжъ щыпIэбзэмрэ кьэжIуэну гъэжIэщIа зэманым и щыIэныгъэ гъэпсыкIэм лъабжьэуэж -щ-р шапыуэ хабзэкъым. Беслъэней щыпIэбзэм (кIахэбзэми хуэдэу) зи гугъу тщIы зэман

лэужыгыуэм и шылэныгыэ гъэпсыклэр кыщохуэ лъабжьэгъусэ -н-клэ: *сцлын, сеплын*; псыжь шыплэбзэм – лъабжьэгъусэ -нэ-клэ: *сцлынэ*. Хуэбгъэфашэ зэрыхунумклэ, беслэней шыплэбзэмрэ клахэбзэмрэ кыщызэтенаш кэклуэну гэклэщла зэманым адыгэбзэхэр зыуэ шыщыта лъэхэнэм ила гъэпсыклэр. Псыжь шыплэбзэм кыщагъэсэбэп лъабжьэужь -нэ – мрэ иджрей литературэбзэм кыщагъэсэбэп лъабжьэгъусэ *ц-* мрэ адыгэзэдаибзэр шыплэбзээрэ гуэша хуа иужьклэ кьежъаш.

Кэклуэну гэклэщла зэманым и шымылэныгыэ гъэпсыклэр кэгъэлъэгъуаш лъабжьэужь -кыым – клэ, лъабжьэпэ *мы-* -клэ. – *Уэлэхыи, шхын цхьэклэ сыллами, сэ а уи кхуэ нэкулгыр сымыихын, сэ сымуслымэни, – жызо* (Нало З. Нэвагыуэ); *Си гугъэмклэ псори зэпэтиэча хуэдэц, зэрыжапаци, колхоз собранэ тцлынэм дыпэллэнкыым, коммунистхэмрэ кыуажэ активистхэмрэ ди жэмхэр колхозым етицэу цлэддзэни* (Хьэхуапашлэ Хь.).

Кэклуэну шыз зэман

Кэклуэну шыз зэманым кегъэлъагыуэ псалгэр шыжапэм иужьклэ кэххун хуейуэ шыт лэжыгыэ.

Кэклуэну шыз зэман гъэпсыклэр кэклуэну гэклэщла зэманым и псалгэпкыым кыитокл лъабжьэужь -у пыувээрэ: *сыклуэ-н-ц → сыклуэ-н-у-ц*.

Кэклуэну шыз зэманым и шылэныгыэ гъэпсыклэр кэххуэ лъабжьэужь -ц –клэ: *Пэжц, сыцхьэхуитц, сьт сцлэми, жыслэми, си адэмрэ си дэлхумрэ кыисцхьэщыжынуц, жи*лэу Гупымыклэ *зигъэкъакыукыым, зигъэцлагъуэркыым* (Мафлэдз С.).

Шымылэныгыэ гъэпсыклэр кэгъэлъэгъуаш лъабжьэпэ *мы-* –клэ, лъабжьэужь -кыым –клэ: *Мадинэт ар зэрымыхунур, апхуэдэ делагэклэ кыпэмьлэну жрилэнут, ауэ Фулэд жыжэ нэсыжат* (Шэджыхьэцлэ Хь.). – *Розэ, сэ сыкыдэмыхьэжыну сыдоклыр мы пцлантлэм. Къызжилакыым жумылэж, си ужьым унимыхьэ, пхуззэгъууцкыым, – кыжрилэц и цхьэгъусэми, а жэщым и цлэддэжыжыым Исхьэкъ и унэм кыщлэклац, и фэм шыз шыгынрэ и тхылгхэр здыдэлэ зы папкэ плацлэ цыклуэрэ флэкла кыщлэмыхыу* (Кхьуэхуэ Ц.).

Нэрылгъагыуэ кэклуэну гэклэщла зэманымрэ кэклуэну шыз зэманымрэ парадигматикэ зэхуэдэныгыэ ялэу зэрышымыгыр. Псалгэм папшлэ, адыгэбзэм (кэбэрдей-шэрджэсыбзэм) кэклуэну шыз зэманым и зэралуатэ тешэм гъэпсыклэ мыуха кыгъэхьуркыым: *сыклуэници* (кэклуэну гэклэщла зэман), ауэ *сыклуэнуци* (кэклуэну шыз зэман): *Газетым и редакторыр кеджамэ, псори кыгъанэрти клуэрт, а цыхубзыр дивизэм я тылым цылгъагъунути, Лэмал имыгъуэтмэ, Къазыхьуэ Мухьутар и фочыр кыцтэрти, ежьэрт: сыклуэници нэмыцэм сецэни, жи*лэу (Кыщокыуэ А.). *Сэ нэху зэрыцу си аншым сыклуэнуци дадэ жеслэнуц мамэ зэраубыдар* (Брат Хь.).

Нэгъуэщлэ жыплэмэ, кэклуэну зэман лэужыгыуитлыр гъэпсыклэ псоми шызэпэщлэгъува хьуркыым, ар шыхьэт тохуэ зи гугъу тцлы зэман гъэпсыклэм нэх иужьылуэклэ бзэм зыщииужьауэ зэрыщытым.

Кэклуэну шыз зэманым, кэклуэну гэклэщла зэманым кыщхьэщыкыу, адыгэзэдаибзэм хэтакыым. Абы кыдэклуэуи, кэклуэну шыз зэманым кэзыгыгъэху лъабжьэгъусэми и кьежьэклэмрэ ар кызытекларэ налуэ хуауэ шыткыым.

Бзэм дыщрохьэлэ лъабжьэужьхуэ -а, -тэ, -мэ жыхуилэхэр зэщлыгыуэ лэжыгыгъэцэм пыувэмэ, кэклуэну зэманым кэххуну зыщлэхуэпс луэхугъуэ гуэр кыгъэлъагыуэу, абы ипкэ итклэ кэклуэну зэманым и нэщэнэ гуэрхэри хэплагъуэу. *Мис, уэрэ сэрэ зэгъусэу кьэдухьынуц, флы дыдэтэкъэ дызэгъусэу зы район дыклуатэмэ, зы сымаджэц дыщылэжьатэмэ* (Шэджыхьэцлэ Хь.).

Блэкла зэманым и гъэпсыклэхэр

Адыгэбзэм блэкла зэманым и гъэпсыклэу кыхэбгъэклыну кьозэгъ лэужыгыгыуих (гъэпсыклэу хы). 1. блэкла зэман (перфект), 2. блэкла жыжэ зэман

(перфект II), 3. елыта блэкIа зэман (имперфект), 4. блэкIа жыжкэ зэфIэкIа зэман (плюсquamперфект I), 5. блэкIа жыжкэ елыта зэман (плюсquamперфект II), 6. блэкIа гьэкIэщIа зэман (аорист) [КЧЯ 2006, Урыс 2001].

БлэкIа зэман (перфект)

Мы зэманым и льябжьэр кьохьу -а, -я, -а-кIэ льябжьэужьхэр пыувээрэ. Льябжьэужь -а, -я – хэмкIэ кьэхьуа блэкIа зэманым и гьэпсыкIэм нэхьыбэу кьагьэлыагьуэ псалъэр шыжаIэм техуэу зэфIэкIа, ауэ зи Iэужьыр иджьыри екIуэкI лэжыгыгэ: *Фызым пэгуныр Iуэ ихьэпIэм деж цыIэпыхури сэхьым блынкькIэ зыкIэригьэщIацц, и IэльэщIа kIапэр илуэтурэ уафэмкIэ дэпIгьеяц* (ШэджихьэщIэ Хь.).

Льябжьэужьхэу -а-кIэ-цц жыхуиIэхэмкIэ кьэхьуа блэкIа зэманым кьегьэлыагьуэ псалъэр шыжаIэм техуэу зэфIэкIа, зи Iэужьыри иуха лэжыгыгэ. *ЗэрыжаIэжымкIэ, зы адыгэ хьыдэжэбз цыкIу гуэр, – дэтхэнэ кьуажэт ар? Хьедэхьэхь, сцыгыгунцэжакIэцц, сьтми, аркьэ-ццэ, зэгурьым езы султан дыдэр кьыхуэзац абы* (Шортэн А.).

Адыгэзэдаибзэм блэкIа зэманьыр кьыщыгьэлыгьуа хьууэ шытащ льябжьэужь -гьэ (гь) – кIэ. БлэкIа зэманьыр кьэзыгьэлыагьуэ льябжьэужь а-р адыгэбзэхэм езыр-езыру зыщаужьым кьежьа кьэхьугьэщIэщ, ар адыгэзэдаибзэ льябжьэужь -гьэ – м кьытекIауэ кьэпльыгэ хьунуц. Зи гугьу тшIы льябжьэужь -гьэ –р иджьырей бзэм шыдолъагьу *тыгьэ, бжыгьэ, кьэкIыгьэ* псалъэхэм. Мы псалъэхэр я кьежьэкIэкIэ IуэхуцIэм и блэкIа зэманым и гьэпсыкIэр кьэпльыгэ хьунуц.

БлэкIа зэманьыр кьыщыкьукIэ псалъэпкьым фонетикэ зэхьуэкIыныгьэхэр егьуэт. Псалъэпкьым пыт макьзешэ э, ы – хэр зэхьуэкIа мэхьу блэкIа I зэманьыр кьэзыгьэлыагьуэ льябжьэужь -а – мкIэ: *зд-а-цц < зды-а-цц, ськIу-а-цц < ськIуэ-а-цц.*

БлэкIа зэманым и щымыIэныгьэ гьэпсыкIэр кьохьу льябжьэужь -кьым, льябжьэпэ мь- – хэмкIэмэ. *Уэзырмэс кIэщIкIэ Iуэхум яужь ихьащ, жэщIиц махуиц мэхьури ар Iэнэгу итIысхьэу ихакьым, пIэ кIуэцI игьуалъхьэуи зы сыхьэтыпэ жэякьым* (Кьашьыргэ Хь.). (*Зажан Бабот зыхуигьазэу:*) *А уэ уи жыгхэм хуэдэу екIуу, егусьсауэ ухьуэщIа зы мьIэрысеи, зы кхьужьсеи сльэгьуакьым. Тхэ, сьмыльгьуа!* (Нало З.).

БлэкIа жыжкэ зэман (Перфект II)

Адыгэбзэм и блэкIа жыжкэ зэманьыр кьохьу блэкIа зэманым ит лэжыгыгэцIэм и псалъэпкьым льябжьэужьхэу -а, -т жыхуиIэхэр зэщIыгьуу пыувээрэ. ИыхьээнэкIэ блэкIа жыжкэ зэманым кьегьэлыагьуэ псалъэр шыжаIэм и пэ кьыхуэу зэман хэха гуэркIэ екIуэкIауэ шыта лэжыгыгэ: *Зы кьуажэ гуэрым цытсэурт зы льыжэ цыкIурэ зы фызыжэ цыкIурэ, зыкьомрэ бын ямыIэу екIуэкIурэ икIэм икIэжым абыхэм кьаэхьуацц зы кьуэ цыкIу, ар апхуэдизкIэ цыкIунитIаццэт икIи кьуишIити, ШыкьумцIий фIацат* (Iуэрыуатэ).

Елыта блэкIа зэман (Имперфект)

Елыта блэкIа зэманым кьегьэлыагьуэ псалъэр шыжаIэм ирихьэлIэу зэфIэкIа, ауэ зытепсэлыыхьыж Iуэхугьуэм техуэу шыIа шыгыкIэ е екIуэкIа лэжыгыгэ. Апхуэдэуи, елыта блэкIа зэманым кьегьэлыагьуэ куэдэр кьытригьэзэжурэ кьэхьу, шхьэусыгьуэ гуэрым кьыхэкIыу зэпыуа лэжыгыгэ. Мыхьей лэжыгыгэцIэхэм елыта блэкIа зэманым и гьэпсыкIэр кьатокI льябжьэужь -т-кIэ: *ГупымыкI и псалъэм епIыжыну и гуцхьы кьэкIыртэжым. Иыхабзэххэу абы и жэщIгьуэлэ фызыр ныщхьэбэ кьещхьэукьуэхьын дэнэ кьэна, нэгьуд хьужауэ цыст* (МафIэдз С.).

ЛэжыгыгэцIэ хьейхэм елыта блэкIа зэманым и гьэпсыкIэр кьатокI – (p)t льябжьэужьымкIэ: *Мазизэ и хьэл-цэн дахэм, и псалъэкIэ шабэм, и ерыцагьым, цхьэхэ зэримыцIэм, дэтхэнэ зьыи зэу нэлурыт зэрыхуэхьум псори дихьэхьырт, я цехьым шылажьэхэм ямызакьуэу, заводпсо зэлуцIэхэм мьзэ-мытIэу и цIэ цраIуат, комсомол комитетым яшэурэ лэжыгыгэ гуэрхэр и пцэ кьыдалъхьат, Мазизэ и Iуэхур хьарзынэу ежьауэ екIуэкIырт...* (ШэджихьэщIэ Хь.).

КIахэбзэм мы зэман лIэужьыгьуэм зыщиужьауэ шыткьым.

БлэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэман (Плюсквамперфект I)

БлэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэманыр кытокI блэкIа зэманым и гъэпсыкIэм лъабжьэужь *-гъэ, (-гъа)* пьувэурэ. БлэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэманым къегъэлыагъуэ псалъэр щыжалэм ирихьэлIэу зэрызэфIэкIрэ куэд щIа лэжыгъэ. БлэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэманым унафэ тешэм и гъэпсыкIэр игъуэт хабзэкъым. Апхуэдэуи зи гугъу тщIы зэман лIэужыгъуэм и фIэфIыныгъэ тешэм и гъэпсыкIэр лъабжьэужь *-кIэт* – кIэ кытекIыркъым.

БлэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэманым и щымыIэныгъэ категорэр къегъэлыагъуа мэху лъабжьэужь *-къым*, лъабжьэпэ *-мы–кIэ*: *Нобэ хуэдэу адыгэкъуэр ншэм пхылъэту щытыгъакъым. Къымыгъазэу щIыри хыри зэциуциу ар къэсакъым* (ЩоджэнцIыкIу А.).

Хуэбгъэфащэ зэрыхъунумкIэ, блэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэманым адыгэбзэхэр зыуэ щыщыга лъэхъэнэм зиужьащ. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и блэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэманыр къегъэлыагъуа зэрыху лъабжьэужь *-гъа* –р блэкIа зэман къегъэлыагъуа зэрыху лъабжьэужьитIу зэхэту къэпшытэ хъунуц: адыгэзэдаибзэ къежъапIэ лъабжьэужь *-гъ–рэ*, нэхъ иужькIэ къежъа блэкIа зэман къэзыгъэлыагъуэ лъабжьэужь *-а* –мрэ. Лъабжьэужьхэу *-гъэ, -а* – хэм я зэкIэлъыкIуэкIэр щыхьэт тохуэ лъабжьэужь *гъэ-р а-м* хуэмыкIуэ щыкIэ блэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэманым зэрызиужьам.

БлэкIа жыжъэ елыгIа зэман (Плюсквамперфект II)

БлэкIа жыжъэ елыгIа зэманым и гъэпсыкIэр блэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэманым кытокI лъабжьэужь *-т* пьувэурэ. БлэкIа жыжъэ елыгIа зэманым къегъэлыагъуэ лэжыгъэр псалъэр щыжалэм пэжыжъэ зэман пыхуыкIа гуэркIэ екIуэкIауэ зэрыщыгар: *ПцIэжыркъэ, уи адэм сыщIыгъуу сыщыкIуэгъам саугъэт къыдытыгъат пащам, Ар къыщыдэдэжкIэ – дыгъакIуэ, «къоджэр нэхъыжъыц» жалэ* (Шортэн А.).

БлэкIа гъэкIэщIа (Аорист)

БлэкIа гъэкIэщIа зэманыр кытокI унафэ тешэм ит лэжыгъэцIэм и псалъэпкъ блэкIа зэман, къэкIуэну зэман къэзыгъэлыагъуэ лъабжьэужь *-а, -ну* жыхуиIэхэр зыпымытым, щыIэныгъэ къэзыгъэлыагъуэ лъабжьэужьхэу – *щ, -р(и)* пьувэурэ.

БлэкIа гъэкIэщIа зэманым къегъэлыагъуэ псынщIэу, напIэзыпIэм, зэрымыщIэкIэ къэхъуа лэжыгъэ, абы кыхэкIкIэ ит зэманым и нэщэнэ гуэрхэри хыболъагъуэ: *Ар (тхыгъэр) зытеухуар **къакIуэц**, зытха щIалэ кIыхъышхуэр **къигъэутри**, джыдэ цIыкIу иIыгъыу кърхуэкIат, зы нэшым къыщIухум, адрейм щIэлъадэу* (Къэрмокъуэ М.).

Адыгэбзэхэм я блэкIа гъэкIэщIа (аорист) зэман гъэпсыкIэм хэлъ щхьэхуэныгъэхэм теухуа упщIэхэр нэсу джа хъуауэ, арэзы укыищIу зэхэгъэкIа хъуауэ щыткъым, мы зэман гъэпсыкIэм адрей зэман лIэужыгъуэхэм ядомылыагъуэ щхьэхуэныгъэ куэд хэлъщ. КъыжыIэн хуейщ адыгэбзэхэм елэжъа языныкъуэ щIэныгъэлIхэм блэкIа гъэкIэщIа (аорист) зэман лIэужыгъуэр къызэрыхамыгъэкIыр. БлэкIа гъэкIэщIа (аорист) зэманыр кыхэзыгъэкI щIэныгъэлIхэри мыбы и нэщэнэ нэхъыщхьэхэм зэхуэмыдэу топсэлъыхь. БлэкIа гъэкIэщIа зэман лIэужыгъуэм и цапхьэу щIэныгъэлIхэм къагъэлыагъуэ *кыхьэри, ирихуц, къыпIыст, къытщыуцIт* жыхуиIэм хуэдэхэр: *Хамэхьэ **кыхьэри** унэхьэр **ирихуц**; Хэт и лей **къыпIыст**; Сьт хуэдэ гуауэр **къытщыуцIт**, н.*

Языныкъуэ щIэныгъэлIхэр зэрэпIымыкIэ, аористыр лэжыгъэцIэм и псалъэпкъ къабзэщ. Ауэ мы епIыкIэм арэзы утехуэну гугъуш, сыту жыпIэмэ ар бзэм къызэригъэсэбэпыр лэжыгъэцIэм и щхьэ гъэпсыкIэхэр иIэуш, лэжыгъэцIэм и лъабжьэукъым.

Зи гугъу тщIа лэжыгъэцIэ гъэпсыкIэхэр убгъуауэ къыщагъэсэбэп IуэрыIуатэм и усэбзэ жьабзэхэм. Псалъэм папщIэ: *Насытынишэу зэман бзаджэм **дыхалъхуэц**, Мылъхуэжыныр пщыжъ-уэркъыжъхэм **къахукIуэ*** (Адыгэ уэрэдыжь).

Мыпхуэдэ гьэпсыклэм ит лэжыгыгээцлэ лэужыгыгуэхэр мымащлэу кыыцаггэсэбэп луэрыуатэм и жыпхэм тету тхэ адыгэ усаклуэхэм, джэгуаклуэхэм я бзэми. Псалгэм папщлэ: *Гужьеиггуэишхуэм укыыбггээдашири, уи анэжэ тхэмыщклэм укыыгуаишэжжэ. Клэрахуэ флэцлэжыыр цэ зэтебггэуаиц, Зэ уэггэуэ закгуэти Алихъаныр епсыхыжжэ* (Пащлэ Б.).

Мыпхуэдэ гьэпсыклэм ит блэкла гьэклэщлэ зэман (аорист) лэужыгыгуэм куэдрэ урохэллэ псалгэ зэпыщлэ гупым е аорист зэпыщлэ гупым хэту. Бзэм мымащлэрэ кыыщыдоггэсэбэп *сыклуэиц, сеплэиц, сыхтэиц* жыхуилэхэм хуэдэ аорист зэпыщлэ гуп зыхэт зэхэлгыклэхэр.

Аорист зэпахэм, аорист зыхэт псалгэ зэпыщлэхэм я шапхэ:

1. *Сыхтэиц сыхтэри сыувылэжаиц, еплэиц еплэри жилаиц, кыклухыиц кыклухыри кьеклуэллэжаиц* жыхуилэ зэхэлхэм етлуанэ аорист зэпыщлэ кыыщоклуэ. *Кьуажжэклэ дыдэм деж зы фызыжэ цыклу цыпсуэти, еплэиц еплэри, зэкуэфгуэужаиц, жи:* – *Тобэ, тобэ, мы жылэр Кьуишжэ Цыклу зэтрилыггэу хэт и флэиц хьунт!* – *жилэри* (луэрыуатэ). *Щамыггэуэтиххэм, я адэр шэсиц аби, нысэ хьун кыллыхыгуэрэ, дуней хурейр кыклухыиц кыклухыри, имыггэуэту кьеклуэллэжаиц* (луэрыуатэ).

2. *Сыклуэиц аби кьэсхыиц, итхиц аби ириггэхыиц* жыхуилэхэм хуэдэ зэхэлхэр нэхыбэу кьеклуэклэ жьабзэм кыыцаггэсэбэп. *Шыри клэлгыклуэурэ и льябжыиплэри флигганэиц аби екгуаиц* (Клэрэф М.).

3. *Сыклуэиц, сеплэиц* жыхуилэхэм хуэдэ аорист зэманым ит лэжыгыгээцлэмрэ зэзыпх псалгээпыщлэ *аби* жыхуилэмрэ зэпыгуэу кьэхуа зэхэлгыклэхэр мыхьэнэклэ кыыщхыщыккыым зэзыпх псалгээпыщлэ *-и* – клэ зэклэлгыкхыа аорист гьэпсыклэм и мыхьэнэм: *сыклуэиц аби кьэсхыиц = сыклуэри кьэсхыиц, сыхтэиц аби стхыиц = сыхтэри стхыиц. Тырку пацтыхыыр кыыцлэуицлэрт абы, цхьэггэусэклэ кыыхуэйуэ, фыз тлоцлырыицлэ илэ нэтми, ар цызэхэсхым, сышэсри Болэтей сыклуэиц аби, кьэсхыиц Аружану льяггэур. (Нало З.). «А ууей, ууей, цхьэггэуэиц, мы ди ефэндым зэхыицлыхэ псори» жыслэиц сугуки, сэри сыклуэри сыхтэицыжаиц, ауэрэ а луэхур слэцлэгуэицыкыыжаиц (Шортэн А.)*

Бзэм куэдрэ дыщрохьэллэ дызытепсэлгыкхэ зэхэлгыклэр (*сыклуэиц аби, стхыиц аби* жыхуилэхэм хуэдэхэр) гьэпсыклэ мыуха зилэ аористклэ гьэгуггуауэ кьаклуэу: *Сеуэиц аби, сьэдэкли Бггэжэ Тлысэглэ жыхуалэм сыклуаиц, нартыху хьэдзэишхуэ зыкьом зыфлэщлэ вакьэнжэй лэрамэишхуэ слыгыу (Шортэн А.). Удз тхэмтэр игьэныщклуу, хэгупсысхыауэ цыс Кьубатиш лэмыщлэиз кыыхуишхыиц, абдежым Жихарь тесабыржэиц аби кыыциудри гьаиц* (Мэлбахуэ Е.).

4. *Клуэиц цлэлэри кыыхыиц, цлыхыиц унэми тлысаиц, клуэиц кыыхыри кьэжэжэжаиц* жыхуилэхэм хуэдэ аорист зэхэлгыклэхэр зэхуэдэу кыыцаггэсэбэп кьеклуэклэ жьабзэми литературэ жабзэми. Псалгэм папщлэ: *Кыыхуэпэж, сыхтэиц кыыккыиц узыцыгуэ хьун зыллэ лэрызехэ зыцлиггэиц, плалгэ лэпкэ кыыхымыггэкыжэуи клуэиц, Гуацэкгарэ кыыхыри ежэжэжаиц!* (Хьэх С.). *Долгыиц езым и луэхур кыыганэри клуэиц, районьым дохутыр кыыхуришири кьриггэлэзаиц* (Хьэх С.). *Хьыдэжэбзыр бггэдыхыиц Николаи хуишияиц джатэр, подносым зэрилгу (Шортэн А.). Сыху флыт, сыху флыт, си хьыдэжэбз, узынишэ укыызэрыклуэжар, – жицлэиц лыжымы зыхуиггэзаиц Линэ. (Кьашырггэ Хь.). Тхэ солуэ, ди напэр теклауэ кыыцлэкыиц – жицлэиц Иналыкыуи, ицлэри имыщлэжэу, кьижыкху цлидзаиц* (Журт Б.).

Клуэиц цлэлэри кыыхыиц жыхуилэхэм хуэдэ зэхэлгыклэхэр бзэм шаггэзацлэ кьалэнклэ, я мыхьэнэклэ тохуэ *цлэлэр клуэиц аби кыыхыиц, цлэлэр клуэри кыыхыиц* жыхуилэхэм. Нэггэуэщлэ жыпшэмэ, зэмыхьэнэггэуэ зэхэлгыклэу аорист гьэпсыккыиц кьохуэ.

Гулгытэ шхьэхуэ хуэщлыи хуэйиц зэклэлгыкыыкхэ псалгээпыщлэ *-и*-клэ зэклэлгыкхыауэ льябжэггэусэ *-р* зыпымыт гьэпсыклэ мыуха зилэ аорист лэужыгыгуэм. Мыпхуэдэ гьэпсыклэр нэхэ убггуауэ кыыцаггэсэбэп луэрыуатэм и жаныр усэбзэклэ гьэпсахэм: *Дянэ бажыблэ дыкылыхуи, Хьэмэшипхэм дзыггуаиц жици дыкыиши, Уи клэр бггэсысу цэдэж кьуаггым укыыкгуэуэкли, Ди льякгуэхэр клэцлэиц, удз кыырым дыхэни, Сэр флэклэ кыыумыганэу пыхыггэиц* (луэрыуатэ).

Льябжьэужь *-и* зыпыт аорист гъэпсыкIэхэу *сыкIуэри, сеплэри, стхыри* жыхуйIэм хуэдэхэр блэкIа зэфIэкIа зэманым епхауэ, абы щыгъуу бзэм куэд дыдэрэ кыщагъэсэбэп. Зэзыпх льябжьэужь *-и* – р льябжьэгъусэ *-р* – м поувэ, абы кыхэкIкIэ гъэпсыкIэ мыуха зиIэ блэкIа гъэкIэщIа зэманым и кызытекI псалъэпккъым пыт макъзешэхэр хъума мэхъу.

Зэзыпх льябжьэужь *-и-р* зыпыт аорист гъэпсыкIэр нэхьыбэрэ блэкIа зэфIэкIа зэман къэзыгъэлыагъуэ лэжыгъэцIэм и пэ иту къокIуэ. *Сыт кытыщыцIар?* – *жалэурэ, Хъуэжэ кытыщIэупцIэхэм жэуап яримытыжурэ зыкъомрэ къэкIуа иужькIэ псори кызызэхуишэри, кыхэкIыищ:* – *Жэмыхъэт махуэ хъун, иджыри пIэм сыгъуэлъа щыкIэккъым, кызызэузынур щIэркъым, – жиIэри (IуэрыIуатэ). Хъыджэбзищыр жьэгу пащхъэ мафIэм кIуэри бгъэдэуащ, къуаншагъэ зылэщIэщIа хъыджэбз цIыкIу хуэдэ, абыхэм я Iэхэр ехъэхаци загъэзыжу цытыц (ШоджэнцIыкIу I.).*

БлэкIа зэфIэкIа зэманымрэ аорист гъэпсыкIэм ит лэжыгъэцIэмрэ якум псалъэухам и пкъыгъуэ нэгъуэщIэхэри кыщыдэуэр мащIэккъым: *Фаризэт жылэм дэкIуэдыкIащ, ар хамэ къуажэ гуэрэм кIуэри зи закъуэу псэу фызыжъ гуэрэм и цхъэр ирихъэлIащ (Журт Б.). Бырымбыху гуфIащ, фIыщIэр кызыщIэпс и нэ къабзитIымкIэ ар Джырандыкъуэ еплэри Щэлэуат и дежкIэ еплэкIыжсац (МафIэдз С.).*

Зэрытлыагъуши, блэкIа зэфIэкIа зэманым ит лэжыгъэцIэр аористым яужь иту, е абыхэм я зэхуакум псалъэухам и пкъыгъуэ нэгъуэщI гуэрхэр дэту къокIуэ.

Авторым и къэIуэтэныгъэмрэ псалъэ занщIэрэ псалъэухам щыхэттым и деж, зи гугъу тщIа гъэпсыкIэхэм зэкIэлъыкIуэкIэ зэпрыгъэза яIэу къэкIуэнкIэ хъунуш: *Инал къэтэджсац: СынокIуэ, сынокIуэ, – жиIэри (КIыщокъуэ А.) Шыгъу зышхахэр псы ефэжыну кытыщIэкIынищ, – цухац Жыраслээн, псалъэмакъ кIыхъыр сымаджэм кехъэльэкIын кыфIэщIэри (КIэрэф М.).* ГъэпсыкIэ мыуха зиIэ блэкIа гъэкIэщIа зэманым (зэзыпх льябжьэужь *-и* зыпытыр) блэкIа зэманым и гъэпсыкIэ зэхуэмыдэхэми щыгъуу къэкIуэнкIэ хъунуш:

БлэкIа жыжъэ зэману: *ИужькIэ езыри щегъуэжса цхъэкIэ, хухэщIыхъыжын цыIэтэккъым: КIасэу щегъуэжсат ар, – жиIэц, кыригъаажьэри и адэшыпхъур щигъэкъуанишэм дригъэдэIуат Иринэ (Кхъуэхъу Ц.).*

Мыдрей блэкIа зэман лIэужыгъуэхэм нэхэрэ гъэпсыкIэ мыуха зиIэ блэкIа гъэкIэщIа зэманым нэх пасэу къежъауэ зэрыщытым и щыхъэту къэплъытэ хъунуш абы и къежъапIэр гъэпсыкIэ нэщэнэ цхъэхуэ зимыIэ лэжыгъэцIэ псалъэпккъыр арауэ зэрыщытри, бзэм къалэн куэд зэрышигъэзащIэри.

ГъэпсыкIэ мыуха зиIэ блэкIа гъэкIэщIа зэманым зэпызыщIэ зэхэлъыкIэ куэд къегъэхъу:

1) гъэпсыкIэ мыуха зиIэ блэкIа гъэкIэщIа зэманым ит лэжыгъэцIэ + блэкIа зэфIэкIа зэманым ит лэжыгъэцIэ (*тIысри цысац*): *Чэрим, зыри жимыIэу, нэмэз зыщI лIыжъым зэран хуэмыхъуу, тIысри цысац, лIыжъым и нэмэзыр цухъу (Шоргэн А.);*

2) гъэпсыкIэ мыуха блэкIа гъэкIэщIа зэманым ит лэжыгъэцIэ + блэкIа жыжъэ зэманым ит лэжыгъэцIэ (*сытIысри стхат*): *ЩыцIыкIум зыцигъэпскIыу цыта архъуанэм деж нэсри къэувылащ, тIэкIурэ цыта нэужь, и льякъуитIыр бгыжъэм едзыхауэ тIысри тутын щигъэнат (ШэджыхъэщIэ Хь.);*

3) гъэпсыкIэ мыуха блэкIа гъэкIэщIа зэманым ит лэжыгъэцIэ + блэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэманым ит лэжыгъэцIэ (*сытIысри стхыгъац*): *Ар цымыхъум парткомым и секретарыр тIысри лъэлу тхыль итхыгъац лэжыгъэм къытрагъэкIыну (ШэджыхъэщIэ Хь.).*

КIэух псалъэ

Зэрытлыагъуши, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и зэман категорэр пIалъэ кIых хъуауэ ядж. Абы елэжъа дэтхэнэ зы щIэныгъэлIми езым и еплъыкIэрэ

и бгъэдыхэкIэрэ иIэжц. Абы кыыхэкIкIэ, зэтэхуэркыым дэтхэнэ зы лэжыгыгэми кышщыхэгэкIа зэман гъэпсыкIэхэм я бжыгъэри, кыагъэсэбпа бзэщIэныгъэ фIэщыгыгэццэхэри, зэман гъэпсыкIэхэм я кээхьукIэ нэхьышхьэу кыагъэлэгъуахэри.

Иджырей кэбэрдей-шэрджэсыбзэм иIэу кэлъытэн хуей зэман гъэпсыкIэхэр нэхь IупщIу кыыхигъэкIауэ убж хьунушц щIэныгъэлI Къумахуэ М.И. Ар зэрэплъымыкIэ, кэбэрдей-шэрджэсыбзэм и зэрэIуатэ тешэм иIэщ зэман гъэпсыкIэу 9 [КЧЯ 2006].

1. **Ит зэман** (*щIалэр лэжыапIэ макIуэ, сабийр кэуушауэ маишхэ, хьыджэбзым курыт еджанэр кыеух*).

2. **КээкIуэну зэман**

2.1. **КээкIуэну гъэкIэщIа зэман** (*щIалэр лэжыапIэм кIуэщц, сабийр шхэщц, хьыджэбзым курыт еджанэр кыуухыщц*).

2.2. **КээкIуэну щыз зэман** (*щIалэр лэжыапIэм кIуэнушц, сабийр шхэнушц, хьыджэбзым курыт еджанэр кыуухынушц*).

3. **БлэкIа зэман**

3.1. **БлэкIа зэман (перфект)** (*щIалэр лэжыапIэм кIуащ, сабийр шхащ, хьыджэбзым курыт еджанэр кыуухащ*).

3.2. **БлэкIа жыжбэ зэман (перфект II)** (*щIалэр лэжыапIэм кIуат, сабийр шхат, хьыджэбзым курыт еджанэр кыуухат*).

3.3. **Елыгыта блэкIа зэман (имперфект)** (*щIалэр лэжыапIэм кIуэт (кIуэрт), сабийр шхэт (шхэрт), хьыджэбзым курыт еджанэр кыуухт (кыуухырт)*).

3.4. **БлэкIа жыжбэ зэфIэкIа зэман (плюсквамперфект I)** (*щIалэр лэжыапIэм кIуэгъащ, сабийр шхэгъащ, хьыджэбзым еджанэр кыуухыгъащ*).

3.5. **БлэкIа жыжбэ елыгыта зэман (плюсквамперфект II)** (*щIалэр лэжыапIэм кIуэгъат, сабийр шхэгъат, хьыджэбзым еджанэр кыуухыгъат*).

3.6. **БлэкIа гъэкIэщIа зэман (аорист)** (*щIалэр лэжыапIэм кIуэщ тхылъыр кыихьри кээкIуэжаш, сабийр шхэщ зыхуанэри, еджанэр кIуащ, хьыджэбзым еджанэр кыуухи аби, дохутыру лэжыаш*).

ТегъэщIапIэхэр Список источников

Бижоев 2021 – *Бижоев Б.Ч.* Категория времени и проблема систематизации временных форм в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2021 № 3 (50). С. 33–41.

Борукаев 1932 – *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарский Облнаниздат, 1932. 142 с.

ГКЧЯ 1957 – *Грамматика* кабардино-черкесского литературного языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 240 с.

ГКЧЯ 1970 – *Грамматика* кабардино-черкесского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970. 216 с.

КЧЯ 2006 – *Кабардино-черкесский язык* в 2-х т. Т. I Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.

Налоев 1956 – *Налоев А.Х.* Категория времен кабардино-черкесского языка: автореферат дис... насоискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик, 1956. 22 с.

Ногмов 2020 – *Ногмов. Ш. Б.* Исторические и филологические труды. Том III. Начальные правила кабардинской грамматики. Начальные правила атыхейской грамматики (в вариантах). Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2020 198 с.

Турчанинов, Цагов 1940 – *Турчанинов Г. Ф., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. 160 с.

Урыс 2001 – *Урыс Хь.Ш.* Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ, морфемикэ, морфологии. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н.

Яковлев, Ашхамаф 1941 – *Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1941. 464 с.

Яковлев 1948 – Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 372 с.

References

BIZHOEV B.CH. Kategoriya vremeni i problema sistematizatsii vremennykh form v kabardino-cherkesskom yazyke [The category of time and the problem of systematization of temporary forms in the Kabardian-Circassian language] IN: *Vestnik KBIGI*. 2021. № 3 (50). P. 33–41. (In Russian)

BORUCAEV T.M. Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka [Grammar of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Kabardino-Balkarskiy Oblnatsizdat, 1932. 142 p. (In Russian)

Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 240 p. (in Russian)

Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka. Chast' I. Fonetika i morfologiya [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language. Part I. Phonetics and morphology]. M.: Nauka, 1970. 216 p. (In Russian)

Kabardino-cherkesskiy yazyk v 2-kh t. T. 1 Sozdaniye pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya i sintaksis [Kabardino-Circassian language in 2 volumes. Vol. 1 Writing, phonetics and phonology, morphology and syntax]. Nalchik: Izdatel'skiy tsentr El'-Fa, 2006. 549 p. (In Russian)

NALOYEV A.KH. Kategoriya vremen kabardino-cherkesskogo yazyka: avtoreferat dis... na soiskaniye uchennoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Category of the times of the Kabardino-Circassian language: abstract of thesis ... for the degree of candidate of philological sciences]. Nalchik, 1956. 22 p. (In Russian)

NOGMOV SH.B. Istoricheskiye i filologicheskiye trudy. Tom III. Nachal'nyye pravila kabardinskoy grammatiki. Nachal'nyye pravila atykheyskoy grammatiki (v variantakh) [Historical and philological works. Volume III. The initial rules of Kabardian grammar. The initial rules of the Atyhei grammar (in variants)]. Nal'chik: IGI KBNTS RAN, 2020. 198 p. (In Russian)

TURCHANINOV G.F., TSAGOV M. Grammatika kabardinskogo yazyka [Grammar of the Kabardian language]. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1940. 160 p. (In Russian)

URY S H'.SHCH. Adyge grammatike. Fonetike, morfemike, morfologie [Kabardino-Circassian grammar. Phonetics, morphemics, morphology]. Nalchik: El'brus, 2001. 232 p. (In Kabardino-Circassian)

YAKOVLEV N.F. Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948. 372 p. (In Russian)

YAKOVLEVN.F., ASHKHAMAF D.A. Grammatika adygejskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the Adyghe literary language]. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. 464 p. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Хэжь М.Р. – филологие щ[эныгъэхэмк]э кандидат, адыгэбзэ секторым и щ[эныгъэ] лэжьаклуэ.

Информация об авторе

М.Р. Хежева – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

M.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 81'1

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-93-100

«БЗЫЛЬХУГЪЭ» КОНЦЕПТЫМ АДЫГЭБЗЭМ ШИИЭ КУПШЦІЭ НЭХЫЩХЪЭХЭМРЭ КІЭРЫДЗЭНХЭМРЭ

Шэрджэс Заретэ Валерэ инхъу

Гуманитар кьэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушцІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Кьэбэрдей-Балъкьэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым) и филиал, Налшык, Урысей, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© Шэрджэс З.В., 2022

Аннотаци. Мы статьяр теухуаш «бзыльхугъэ» концептым и лексикэ-мыхьэнэ шІыпІэр адыгэбзэм кьызэрыщыгъэлъэгъуам. Лэжыгъэм кьыщыхутащ «бзыльхугъэ» концептым и купшцІэ нэхыщхъэхэмрэ кІэрыдзэнхэмрэ. Кьэбэрдей-шэрджэс лингвокультурэм «бзыльхугъэ» концептым и купшцІэр нахуэу, нагуэу, дахуэу зэфІэувауэ шыгъщ. Ар гъэнэхуа зэрыху пкыгыуэхэр нэсу зыхэпшцІэфынуш и теплъэкІэ, ІэфІагъ-дыджагъ зэрызыхищІэмкІэ, бзыльхугъэм и фэм лъэлэсхэр зэрызыхищІэхэмкІэ, мэ кьызэрыщІыхъэ шІыкІэмкІэ, дуней кьэхъукъащІэхэр зэрызыхищІэ метафорэхэмкІэ, псэушхъэхэмкІэ, кьэкІыгъэхэмкІэ, цІыхум и хьэл-шэнхэр мыпсэу предметхэм, псэушхъэхэм, кьэкІыгъэхэм, н. ехьэлІэныгъэ Іуэхугъуэхэм зэрахушытымкІэ. Бзэцэнхабзэм идж «бзыльхугъэ» концептым и купшцІэр кьышахутэкІэ, ар кьат-кьатурэ «кьызэфІоувэ». А кьат зэрызетепшІыкІэхэр кьэгъэлъэгъуаш мыхьэнэ кІэрыдзэнхэмкІэ: гурыІуэныгъэ, шІэнгъуазэ, интерпретаци жыхуиІэхэмкІэ. ШІэнгъуазэ кьатым «бзыльхугъэ» концептым мышхуэдэ ІуэхуеплъыкІэхэр хегъэхъэ: «хьэл-шэныр», «дуней тетыкІэр», «теплъэр», «жылагъуэ статусыр».

Зрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, адыгэбзэ гупсысэкІэ, лингвокультурэ, бзыльхугъэ, концепт

Цитатэ кьызэрыхъэхын: Шэрджэс З.В. «Бзыльхугъэ» концептым адыгэбзэм шіиэ купшцІэ нэхыщхъэхэмрэ кІэрыдзэнхэмрэ // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 93–100. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-93-100

Original article

DESCRIPTION OF THE CORE AND PERIPHERY OF THE CONCEPT “WOMAN” IN THE KABARDINO-CIRCISSIAN LANGUAGE

Zareta V. Cherkesova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© Z.V. Cherkesova, 2022

Annotation. The article is devoted to the consideration of the lexical-semantic field of the concept "woman" in the adyghe linguistic consciousness. The relevance of the study of this concept is due to the significance in the cognitive space and the conceptual system of the kabardino-circassian language, as well as its importance for understanding the linguistic picture of the world.

The content of the core and periphery of this concept is determined. It is shown that in the kabardino-circassian linguoculture the core of the concept "woman" is a conceptual feature, objectified by the lexical unit *tslyhubz* (*bzylkhug'e*) "woman", and is distinguished by vivid imagery. The figurative component of the core is explicated by all types of perceptual (visual, gustatory, tactile, olfactory) images and numerous cognitive images (metaphorical images of natural phenomena, zoomorphic, phytomorphic, anthropomorphic images). The periphery is formed by several layers: information, encyclopedic, interpretation. Analysis of the conceptual, figurative and value components of the concept under study allows us to speak about the dominance in the adyghe linguistic consciousness of the aspect "character and behavior", followed by "appearance", "intelligence level" and further - the "social status" of a woman.

The study showed that the concept of "woman" is a bright and communicatively relevant element of the adyghe concept sphere, containing universal and national-cultural specific properties.

Keywords: kabardino-circassian language, adyghe linguistic consciousness, linguistic culture, linguistic picture of the world, woman, concept

For citation: Cherkesova Z.V. Description of the core and periphery of the concept "woman" in the kabardino-circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 93–100. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-93-100

Научная статья

ОПИСАНИЕ ЯДРА И ПЕРИФЕРИИ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Черкесова Зарета Валериевна

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© З.В. Черкесова, 2022

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексико-семантического поля концепта «женщина» в адыгском языковом сознании. Актуальность изучения данного концепта обусловлена значимостью в когнитивном пространстве и концептуальной системе кабардино-черкесского языка, а также его важностью для осмысления языковой картины мира.

Определено содержание ядра и периферии данного понятия. Показано, что в кабардино-черкесской лингвокультуре ядро концепта «женщина» составляет концептуальный признак, объективируемый лексической единицей *цлыхубз* (*бзыльхубзэ*) «женщина», и отличающийся яркой образностью. Образный компонент ядра эксплицируется всеми типами перцептивных (зрительных, вкусовых, тактильных, осязательных, обонятельных) образов и многочисленными когнитивными образами (метафорическими образами природных явлений, зооморфными, фитоморфными, антропоморфными образами). Периферия образуется несколькими слоями: информационным, энциклопедическим, интерпретационным. Анализ понятийного, образного и ценностного компонентов исследуемого концепта позволяет говорить о доминировании в адыгском языковом сознании аспекта «характер и поведение», за которым следуют «внешность», «уровень интеллекта» и далее – «социальный статус» женщины.

Исследование показало, что концепт «женщина» является ярким и коммуникативно релевантным элементом адыгской концептосферы, содержащим универсальные и национально-культурные специфические свойства.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, адыгское языковое сознание, лингвокультура, женщина, концепт

Для цитирования: Черкесова З.В. Описание ядра и периферии концепта «женщина» в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 93–100. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-93-100

Бзэщэнхабзэ концептхэр бзэм и занэ щхьэхуэхуэ бзэщлэныгьэм зэрыхэтымкIэ кьэхутэныгьэхэр ирагьэкIуэкIыныр мыхьэнэшхуэ зиIэ Iуэхугьуэу икIи щэнхабзэм дежкIи нэхь щлэщыгьуэ хьунухэм ящыщ зыуэ кьалыгытэ. Апхуэдэу щыт пэтми, щыIэщ я кьэхутэныгьэ щыпIэхэми, зыхыхьэ щэнхабзэ зэгухьэныгьэхэми елыгытауэ мыхьэнэ хэха зиIэ концептхэр. Апхуэдэ бзэщэнхабзэ зэмылIэужыгьуэхэм я льябжьэу кьокIуэ, дэ дызэрепльымкIэ, «бзыльхугьэ» концептыр. Ар льяпкь щэнхабзэ Iуэхугьуэ ин дыдэ кьызэщлэзыубыдэщ икIи абы кьыхощ льяпкьгупсысэ щхьэхуэ щыIэхэм я льякIуэхуэ адыгэбзэ гупсысэкIэ зиIэхэр. Зи гугьу тщIы мы концептым хохьэ льяпкь щэнхабзэ пкьыгьуэ щхьэхуэ пыухыкIауэ ар езыр кьызыхэхьукIар. Абы ипкь иткIэ «бзыльхугьэ» концептым и кьэхутэныгьэм Iэмал кьыдитынущ зыми емыщхь икIи зыми хуэмыдэ льяпкьщэнхабзэ щлэныгьэ зэрыщыIэр кьэдгьэлъэгьуэну. А льяпкьщэнхабзэ щлэныгьэм кьегьэлъагьуэ бзэхэм яIэ ухуэкIэ зэмылIэужыгьуэхуэ мыхьэнэ нэхьыщхьэ пыухыкIа зиIэхэр. Абы щыгьуэми льяпкьщэнхабзэм ехьэлIауэ льяпощхьэпо щхьэхуэхэр кьызыхэкI щхьэусыгьуэхэр (дунейр пэжу, нэIурыту кьэзыгьэлъагьуэ сурэтхэм емыщхьхэр, кьэхьункIэ узьпэмыплэхэмрэ а Iуэхугьуэм кьрикIуэнухэмрэ зэтемыхуэныгьэхэр) щэнхабзэ зэмылIэужыгьуэхэм щигьэтэмэмыжыфу икIи щигьэээкIуэжыфу ар щытщ.

Кьэбэрдэи-шэрджэс бзэщэнхабзэм хыхьэ «бзыльхугьэ» концептым и купщлэм кьыщыбгьуэтыфынущ концептым и нэщэнэм, лексикэм и занэм объект хуэхьу *цIыхубзым* (*бзыльхугьэм*) хэпщауэ хэлъ щытыкIэхэр – ар цIыхубзщ, цIыху льяпкьым щыщ; биологие ильэныкьуэкIэ бзыльхугьэщ (цIыху льяпкьым щыщ, хьуагь-бзагькIэ цIыхухьум хуэмыдэ); и ныбжьыр, зэрыхьу ильэс бжыгьэр; балигьыпIэ ныбжьым нэсыху *хьыджэбз цIыкIу*, *пцацэжьей*; лъхуэн-пIэн ныбжьым нэсамэ *хьыджэбз*, *пцацэ*; лъхуэн-пIэн ныбжьым ит, и Iэпкьльэпкьым и зыужьыкIэ-зэхэлъыкIэкIэ дэкIуэным, лъхуэн-пIэным хуэхьэзырмэ, абы щыгьуи *хьыджэбз*, *пцацэ*; хьыджэбзыгьэр фIэкIуэда иужь, дзыгьуэджанэр щыха хьуа иужькIэ – *цIыхубз*.

Мыпхуэдэ нэщэнэхэр зыхэлъ лексикэ занэ *цIыхубз* (*бзыльхугьэ*) жыхуиIэр псалъалъэ дефиницэхэм кьыщыгьэлъэгьуащ – псалъэгьэнахуэхэм, щлэнгьуазэ псалъалъэ псоми, мы кьэдгьэлъагьуэ лэжыгьэм кьыщыдгьэсэбэп псалъэтх хэкIыпIэхэри хэтыжу. ЦIыхубзым и Iэпкьльэпкь зэхэлъыкIэм, психикэ ильэныкьуэкIэ цIыхубз организмэм иIэ хэгьэщхьэхукIыныгьэхэм е и гьащIэ кьекIуэкIыкIэм щыщ Iыхьэхэм псалъалъэхэм нэхь мащIэрэщ и гугьуэ зэрыщачIыр, ищхьэкIэ «бзыльхугьэ» концептым и нэщэнэ дзытепсэлъыхьэхэм абыхэм нэхь убгьуауэ дыщIагьужыфынурэ пэт.

IщхьэкIэ кьызэрыщыгьэлъэгьуащи, «бзыльхугьэ» концептым и купщлэр нахуэу, наIуэу, дахэу зэфIэувауэ щытщ. Ар гьэнэхуа зэрыхьу пкьыгьуэхэр нэсу зыхэпщIэфынущ и тепльэкIэ, IэфIагь-дыджагь зэрызыхищIэмкIэ, бзыльхугьэм и фэм лэIэхэр зэрызыхищIэхэмкIэ, мэ кьызэрыщIихьэ щIыкIэмкIэ, дуней кьэхьукьащIэхэр зэрызыхищIэ метафорэхэмкIэ, псэущхьэхэмкIэ, кьэкIыгьэхэмкIэ, цIыхум и хьэл-щэнхэр мыпсэу предметхэм, псэущхьэхэм, кьэкIыгьэхэм, н. ехьэлIэныгьэ Iуэхугьуэхэм зэрахушытымкIэ.

Бзэщэнхабзэм идж «бзыльхугьэ» концептым и купщлэр кьыщахутэкIэ, ар кьат-кьатурэ «кьызэфIоувэ». А кьат зэрызэтепщIыкIхэр кьэгьэлъэгьуащ мыхьэнэ кларыдзэнхэмкIэ: гурыIуэныгьэ, щлэнгьуазэ, интерпретацэ жыхуиIэхэмкIэ.

ГурыIуэныгьэ кьат ильэныкьуэкIэ «бзыльхугьэ» концептым хохьэ щытыкIэ зэхуэмыдэхэр, цIыхубзым и тепльэр нэхь нэIурыту кьэзыгьэлъагьуэхэр: «ар цIыхуш», «бзыльхугьэщ», «хьульхугьэм пэщытырщ», «хьульхугьэм и щхьэгьусэщ, анэщ», «бын кьызыщIэхуэрщ», «унэгуащэщ», «сабий кьэзылхуу гьащIэм пезыгьащэщ», н.

Щэнгъуазэ кьатым «бзыльхугъэ» концептым мыпхуэдэ ІуэхуеплъыкІэхэр хегъэхьэ: ныбжьыр, унагъуэ исын-имысыныр, лэжыгъэ ІэнатІэ зыбгъэдэтыр, жылагъуэ статусыр, н.

«Бзыльхугъэ» концептым и интерпретацэ кьат губгъуэр нэхь убгъуаш, адреїхэм елытауэ. Мыбы кьызэщІеубыдэ: цыхубзым хуашцІ пщІэр, сыт шыгъуи хэти сэбэп хуэхуну зэрышытыр, кьупа-щыпауэ, зэщІэкъуауэ псэуныр, псори зэхуэгъэдэныгъэм хущІэкъуныр, символікэ, мифологіе шытыкІэхэр.

Щэнхабзэ ильэныкьуэкІэ «бзыльхугъэ» концептым и купщІэмрэ мыхьэнэ кІэрыдзэнхэмрэ щхьэхуэ-щхьэхуэу зэпкьрыпхыу шытмэ, абы хьболъагъуэ кьэбэрдэї-шэрджэсыбзэм цыхубзым фІыкІэ тепсэлъыхьынри нейтральнэу зэрыхушытхэри кьрагъэлягъуэу псалъэ куэд зэрыхэтыр.

«Бзыльхугъэ» концептым и лексікэ-мыхьэнэ щыпІэр адыгэбзэм кьызэрышыгъэлыгъуар

«Бзыльхугъэ» концептыр купщІэшхуэ зыпкьрыль икІи зи мыхьэнэр псом япэу кьэхутауэ джын хуейуэ бзэщэнхабзэм кьыгъуэу Іуэхугъуэщ. Ар кьулейуэ зэхэхуэнащ икІи когнитивнэу, перцептивнэу зэпкьрыль образщ. Абы хохьэ цыхубзым и шытыкІэ псори кьызэщІэзыубыдэ Іуэхугъуэ кІэрыдзэн зэмылІэужыгъуэхэр (и акьылым кьызэритІэсымкІэ): псори зригъэщІэну фІэфІу зэрышытыр, и ІуэхуеплъыкІэхэр зэщхьэщигъэкІауэ, куэди кьызэщІиубыдэу зэрышытыр. Абы кьышыгъэлыгъуаш интерпретацэ губгъуэм и кІэрыдзэн лІэужыгъуэхэр – псоми кьазэрышыхьур, сэбэпынагъ иІэр, кьупа-щыпауэ зэрышытыр, псори зэхуэгъэдэныгъэм хущІэкъуу зэрышытыр, мифологіе, символікэ шытыкІэхэри абы хэтыжу.

«Бзыльхугъэ» концептым и лексікэ-мыхьэнэ губгъуэм кьызэщІеубыдэ цыхубзымехьэлІауэщІуэпс-фізикэ, психологіе, социал-этнікэ, лъэпкьщэнхабзэ нэщэнэхэр. Ахэр псори зыуэ зэроубыдыж, зэхожыхьыжри кьагъэщІ цыхубзым и образыр, пыухыкІауэ зы бзэщэнхабзэ зэгухьэныгъэм щыІэ нэщэнэхэм фІэкІа хэмыту.

Псалъэхэм я мыхьэнэхэм яІэ зэтемыхуэныгъэхэр кьызэрыгъэлыгъуа бзэ куэдхэм яхэльщ «лъэпкьщэнхабзэ кодхэр» икІи абыхэм кьызэІуах «ментал дуней зэмылІэужыгъуэхэм» я щыпІэхэр. Щэнхабзэ-тхыдэ гурыІуэныгъэхэр кьызыхэщ цІэхэр щэнхабзэ лъэпкьгупсысэм ехьэлІа нагъыщэ зытель псалъэхэщ.

Кьэбэрдэї-шэрджэсыбзэм цыхубзхэм шыфІащ цІэхэр псалъэ зэхэльхэу кьокІуэ, хуэгъэдэныгъэ, мыхьэнэфІагъ шытыкІэхэри кьэзыгъэлягъуэхэм ящыщ. Хуэгъэдэныгъэ фІэщыгъэхэр епхашцІ онтологіе Іуэхугъуэхэм: «ныбжьым», «хьульхугъэ-бзыльхугъэм».

МыхьэнэфІагъ фІэщыгъэхэм хохьэ нэхь купщІэшхуэ зиІэ нэщэнэ зэхуэхьесахэу щапхьэ зытехыпхьэхэм шыщу «бзыльхугъэ» концептым хэльхэр.

Щапхьэу кьэлыгытапхьэхэм, дызэрышыгъуазэщІ, кьагъэлягъуэ фізикэ, психологіе, морал-щэн шытыкІэхэу цыхубзым бгъэдэлъхэр. Щапхьэу кьэлыгытапхьэм кьызэщІеубыдэ мыпхуэдэ ІуэхуеплъыкІэхэр: «теплэр», «акьылыфІагъэр», «дуней тетыкІэр», «хьэл-щэныр», «жылагъуэ статусыр», «социум лъэныкьуэмкІэ цыхубзым зэрыхушытыр», н.

МыхьэнэфІагъ кьэзыгъэлягъуэ шытыкІэхэр, цыхубзым и пщІэр кьызыхэщ цІэ унейхэр шызэпкьрахым икІи ахэр зыгеухуа елыытакІэ шызэхэагъэщхьэхукІым, абы Іэмал кьаритащ кьэхутэныгъэхэр шрагъэкІуэкІ бзэщэнхабзэм бзыльхугъэ гендер кьышыунэхуну. Абы ипкь иткІэ «теплэм» и дахагъэр, фІагыр кьэзыпщытэ ІуэхуеплъыкІэм и кІуэцІкІэ нэхьыщхьэу уващ: «напэр» (фэр, нэпэпкьыр, зэхуэдэу

«пэжу» зэхэлъыныгээр»); «Гэпкълъэпкълъэр» (лъагагьыр, хьэлъагьыр, бгъэгум и инагьыр (90/60/90), лъакъуэм и инагьыр); «зеклэуэклэр» (хуабжыагьыр, шызеклэуэклэ Гэпкълъэпкълъым и хьейклэр); «шыгыныр» (фэилъхьэгъуэхэр зэрызеклэр, статусымрэ ныбжымырэ еклу-емыклар, модэмрэ социал Гуэху шытыклэмрэ езэгъ-емызэгьыр).

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэмиклуэцлэцлэхубзымитеплэмзэрытепсэлъыхьым, цлэхухэр абы зэрегупсысым увьпэшхуэ шеубыд, и дуней тетыклэмрэ хэль хьэл-щэнымрэ япэ ирагъэш пэтми. Адыгэ бзэщэнхабзэм цлэхубзым и теплээр, Гэпкълъэпкълъыр щхьэхуэ-щхьэхуэу зэпкълъыхьыркълъым икли тепсэлъыхьыркълъым. Гэмалыншэу шытмэ, зы псалъэ-псалъитлэ клэщлэу кълыхегъэш: *хьыджэбз псыгъуэ (Гэпсыгъуэульэпсыгъуэм хужалэ), цлэхубз дэгъуэ (цлэхубз дахэм, зеклужым, зи фэ шызым хужалэ)*, н.

«Адыгэ цлэхубз» концептым и мыхьэнэр къагъэхьур «щэныфлэ», «нэмысыфлэ», «нэмыс зыхэлъ» гуэрыуэгъуэхэм, «Гэдэб» (*сабыр, зэлэзэрыт, тэмакълыхь*), «Гэщабэ-Гущабэ» (*бэз Гэфлэ зылурылэ*), н. «Теплээр» кълызэрапщытэ Гуэхуеплкъыклэр къапщтэу шытмэ, абы адыгэбзэм, адыгэ бзэщлэныгъэм етлуанэ увьплэр шыгыгъщ, и мыхьэнэшхуагъ елытауэ, икли ищхьэклэ шыжыла Гуэхугъуэхэр псори хохьэ:

– щхьэцыр: *щхьэцырэддыкълъакълъуэ (зи щхьэцыр дахэ, кълыхь [хьыджэбз]), и щхьэцыгъуэшхуэр и лъэдакълэпэм теуэу ([хьыджэбзыр] щхьэцыгъуэ кълыхьрэ и лъэдакълэпэм теуэу)*. Ижъ-ижыж лъандэрэ щхьэцым адыгэм я деш сакрал мыхьэнэшхуэ шицлэщ. Адыгэ Гуэрыуатэм куэдрэ ущрохьэллэ дауэдапщэхэм деш «щхьэц» культым мыхьэнэшхуэ зэригэм. Адыгэ хьыджэбзхэми цлэхубзхэми я лъэдакълэпэм теуэу я щхьэцыр ягъэкълэрт, сыт щхьэклэ жыпгэмэ щхьэцыр пыупщлэныр нэщэнэ Гейуэ ялыгътэрт. Цлэхубэ усыгъэхэми, усаклуэхэм я Гэдакълэщлэклэхэми щхьэц пыупщлэныр сыт шыгъуи лэныгъэм хуахьырт. Псалъэм папщлэ, Щоджэнцлэу Алий и «Щымахуэ жэш» поэмэр дигу къэдгъэкълэжмэ, анэм пиупщлэ щхьэцым нэщхьэягъуэ нагъыщэ зэрыхэлъыр сюжетым кълыхош. Импералист зауэм тхьэмыщклагъэ кълызухуихьа анэм и щхьэцыр ещэж, и бын сымаджэм шхын кълыхуищэхун папщлэ, ауэ анэр нэмысыжурэ сабийр маллэ:

*Былым лейуэ и гугъэжу
Щхьэцыр пуду ицэжащ –
И пкълы хьэлгэр жан хьужауэ,
Бэзэр икхынклэ ихьуэжащ.
<...>*

*И сымаджэм еубзэну
Фызыр псынцилэу ныцлэхьэж,
И уэздыгъэр ункълэфларэ
Кълуэр дияуэ нылуоцлэж.
[Щоджэнцлэу 2006:204–206].*

– нагэр: *натлэ лъагэ, нэклу дыхьэрэн, нэклуху*. Иужьрей нэклуху псалъэм ущрохьэллэ адыгэ джэгуаклуэшхуэ Агънокълуэ Лашэ и усэ-пшыналъэ «Лашэ Кълуныхьэ я хьэгъуэллыгъуэм зэрыклар» жыхуигэм:

*Уэ нысацлэ нэклуху,
Тхьэрыкълуэ пцэхуу цэныфлэ...
[Агънокълуэ 1993:148].*

Адэклэ мыхуэдэ егъэпщэныгъэхэри куэдрэ къагъэсэбэп: *мазэр зи нэклу, зи набдзитлыр пцлащхьуэ дамил, набдзэкълурашэ (набдзэ дахэ зытелъ хьыджэбзым хужалэ), нагъуэ, нэфлыцлэ, нэклуэлэн, зи нитлыр бжыыхьэ мэракуапцлэм и фэм еицхь (флыцафэ); зи Гупэр Гуцхьэ гъэгъа (Гупэр Гуцхьэ гъагъэм и плыфэм ирагъэщху араш), зи Гупэр балий ныкълуэху (Гупэр зи хьун иримыкълуэ балийм ирагъэщху араш)*, н.;

Балий ныкзуэхуу лупэ плыжь цыкы,

Бжыыхэ мэраклуацлэу нэ флыцлэ...

[Агънокьюэ 1993: 161].

Мы сатырхэри Агънокьюэ Лашэ и «Лашэ Бэлахуэхэ я джэгум зэрыхэтар» пшыналгэм шыщц.

– **Гэпкыльэпкыер:** *Гэклуэцлыр зибг* (зи бгыр псыгьюэ хыджэбзым хужалэ), *зи цыфэр кэжэр бжыэхуц* (хыджэбзым и цыфэр кэжэр бжыэхуц щабэм ирагэщхь);

– **зеклуэклар:** *зи клуэклар дахэ, псы хуэм ес кязу [зоклуэ]* (нэгьюэщлү жыплэмэ: кяз анэр псы хуэмым щесым ещхуэ «щабэу, лэмакыншэу зоклуэ», жыхуилэщ), *бзум хуэдэу [золлатэ]* (бзум и лээтэклэм ирагэщхь). Адыгэхэм зэрыжалэмклэ, хыджэбзыр е цыхубзыр зы лэныкьюэклэ щытын хуейщ шылэныгэ хэлэу, Гэдэбу, хуэм-хуэму бакьюэу. Нэгьюэщлү лэныкьюэкли, унагьюэ Гүэхухэр зерихэмэ, ар щытын хуейщ жыджэру, н. ж. «жы цлэту», «зэлэр кыгуиуду», «хэлэт илэу»;

– **щыгыныр:** нэхьапэм щыгьюэ хыджэбзхэри, цыхубзхэри Гэмал имылэу модэм деклун хуейуэ кьалытэртэкым икли хушлэжкьуртэкым; атлэ щыгыныр кыщыхаклэ (кыщашэхуклэ) япэщлыклэ еплырт я ныбжым еклун-емыклым, жылагьюэ статусым, дрейхэм (гьунэгьухэм, благэ-Гыхылыхэм, н.) жалэну, социал Гүэху щытыклэм елытат. Ауэ нобэ хыджэбзхэми цыхубзхэми иджырей модэм тешыхауэ ягу ирихь щыгыныхэр (уеблэмэ и плыфэм елытауэ) я фэ иралхьэ (кьашхь).

Мыхэнэфлагь нэщэнэ кэзыгэлягьюэ лексикэ занэм и компонент зэпкырыхыныгэм ипкь итклэ адыгэ бээзэхэщлыклым кыхэхуяклащ цыхубз теплэм и шапхэ нэс: *дахэ, тхэлухуд, тхэлухудшыр, тхэлухуднэзакьюэ, кьутицхьэгуащэ, назычэ, мазэр зи нэклу, хурэ, тхэрыкьюэ пцэху*, н. Абы щыгьюэми, цыхубзым и теплэр кыщашытэклэ, щытепсэлыхьклэ, адыгэм гулытэ нэхь зыхуищлыр абы и цхьэцырщ, напэм, Гэпкыльэпкыым щыщ языныкьюэ Гыхэхэрщ, (яфлэфлщ бгы псыгьюэхэр, Гэпсыгьюэльэпсыгьюэхэр), Гэпкыльэпкь зеклуэклар дахэр (щызеклуэклар, тлысыклэр, щысыклэр, кьэтэджыжыклэр, я пллэр захуэу ялыгыныр, н.).

Семантикэ нэщэнэм хыхэ «акылыр здынэсыр» жыхуилэр кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм кыщыгэлягьюэщ *губзыгэ, акылыфлэ, луц, луыцэ*, н. псалэхэмклэ. Адыгэ бзылхуггэм и «дуней тетыклэмрэ щэнымрэ» кьэгэлягьюэу мэхуэ *нэмысыфлэ, гьэса, цэныфлэ, Гэдэб, сабыр, зэлээрым, Гэцабэ-Луцабэ* лексемэхэмклэ. Адыгэ хыджэбзым е цыхубзым хэлэ хьэл-щэным щытепсэлыхьклэ мыхэншхуэ ялэщ *флэлык, укытэ* гурыуэгьюэхэм. Иужьрей дыдэ псалэхэращ пщалэ нэхьыщхьэу цыхубзым и пщлэр кызэралытэр.

Дзасэжь Л. Хь. зэрыжиэмклэ, «кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм хэткыым, цыхубзхэм ехьэллауэ, «сексуал гурыхь», «нэхьюейм икыныгэ» нэщэнэхэр кэзыгэлягьюэ псалэхэм хуэдэхэр [Дзасэжь 2006:181].

Апхуэдэ Гүэхуеплыклэм пэщлэувэу шапхэу кьэпхь хьунуц *дэгьюэ [цыхубз дахэ пшэр]* псалэр. Абы кыгэлягьюэр, и мыхэнэр пыухыклауэ зыхуэггээр бзылхуггэм и сексуал гурыхыггээр аращ. Апхуэдэуи щылэщ а лексемэр хэту *цыхубз дэгьюэ (цыхубз дахэ пшэр), пхужь дэгьюэ (унагьюэ имыс, цхьэггусэ бгьэдэмыс цыхубз пшэр дахэм ехьэллауэ)*. Нэхьыбэу «пхужь» псалэм гум кыгэжкыр емыкыу зылэжь, псэжыггэ хьэл зыхэлэ цыхубзщ.

Цыхубзым щытепсэлыхьклэ абы хэлэ гуемыуагь нэщэнэхэр кэзыгэлягьюэ лексикэ занэхэр кьэбэрдей-шэрджэс бээцлэныггэм кыщыхутэм гу лытащ нэхь мыхэншхуэ зратыр абы и хьэл-щэн мыхьумыщлэхэр, и дуней тетыклэр арауэ зэрыщытыр. Нэгьюэщлү жыплэмэ, мыбдежми цыхубзым и «теплэр» етлуанэ увыплэм щытц.

Хьэл-щэн мыхьумыщлэхэр къэгъэлэгъуаш нэмысыниэ, хьэлыниэ, цэныниэ, зэклэлымыклуэ, цхьэзэщлэмыклуэ, хуэмыху, цхьэхынэ лексемэхэмклэ. Нэхь мащлэрэ цыхубзым ехьэллауэ къагъэсэбэп лъагъугъуей (мыдахэ, нэджэИуджэ мыхьэнэхэр къыгъэлагуэу).

Цыхубзым и гуакуагъымрэ мыгуакуагъымрэ кърапщытэу ищхьэклэ къыщыхьа Гуэхуепллыклэхэмрэ пщальэхэмрэклэ абы тепсэлтыхьыныр зэфлэклауэ икли нэгъэсауэ къэпллытэ хьунукъым. Сыт цхьэклэ жыплэмэ бзэр и плэм иткъым, абы зеужь, нэхь къулей мэхьу, сыт шыгъуи псальэшлэхэр къыхохьэ. Ауэ къэгъэлэгъуа Гуэхуепллыклэ пщальэхэмклэ «бзыльхугъэ» концептым и мыхьэнэ нэхьыщхьэр къэхута хьуаш.

Адыгэ бзэзэхэщылкыныгъэм пэууу цлэиуэ зилэ нэгъэса пщальэу мэув «хьэл-щэныр, дуней тетыклэр» Гуэхуепллыклэхэр, абыхэм къакулэлоклуэ «теплэр», «губзыгъагъэр», иужь дьдэ итц социал статусыр. Абы шыгъуэми бзыльхугъэм и дахагъэм шытепсэлтыхьклэ мы пщальэхэм я зэклэлыклуэклэм захьуэж, мардэ нэхьыщхьэхэм, абыхэм я къэгъэсэбэпыклэм елытауэ.

Къыщыхьу шылэщ етланэ, ещанэ Гуэхуепллыклэхэр я увыплэхэмклэ шызэхьуажэ. А Гуэхуепллыклэхэр зэгъусэу шызэдэлажьэклэ, мыхьэнэ нэхьыщхьэ ялэм емыллытауэ, «бзыльхугъэ» концептым и семантикэ губгъуэр къагъэхьу, абы шыгъуэми концептым и клуэцым а пщальэхэр сыт шыгъуи иклэрэхьухьурэ я увыплэхэр шахьуэж.

Тегъэщлэлэхэр Список источников

- Агънокъуэ 1993 – *Агънокъуэ Л.* Усэхэр. Налшык: Эльбрус, 1993. 208 н.
Дзасежева 2006 – *Дзасежева Л.Х.* Лексико-семантическое поле «женщина» в разных культурных сообществах (на материале английского, русского и кабардинского языков): дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 206 с.
Щоджэнцлыклу 2006 – *Щоджэнцлыклу А.А.* Тхыгъэхэр. Налшык: 1905 гъэм щыла Революцэм и цлэр зызыхэ Республиканскэ полиграфкомбинат. Тхыль тедзаплэ центр «Эль-Фа», 2006. 544 н.

References

- AG'NOK'UE L. *Usekher* [Poems]. Nalshyk: El'brus, 1993. 208 p. (In Kabardino-Circassian)
DZASEZHEVA L.H. *Leksiko-semanticheskoe pole «zhenshchina» v raznykh kul'turnykh soobshchestvah (na materiale anglijskogo, russkogo i kabardinskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-semantic field “woman” in different cultural communities (based on the material of English, Russian and Kabardian languages): dissertation of the candidate of philological sciences]. Nal'chik, 2006. 206 p. (In Russian)
SHCHODZHENCIYKIU A.A. *Thyg'ekher* [Essays]. Nalshyk: 1905 g'em shchyIa Revolyucem i cIer zyzyh'e Respublikanske poligrafkombinat. ThyI' tedzapIe centr «El'-Fa», 2006. 544 p. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Шэрджэс З.В. – филологие щлэныгъэхэмклэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжьакуэ.

Информация об авторе

З.В. Черкесова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.V. Cherkesova – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 14.12.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-101-106

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЭЗИИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ В 90-Е ГГ. XX В.

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2022

Аннотация. В данной статье проводится анализ творчества Инны Кашежевой позднего периода, то есть на материале произведений, созданных в 90-е годы прошлого столетия. Исследуются собственно формальные составляющие стихотворений: лексические, синтаксические, ритмические и др. В ходе исследования устанавливается, что единых стандартов для характеристики всего творчества И. Кашежевой не существует. Каждый период следует рассматривать дифференцированно и по-новому. Стихи, написанные именно в 90-е годы, не только по тематической направленности, но и по всем остальным параметрам значительно отличаются от ранних произведений. Определяется степень тематических расхождений между ранним и поздним периодами творчества И. Кашежевой. Основным выводом исследования заключается в том, что и в постсоветский период поэтесса сохранила тесную связь с культурными традициями прошлых эпох.

Ключевые слова: тематические расхождения, художественный мир поэзии, ритмика стиха, поэтическое представление

Для цитирования: Алхасова С.М. Эволюция поэзии Инны Кашежевой в 90-е гг. XX в. // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 101–106. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-101-106

Original article

THE EVOLUTION OF INNA KASHEZHEVA'S POETRY IN THE 90s OF THE TWENTIETH CENTURY

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2022

Abstract. This article analyzes the work of Inna Kashezheva of the late period, that is, on the material of works created in the 90s of the last century. The formal components of the poems themselves are investigated: lexical, syntactic, rhythmic, etc. In the course of the study, it is established that there are no uniform standards for characterizing the entire work of I. Kashezheva. Each period should be considered in a differentiated and new

way. The poems written in the 90s, not only in thematic orientation, but also in all other parameters, differ significantly from the early works. The degree of thematic discrepancies between the early and late periods of I. Kashezheva's work is determined. The main conclusion of the study is that even in the post-Soviet period, the poetess retained a close connection with the cultural traditions of past eras.

Keywords: thematic divergences, the artistic world of poetry, the rhythm of verse, poetic representation

For citation: Alkhasova S.M. The evolution of Inna Kashezheva's poetry in the 90s of the twentieth century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 101–106. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-101-106

В творческой судьбе Инны Кашежевой постсоветское время стало драматичным. До 90-х гг. XX в. оно было наполнено эйфорией «оттепельного» времени. Поэтому ей было трудно вписаться в новые условия «переломных» лет, не было места там, где произошло разрушение единого культурного пространства страны.

В 1990-е гг. в литературной жизни страны произошли радикальные изменения. Если в прошлом литература что-то решала, направляла и корректировала жизнь, отвечала на конкретные вопросы, а при необходимости сама задавала их, поднимала целые пласты проблем, вливаясь в общий процесс в стране, то в постсоветский период, и особенно в начале 90-х гг., она перестала что-либо решать и во что-либо вмешиваться. Часть литераторов, многими усилиями приближавших «демократию», пришла в ужас от происходящего: «Никогда еще я не жил в таком одиночестве, – сокрушался известный российский писатель Виктор Лихоносов, – даже в годы чудовищных «государственных» подозрений было легче: всегда находилась отдушина, и на чье-то плечо можно было опереться. Теперь люди сами попали в такую же общественную нищету и печаль... Вокруг нас густые заросли предательства. Предательство стало нормой отношений и стимулом выживания. С помощью прессы предательство переросло в геройство, в доблесть демократии, сокрушившей всякое понятие о чести и благородстве. Самые патриотические издания народ не читает. Его задушили намыленной веревкой. Никто никого не слушает, никто никому не верит, никто никому не нужен» [Лихоносов 2: 4].

В начале 90-х гг. литература, лишившись официальной идеологической поддержки, своего фундамента, осталась лицом к лицу с хаосом наступившей жесткой жизни и людьми, потерявшими себя в этом круговороте политической разногласности и неразберихи. Эстетические идеалы (особенно молодого поколения писателей), связанные со светлым будущим, добром, красотой, уступили место мраку, злу и антиидеалам. «Литература, лишившись социального статуса и читательской аудитории, отказавшись от роли воспитателя, вынуждена была тихо «уйти» в сторонку. Вера в слово писателя стала угасать» [Алхасова 2015: 5].

Большая часть архива И. Кашежевой была утеряна, но если судить по сохранившимся сочинениям, то свои самые серьезные и философские стихи она написала именно в 90-е годы. И особенно плодотворным был 1994 год.

Как известно, «...последние два десятка лет прошлого века в российской поэзии все чаще называют “бронзовым веком”. Одним из важнейших характеристик следует признать необычайное многообразие, многоцветье женской поэзии. Она отличалась появлением новых жанров, всяческой стихотворной техники, появлением новых ярких имен» [Кременцов 2001: 11]. Но это был не поэтический бум, как в «оттепельное» время, и И. Кашежева не вписалась в него. У Инны Иналовны выходили книги и в Москве, и в Нальчике, но критика молчала. Хотя в 90-е гг. поэтическое слово стало быстрее приходиться к читателю, чем в 60–70-е гг.: это и развитие МАС МЕДИА, и отсутствие идеологической цензуры. Все это сделало процесс публикации свободным, мгновенным. Однако говорить о каком-либо поэтическом буме, подобном «оттепельному», не приходится. Можно сказать, что формула Е. Евтушенко «Поэт в России – больше чем поэт» стала утрачивать свой

смысл, локализуясь в конкретно-исторических рамках. Образ лирического героя и авторское поведение резко сменились. Осталась только горечь, сожаление об ушедшем прошлом. Вот с какой ностальгией И. Кашежева вспоминала прошедшие времена:

Мы были сумасброды,
Смешны, порою грубы,
Но распадались годы,
соединялись губы.
.....
Не виделось нам склона
с безоблачной вершины.
Но кончились субботы,
На радость будни скупы.
Соединялись годы,
И распадались губы.
И мы хватали звезды
Живую жадной пастью.
...Остались только версты
К невстреченному счастью.

[Кашежева 2014: 272]

Пронзительно и точно описывала она время 60-х, спустя десятилетия:

Мы пробивались сквозь табу,
Искали черный ход,
чтоб превратить ее, в толпу,
Опять в родной народ.
Мы поднимались в небеса,
Парили в облаках...
Остались наши голоса
Навеки в Лужниках...

[Кашежева 2014: 285]

И. Кашежевой все труднее самоопределяться в новом, культурном, хаотичном пространстве: ей здесь не уместиться, ей здесь тяжело, она не на своем месте. И почти в каждом стихотворении, написанном в эти годы, она сожалеет об ушедшем и о том, что чудо, которое они ждали в эпоху «оттепели», не случилось:

Мне казалось: вот-вот начнется,
Шар земной под ногою качнется,
Тайный ангел-хранитель очнется
Всем злым демонам нашим назло...
Мне казалось.
А что оказалось?
Все прошло,
Все прошло,

Все прошло...

[Кашежева 2014: 264]

А Кашежева словно выпала из «обоймы», но не художественного мира поэзии, а из культурного пространства среды, общества:

Оттремели наши танго.
Жить без кожи век ли, год?

От любви осталась ранка...
Тоже скоро заживет.
Отшептали наши ночи...
Откипела, значит, кровь?
Просто стала жизнь короче
На еще одну любовь.

[Кашежева 2014: 267]

Отдельные стихи И. Кашежевой 90-х годов также передают ее христианское самоопределение. Во многих из них присутствует обращение «Господи!». Тамара Жирмунская, коллега и подруга по перу, вспоминает: «Удивляет другое... Когда с детства не проходила по религиозным ступенькам, не постигала все божественные этапы постижения трудных и важных религиозных вещей, а будто по наитию взлетает сразу на верхнюю площадку: “Церкви полны, а Христос одинок”, – роняет она между прочим в одном из стихотворений, и за этим открывается бездонность. Или такая ее фраза: “Свечек много, а Бог один”». В известном стихотворении И. Кашежева сокрушается:

Мы жили праведно и строго,
В тени отеческих могил,
И все же мы забыли Бога,
А он нас помнил и любил.

[Кашежева 2014: 291]

Местоимение «мы» встречается часто стихах, созданных в 90-е годы. Поэтесса говорит не от себя лично, а от лица многих. Она словно бы передает сожаление об ушедшей эпохе от лица всех поэтов из прошлого, из «оттепельной» эйфории. Кто они, «шестидесятники», с кем творчество И. Кашежевой обрело свою значимость, взлетело ввысь, словно орлица над горами?

... Тогда была моя пора,
Тогда был мой диктат.
И дух бунтарского пера
Не принимал диктант.
Нам не грозили Соловки,
Но вещие слова
Вновь собирали островки
В большие острова.

[Кашежева 2014: 300]

Творчество шестидесятников по праву считается одной из самых ярких страниц истории русской литературы. Юношеский восторг, максимализм, романтические идеалы и непоколебимая вера в них – вот стимулы их честного и где-то даже наивного творчества. Поэтому стихи поэтов-шестидесятников любимы читателями до сих пор. И с полным правом можно сказать, что Инна Кашежева – дитя эпохи оттепели, которая сполна впитала его живительный горячий воздух.

И. Кашежева горько сожалеет о прошедшем времени и мечтает, чтобы ей хотя бы приснилось, что она снова живет в этом прекрасном далеком времени, времени ее прекрасной юности, и не принимает настоящее время с его «чернобыльским дымом». Вот как она написала об этом в 1994 году:

Я знаю, что все сохранилось,
Что я его жизнью зову.

Ах, только б ему не приснилось,
Как я в свое время живу!..
Могу я сказать теперь даже:
Ушел он таким молодым...
Ах, мне бы под дуло Лепажа,
А не под чернобыльский дым!
Ах, нам бы...
Ах, им бы.
Ах, всем бы, кто русский народ...
[Кашежева 2014: 301]

Восхищает богатство формальных составляющих стихов И. Кашежевой: лексических, синтаксических, ритмических, не говоря уже о богатстве художественного текста. Вот какие яркие краски рисует поэтесса в начале стихотворения: «Я знаю, что все сохранилось...»:

Дни эти смерти и славы
Месяца января...
Ах, как снега кровавы!
Как грудка снегиря.
Снегирь – это русская птица,
Январь – это русский алтарь.
Как нашему гению спится?
Ты, снег, чтоб поведать, оттай.
[Кашежева 2014: 301]

К каждому стихотворению Инны Кашежевой следует подходить как к феномену, для понимания которого требуется всякий раз новая комбинация литературоведческих методов и подходов. То есть единых стандартов для характеристики, анализа творчества И. Кашежевой не существует. Стихи, написанные именно в 90-е годы, не только по тематической направленности, но и по всем остальным параметрам, значительно отличаются.

Список источников

- Алхасова 2015 – Алхасова С.М. Современная кабардино-черкесская литература. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2015. 187 с.
Кашежева 2014 – Кашежева И.И. Избранное: Стихотворения / сост. Дж.П. Кошубаев. Нальчик: Эльбрус, 2014. 320 с.
Кашежева 2010 – Кашежева И.И. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 2010.
Кременцов 2011 – Кременцов Л. Поэзия 80–90 гг. XX в. М.: Русская литература в XX веке. 2001.
Лихоносов 1992 – Лихоносов В. Кризис литературы // Литературная газета. 17.10.92. С. 3–4.

References

- ALKHASOVA S.M. Sovremennaya kabardino-cherkesskaya literatura [Modern Kabardino-Circassian literature.]. Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2015. 187 p. (In Russian)
KASHEZHEVA I.I. Izbrannoe: Stihotvoreniya. Sost. Dzh.P. Koshubaev [Favorites: Poems // Compiled by J.P. Koshubaev.]. Nal'chik: El'brus, 2014.
KASHEZHEVA I.I. Izbrannoe: Stihotvoreniya. Nal'chik: El'brus, 2010.
KREMENCOV L. Poeziya 80–90 gg. XX century. M., 2001.
LIHONOSOV V. Krizis literatury // LG. 17.10.92. S. 3–4.

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 27.11.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 821.512.142.0

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-107-112

РИТМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТИХА КЯЗИМА МЕЧИЕВА

Тамара Шамсудиновна Биттирова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tbittir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-3815-8615>

© Т.Ш. Биттирова, 2022

Аннотация. В научной статье исследуется ритмическая организация стиха классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева, его новаторство и следование классическим канонам карачаево-балкарского фольклора. В работе анализируется существующая в тюркологии литература по заданной теме. Научная новизна исследования видится в том, что в работе впервые раскрывается комплекс поэтических приемов, используемых К. Мечиевым при ритмической организации стиха, приверженность его к тюркской системе стихосложения и самобытность автора. На фактах творчества поэта определяется, насколько автор использует возможности аллитерационного стиха и приемы сингармонизма.

Результаты научного исследования показали актуальность темы, выявили богатство и своеобразие поэтического мастерства автора. Избранный ракурс статьи показал важность дальнейших исследований творчества К. Мечиева в области стихосложения и значимость для понимания формальных структур авторской поэтики.

Ключевые слова: Кязим Мечиев, поэтика, тюркское стихосложение, бармак, сингармонизм, аллитерация

Для цитирования: Биттирова Т.Ш. Ритмическая организация стиха Кязима Мечиева // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 107–112. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-107-112

Original article

RHYTHMIC ORGANIZATION OF KAZIM MECHIEV'S VERSE

Tamara Shamshudinovna Bittirova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tbittirova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-3815-8615>

© T.S. Bittirova, 2022

Annotation. The scientific article examines the rhythmic organization of the verse of the classic of Karachay-Balkar literature Kazim Mechiev, his innovation and adherence to the classical canons of Karachay-Balkar folklore. The paper analyzes the literature existing in Turkology on a given topic. The scientific novelty of the research is seen in the fact that the work reveals for the first time the complex of poetic techniques used by K. Mechiev in the rhythmic organization of verse, its adherence to the Turkic system of versification and the identity of the author. Based on the facts of the poet's work, it is

determined to what extent the author uses the possibilities of alliterative verse and the techniques of synharmonism.

The results of the scientific research showed the relevance of the topic, revealed the richness and originality of the author's poetic skill. The selected perspective of the article showed the importance of further research of K. Mechiev's creativity in the field of versification and the importance for understanding the formal structures of the author's poetics.

Keywords: Kazim Mechiev, poetics, Turkic versification, barmak, synharmonism, alliteration

For citation: Bittirova T.Sh. Rhythmic Organization of a verse by Kazim Mechiev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 107–112. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-107-112

Творческая индивидуальность автора определяется умелым использованием лексико-семантического богатства родного языка и его выразительных средств. Исследование всего комплекса названных средств – объект стихосложения, одного из сложных сегментов литературоведческой науки. В современном стиховедении существует так называемая «теория уровней», которая изучает компоненты стиха изолированно друг от друга. Она постоянно подвергается критике, считая, что сторонники этой теории не учитывают современные достижения экспериментальной фонетики. Не вдаваясь в конкретику споров сторонников и противников названной теории, постараемся изучить поэтическое наследие К. Мечиева через компоненты, составляющие основу стихосложения его произведений, придерживаясь достижений тюркской классической поэтики [Усманов 1960; Жирмунский, 1974; Стеблева 1976; Хамраев 1969; Орехов 2022].

Творчество Кязима Мечиева – одного из основоположников письменного периода развития карачаево-балкарской литературы представляет интерес не только своим мощным идейным содержанием. Также оно выступает примером освоения и привнесения новых поэтических форм в сравнении с опытом других авторов предписьменного периода развития литературы, да и самим национальным фольклором. Средства художественной выразительности, соразмерность рифмы и ритмическая организация стиха – все, что составляет основные принципы стихосложения, реализованные им в творчестве, говорят о мастерстве поэта и его постоянных поисках. «Стихотворная речь является частью поэтики и формой жанра народной поэзии. Сам жанр подчиняется или обряду (в обрядовой поэзии), или системе общественно-хозяйственной и духовной культуры народа. Следовательно, устно-поэтическая система находится в макросистеме духовной культуры общества. Поэтому стихотворная речь должна изучаться в контексте всей культуры. Данная особенность вносит в комплексное исследование стиха принцип внесистемных связей, единства общего и особенного, содержания и формы» [Родионов 1980: 9].

Мир состоит из звуков, их повторяемость порождает гармонию и ритм. Сердцебиение живых существ, явления природы, цикличность различных природных процессов имеют свой ритм и алгоритм. Человеческая речь изначально ритмична, даже если она не имеет устойчивой структурной организации, также и каждый язык имеет свой внутренний ритм, сложившийся тысячелетиями. Карачаево-балкарский язык, один из древних тюркских языков, имеет свою собственную гармонию звуков. Для карачаево-балкарского поэтического текста имеет значение прежде всего сингармонизм гласных и аллитерация согласных звуков, характерных для тюркской системы языков. На основе этих фонематических законов созданы произведения как в фольклоре, так и в письменной литературе. И еще одна особенность тюркской системы языков – агглютинативность, т.е. соединение аффиксов к корневой морфеме, которые уподобляются согласно сингармонизму и описать сингармонизм без привлечения морфологических понятий (таких как корень, основа, аффикс), невозможно. Ф. Кязимов, изучая сингармонизм в азербайджанском языке, подчёркивал, что «сингармонизм в тюркских языках распространяется не

только на гласные, но также и на согласные» [Кязимов 1954: 92]. При этом «сингармонизм согласных есть явление производное от сингармонизма гласных» [Кязимов 1954: 89].

По мнению некоторых исследователей, система стихосложения тюркских литератур является пограничной между силлабической и силлабо-тонической системами. В этом сложном вопросе на основе наблюдений за динамикой балкарского стихосложения от древних эпических текстов до произведений современных авторов добился серьезных результатов исследователь К.К. Бауаев. Последовательно выявляя комплекс основных принципов поэтической структуры тюркского стихосложения в сравнении с русским стихосложением, а также специфику балкарского стихосложения, К. Бауаев утверждает: «Что же касается характера и особенностей ритма в силлабическом стихе, то надо сказать, что в поэзии многих тюркоязычных народов принцип силлабизма не ограничивается лишь установлением общей соизмеримости стихотворных строк друг с другом. Следовательно, понимание силлабики тюркского стихосложения, а в частности и в балкарской поэзии, не может ограничиваться лишь равным количеством числа слогов в стихотворных строках» [Бауаев, 1999: 15]. Ученый дает четкую характеристику разности силлабо-тонической системы и системы силлабической, которые отличаются качеством ударения ритмической единицы: «...если взять во внимание тот фактор, что существует качественное отличие в характере ударения в русском языке и языках тюркской группы, например в балкарском языке, то мы видим, что гласный звук в русском языке в зависимости от того, стоит ли он под ударением или нет, резко меняет свои качества, неударный гласный звучит слабее, редуцируется... В балкарском же языке, как и в других тюркских языках, ударные гласные почти не отличаются от безударных и законы редукации имеют силу над гласными не только в безударном положении, но и под ударением» [Бауаев, 1998: 21].

Закон сингармонизма – гармонии гласных реализуется соединением аффиксов: к слову за негубными гласными а и ы может присоединиться только негубной гласный, т.е. а и ы; за губными оу ё ю идут только губные гласные оу ё ю. Суть закона гармонии согласных состоит в уподоблении согласных на стыках слогов при наращении аффиксов по принципу глухости – звонкости. Так, если слово заканчивается на глухой согласный, то присоединяющийся аффикс, если он начинается с согласной, также должен начинаться с глухой согласной. Существуют небольшие исключения из этих правил.

Вышеперечисленные правила тюркского стихосложения породили различные ритмические структуры. В тюркской системе стихосложения основную роль играет форма «бармакъ» – слоговой счет. На него ориентируется и поэзия Кязима. Поскольку его стихи написаны в нескольких формах – от семисложника до одиннадцатисложника, то и ритм, опирающийся на ударение в последнем слоге, имеет фиксированный характер.

Жарлы чыпчыкъ, ма гыржын,
Бурхуланы берейим.
Сени Аллах палахдан
Сакъласын деп тилейим. [Мечиев 1989, Т. 1: 312]

Подстрочный перевод:
– Бедная птичка, вот хлебные крошки.
Я попрошу у Аллаха, чтобы он уберег тебя.

Однако мы наблюдаем, что иногда ударение падает не как в классическом стихе, а на предпоследний –

Иги сёз – жомакъды, жырды,
Сёзю барны – кючю барды!

Иги сѣзсюз дуния тарды,
Жюрек, жол да къарангыды. [Мечиев 1989. Т. 1: 307]

Подстрочный перевод:
Хорошее слово сказка и песня,
имеющий слово имеет и силу.
Без хорошего слова мир тесен,
и сердце, и дорога темны.

Представляет большой интерес с точки зрения усиления стиха ассонансным фоническим приемом стихотворение «Мой сосед бедняк Гууа», где поэт передавал ощущение тревоги и неустроенности:

Кесиме ушаш кѣп сабийли Гууа,
Жашайса, жарлылыкъ ызынгдан къууа.
Бир къыйындан къутулсанг, бирси тууа,
Борчунг – кѣп, амалынг – аз, тѣлконг – ууакъ. [Мечиев 1989. Т. 2: 59]

Подстрочный перевод:
Похожий на меня мой многодетный сосед Гууа.
Живешь, и за тобой гонится бедность.
Только преодолеешь одно несчастье, рождается новое.
Долгов много, возможностей мало, детвора малая.

Аффикс -ууа был использован и позже в известном стихотворении «Оу большевик, шау – кадетле» (приблизительный перевод – что большевик, что кадет один другого хуже), который коррелируется с начальными – **оу** и – **шау**:

...**Оу** большевик, **шау** – кадетле,
Къайдан чыкъды бу адетле,
Эридиле семиз этле,
Саз болдула жарыкъ бетле.
Бири къача, бири къууа,
Жетгенлерин жолда бууа,
Аны ызындан палах тууа,
Хатасызла аны жууа.
Большевик излеген — тенглик
Болурму экен къолдан келлик?
Кимге тенглик, кимге кемлик,
Кимди аны толу биллик? [Мечиев 1989. Т. 2: 165]

Подстрочный перевод:
Кто – большевик, а кто-то –кадет,
Ну, а кто есть кто? Ответа тут нет.
От горя и страха, один телом худеет,
Другой – спадает с лица и бледнеет.
Убегают одни, догоняют другие,
Догнали кого-то и сразу убили.
Горе большое все это рождает.
Невинный за всех грехи искупает.
Большевики за равенство если,
Добьются ли этого, как нам узнать?
Кому-то равенство, а кого уравниали,
Что происходит и как всё понять?

Сплошные рифмы в первой -ууа, -ле во второй и -лик в третьей создают определенную динамику резких движений и смысловую выразительность – ощущение взлета и падения, что собственно и происходило в эти смутные годы. Даже не зная языка оригинала, можно понять, насколько экспрессивно ощущает поэт события, как он их тяжело переживает. Эти стихи долгое время передавались из уст в уста и не могли быть напечатаны при доминировании советской идеологии. Только в конце 90-х годов XX века они были опубликованы.

Силлабический метод стихосложения предполагает ритмическую единицу – интонационно законченный отрезок речи, обычно совпадающий со строкой. В тюркских языках сказуемое следует за подлежащим. Это тоже один из канонов тюркских языков. Но иногда, в зависимости от смысла, встречается инверсия, когда меняется общеграмматическая последовательность речи и порядок слов. Подобная ситуация характерна для эмоционально окрашенных строк –

Ким биледи, къара жерден
Ауазынгы эшитирме мен... – «Кто знает, из могилы услышу твой голос я...»
...
Бийикден къарайса сен,
Ненге махтанаса сен? – «Свысока смотришь ты, чем хвастаешься ты?»

Кязимом Мечиевым были использованы все возможности слогового строя стиха, когда внутренний ритм, определенный законами сингармонизма, органично вплетается в его семантику, т.е. здесь задействованы практически все выразительные средства языковой системы. Звуки и их сочетания придают содержанию особую экспрессию и силу, иногда создают яркий эмоциональный фон, часто – выражают тихую печаль и сокровенность.

В тюркской поэзии метрические компоненты стиха не столь очевидны как в силлабо-тонической системе. Поскольку слог является мерой измерения ритма в тюркской поэтике, остальные составляющие (чередование ударных и безударных, клаузула и т.д) существенной роли в организации произведения не играют и потому значение слова как самостоятельной единицы превалирует. Это тот случай, когда содержание главенствует, а форма вторична. Данное обстоятельство наглядно видно и на примере поэзии К. Мечиева. И тем не менее, он, соблюдая основной принцип тюркского бармака – равное количество слогов в туркуме (строке), импровизировал в построении строфы – она могла быть разной – от бейтов до восьмистрочной.

Поэзия Кязима Мечиева не выходит за рамки силлабического принципа стихосложения и является примером тюркской классической формы. В ней встречаются все ее основные виды и размеры. Как пишет Б. Мусуков, «при аллитерации, как способе стихосложения, звуковая организация текста наилучшим образом связывается с его ритмической организацией. Ритмико-синтаксический прием – повторение всего словосочетания первой строки – создает особую художественную выразительность четверостишия, показывает динамичность развития действия и в определенной степени градацию и неразрывную последовательность событий» [Мусуков 2017: 95]. Все это красноречиво представлено и в творчестве классика балкарской поэзии.

Список источников

Бауаев 1998 – *Бауаев К.К.* Проблемы эволюции балкарской поэзии (основы балкарского стихосложения). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик, 1998. 18 с.

Бауаев 1999 – *Бауаев К.К.* Основы балкарского стихосложения. Нальчик: «Эль-Фа», 1999. 132 с.

Жирмунский 1974 – *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Избранные труды. Л.: Наука, 1974.

Мечиев 1989 – *Мечиланы Кязим* (Кязим Мечиев. Стихотворения и поэмы. В 2 томах. На балк. языке. Составитель, автор предисловия и комментария А.М. Теппеев.). Т. 1, 2. Нальчик, 1989. Т. 1.

Мусуков 2017 – *Мусуков Б.А.* Соотношение аллитерации и рифмы в карачаево-балкарском стихосложении. Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 95–99.

Орехов Борис. Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. Электронный ресурс. <https://www.litres.ru/boris-orehov/bashkirskiy-stih-xx-veka-korpusnoe-issledovanie/chitat-onlayn/page-6/> (дата обращения: 20.11.2022).

Стеблева 1976 – *Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в ранне-классический период. М.: Наука, 1976.

Усманов 1960 – *Усманов Х.У.* Основные вопросы татарского стихосложения. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. Москва: Изд-во восточной литературы, 1960.

Хамраев 1969 – *Хамраев М.К.* Очерки теории тюркского стиха. Алма-Ата: Наука, 1969.

References

BAUAEV K.K. *Problemy evolyucii balkarskoj poezii (osnovy balkarskogo stihoslozheniya)* [Problems of evolution of Balkar poetry (fundamentals of Balkar versification)]. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Nalchik 1998, 18 p. (In Russian)

BAUAEV K.K. *Osnovy balkarskogo stihoslozheniya*. [The basics of Balkar versification]. Nalchik: “El-Fa”, 1999. 132 s. (In Russian)

ZHIRMUNSKY V.M. *Tyurkskij geroicheskiy epos* [The Turkic heroic epic. Selected works]. L.: Nauka, 1974. (In Russian)

KAZIM MECHIEV. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. In 2 volumes. On the beam. language. Compiled, author of the preface and commentary A.M. Teppeev.). Vol. 1. Nalchik, 1989. Vol. 1. (In Balkarian)

MUSUKOV B.A. *Sootnoshenie alliteracii i rifmy v karachaevo-balkarskom stihoslozhenii* [Correlation of alliteration and rhyme in Karachay-Balkar versification]. IN: Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2017. No. 3. Pp. 95–99. (In Russian)

BORIS OREKHOV. *Bashkirskij stih XX veka. Korpusnoe issledovanie* [Bashkir verse of the XX century. Case study]. Electronic resource. <https://www.litres.ru/boris-orehov/bashkirskiy-stih-xx-veka-korpusnoe-issledovanie/chitat-onlayn/page-6/> (accessed: 20.11.2022). (In Russian)

STEBLEVA I.V. *Poetika drevnetyurkskoj literatury i ee transformaciya v ranne-klassicheskiy period* [Poetics of Ancient Turkic literature and its transformation in the Early Classical period]. Moscow: Nauka, 1976. (In Russian)

USMANOV H.U. *Osnovnye voprosy tatarskogo stihoslozheniya* [The main issues of Tatar versification]. XXV International Congress of Orientalists. Reports of the USSR delegation. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1960. (In Russian)

KHAMRAEV M.K. *Oчерки teorii tyurkskogo stiha* [Essays on the theory of Turkic verse]. Alma-Ata: Nauka, 1969. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Ш. Биттирова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

T.Sh. Bittirova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-113-118

**ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ В РОМАНЕ-ДИЛОГИИ
А. КЕШОКОВА «ВЕРШИНЫ НЕ СПЯТ»**

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2022

Аннотация. Статья посвящена особенностям поэтики романа-дилогии «Вершины не спят» кабардинского писателя А.П. Кешокова. Одной из основных художественных средств автора для художественного нарратива становятся образы-символы, типичные для мифо-фольклорного наследия адыгов (черкесов). В статье определяются наиболее употребляемые образы, прослеживается связь с аналогичными фольклорными персонажами. Полисемический образ вершины – один из центральных в адыгской литературе, который некоторые авторы-кавказоведы обозначают как мифологему «вертикали». Кинжал (меч) – еще один типичный мифо-фольклорный образ в романе. Туча или тень используется в рамках единой композиции как метафора, относящаяся чаще всего к сфере взаимодействия простых людей, растерявшихся перед лицом сложных социальных катаклизмов. Представители народа в романе «Вершины не спят» называются «чувячники», – образ, который следует рассматривать как одну из реминисценций мифо-фольклорного мотива. Роман «Вершины не спят» классифицируется как роман-миф. Именно советский литературный дискурс становится наиболее активным востребованным жанром, сформировавшим партийное, «правильное» отношение к социализму во всех его проявлениях. Это достигалось с помощью советского художественного произведения с его непосредственным активным влиянием на культурное бессознательное.

Ключевые слова: советский миф, символы, архетипы, мифо-фольклорная предметность, метафора, интертекст

Для цитирования: Хакуашева М.А. Образы-символы в романе-дилогии А. Кешокова «Вершины не спят» // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 113–118. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-113-118

Original article

**IMAGES-SYMBOLS IN THE NOVEL-DILOGY
BY A. KESHOKOV «PEAKS DO NOT SLEEP»**

Madina A. Hakuasheva

The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino–Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Hakuasheva, 2022

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the poetics of the novel-dilogy «Peaks do not sleep» by Kabardian writer A.P. Keshokov. One of the main artistic means of the author for the artistic narrative are images-symbols typical of the mytho-folklore heritage of the Adygs (Circassians). The article identifies the most commonly used images, traces the connection with similar folklore characters. The polysemic image of the top is one of the central ones in the Adyghe literature, which some authors-kavkazologists designate as the mythologeme of the «vertical». Dagger (sword). – another typical mytho-folklore image in the novel. A cloud or a shadow is used within the framework of a single composition as a metaphor, referring most often to the sphere of interaction of ordinary people who are confused in the face of complex social cataclysms. Representatives of the people in the novel «Peaks do not sleep» are called «chuvyachniki» – an image that should be considered as one of the reminiscences of the mytho-folklore motif. The novel «Peaks do not Sleep» is classified as a myth novel. It is the Soviet literary discourse that is becoming the most actively sought-after genre that has formed a party, «correct» attitude to socialism in all its manifestations. This was achieved with the help of a Soviet work of art with its direct active influence on the cultural unconscious.

Keywords: Soviet myth, symbols, archetypes, mytho-folklore continuity, metaphor, intertext

For citation: Hakuasheva M.A. Images-symbols in the novel-dilogy by A. Keshokov «Peaks do not sleep». Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 113–118. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-113-118

Сложная художественная тематика известной дилогии А.П. Кешокова касается одного из самых драматических периодов Кабарды – переходного исторического этапа становления советской власти, революционных и послереволюционных преобразований, гражданской и первой мировой войн, которые сопровождались неразрешимыми противоречиями во всех сферах жизни. Именно советский литературный дискурс становится наиболее активной и востребованной сферой, которая формировала партийное, «правильное» отношение к социализму во всех его проявлениях. Это достигалась с помощью относительно высокого уровня художественной литературы с ее непосредственным активным влиянием на культурное бессознательное. Литературные персонажи становятся яркими, убедительными выразителями советской идеологии и приобретают статус самостоятельных «живых» героев, очень напоминающих известные эпические персонажи народного фольклора и мифа. Так формировался советский роман-миф, который имеет свои характеристики: главных героев, принцип правдоподобия, характерные знаки, собственную лексику.

Знаковую систему представляют образы-символы. Одной из них является *вершина*, которую Ю.М. Тхагазитов обозначил как мифологему «вертикали», одну из центральных в адыгской литературе. «Пространство у горцев, как и у кочевых народов, превалирует... над понятием времени, последнее по этой причине еще очень трудно усваивается современной адыгской литературой. Примечательно, что «вертикаль», обозначающая вечность бытия (и конечность отдельной человеческой жизни) предстает перед героями адыгского романа в переломные моменты их жизни, то есть в пограничной ситуации...» [Тхагазитов 1987: 67]. Само название дилогии А.П. Кешокова «Вершины не спят» определяет образ горы как некий эпицентр художественного пространства. Он становится невольным ориентиром, на который проецируются все события, ценности, мысли героев и автора-повествователя. Ю.М. Тхагазитов отмечает «систему координат», состоящую из горизонтали и вертикали: «Мифо-эпическая модель мира в адыгских литературах выглядит следующим образом: диагональ, соединяющая начало пути человека с вершиной, – это реальный, земной путь его. От вершины горы путь человека разветвляется: по вертикали вверх – бессмертие, слияние с беспредельностью, или вниз, по другому склону – в прошлое, к забвению» [Тхагазитов 1987: 70]. Горная вершина сформировалась как устойчивая мифологема северокавказской, в том числе, адыгской литературы. Образ горы часто присутствует в названиях художественных

произведений: «Вершины не спят», «Сто первый перевал», «Страшен путь на Ошхамахо», «Вершины остаются непокоренными» и многие другие» [Тхагазитов 1987: 67]. Исследователь различает две стороны художественного обращения к «горной» тематике. Соглашаясь с Т. Чамоковым и Х. Кауфовым, Ю. Тхагазитов подчеркивает, что в ряде случаев образ вершины превращается в литературный штамп, которым злоупотребляют некоторые северокавказские авторы. «Если такое обращение выглядит штампом, – пишет Ю. Тхагазитов, – критики правы: кроме ущерба художественности, такое обращение ничего не дает. Но, думается, явление это неоднозначное и, помимо... инерции, имеет часто совершенно иную подоплеку» [Тхагазитов 1987: 66]. В творчестве Кешокова вершина – категория трансцендентная. Например, в романе «Сломанная подкова» вертикаль обретает семиотическое наполнение, которое значимо уже не для одного героя, а для двух (предположительно – многих) поколений: Ордашуко, Бекана и других. Для них и не может быть иного выбора, ведь вертикаль – единственный Путь Всадника, архетип которого они воплощают. Вершина – это зов пути, то неизменное направление, которому всегда следует герой: «Жизнь – непрерывное восхождение по нехоженой тропе, которая вьется по горным склонам» [Кешоков 1976: 294]. Однако в тексте романа «Вершины не спят» непосредственного авторского обращения к образу вершины почти не встречается, оно как бы выносится за пределы романного хронотопа. Вместе с тем, весь художественный текст «работает» на название, превращая образ вершины в латентный, но устойчивый символ.

Кинжал (меч). Так же, как другие наиболее типичные фольклорно-мифологические образы в кабардинской литературе, символ кинжала (меча) в романе «Вершины не спят» подвергается значительной трансформации. В композиции, при описании собравшихся на сход мужчин, автором предпринимается небольшой этнологический экскурс в отношении адыгского вооружения, в частности, значения кинжала в жизни кабардинца. Кинжал идентифицируется с мечом: «Старики нередко еще носили кинжалы, которые свободно сошли бы за мечи» [Кешоков 1973: 36]. Но после подробного авторского комментария образ кинжала используется в основном в качестве метафорического средства. Две грани одного лезвия кинжала – метафора, которая относится к характеристике двух братьев – Тембота и Лю, – сыновей Астемира. В композиции романа она звучит рефреном практически на всем протяжении текста: «...Это был Тембот, старший брат его, лезвие кинжала, другой гранью которого был Лю. Девятилетний Тембот доказал, что он достоин звания грани кинжала. Ну, а Лю?» [Кешоков 1973: 45]. Обращение к метафоре кинжала носит типичный для автора смеховой характер, – в данном случае, находит выход стихия юмора, которая почти всегда сопровождает отношение автора к героям, пользующихся его симпатией. В главе «Тембот и Лю» А. Кешоков в той же тональности использует метафору кинжала, когда повествует о трудных временах, которые способствовали преждевременному взрослению Тембота, старшего из братьев: «Так или иначе, топор в руках Тембота всегда был отточен. Лю, пожалуй, жилось привольнее. Вот и судите, как по-разному могут действовать две стороны одного и того же кинжала» [Кешоков 1973: 223]. «Дальше ехали молча, но одно и то же чувство объединяло братьев, тут легко сошлись две стороны одного и того же кинжала» [Кешоков 1973: 228].

Когда Чача сокрушается по поводу уехавшего в Москву Тембота, она вспоминает и Лю: «Ах, Тембот, – причитала старуха, – ах, сын мой, когда-то крепкорукый Тлепш! Я помню, как ты работал в кузнице! Где ты теперь? Вот и младшего брата... другое лезвие кинжала повернули не в ту сторону» [Кешоков 1973: 482].

Несмотря на драматический контекст, автор почти никогда не изменяет смеховому началу. Метафора кинжала используется шире, – в отношении сложной сюжетной линии Казгирея и Инала. «Из типографии Казгирея вышло новое обращение к мусульманам. «Когда два зверя дерутся, охотнику остается клочок шерсти,

говорилось в обращении. – Когда дерутся два брата, – это уже не два лезвия одного кинжала. Пусть мусульманин подаст руку мусульманину, а кинжал оставит на поясе» [Кешоков 1973: 357]. Действуя в русле единого политического направления, герои идут разными, порой противоположными путями: радикализма и насилия (Инал) – гуманизации и либерализма (Казгирей); в этом смысле они тоже выступают разными «сторонами кинжала».

В романе приобретает метафорический оттенок и образ меча, причем он также используется в смеховой тональности, которая приобретает скорее иронический оттенок. Меч превращается в «карающий меч империи», по определению одного из персонажей романа Аральпова. Он пытается бороться с конокрадством, как одним из традиционных способов обогащения, (которое всегда расценивалось адыгами больше как эстетическая, чем этическая сторона жизни). Используемый в этом ракурсе метафорический образ карающего имперского меча вызывает комический эффект.

Так, образ кинжала (меча) в дилогии Кешокова приобретает метафорический характер, который характеризует функциональные особенности героев-синергистов и антагонистов. В рамках самого романа эти образы (кинжала, меча) едва ли оформляются в архетипы, однако можно говорить об отчетливых тенденциях.

Колесо. Такая же особенность становится характерной и для образа колеса, – оно превращается в типичную метафору эпохи модернизма – «колесо истории»; встречается на протяжении всего текста в различных вариантах, чаще курьезных, по отношению к разным героям: «Люю опять растерялся: как научить Тину ездить на *колесе истории?*» [Кешоков 1973: 311]; «Инал понимал его состояние и упорно думал над тем, как быстрее и вернее... устранить раз и навсегда палки из *колес истории*, как, вероятно, выразился бы дед Баляцо» [Кешоков 1973: 406]; «*Мир колесом идет*», – говорит дед Еруль [Кешоков 1973: 416]. Образ «колеса истории» употребляется в разных контекстах: «Уже растет город-книга, город-костер, костер ярко осветит пути, он будет светить для всех, – говорит Инал. – Нет, товарищи, нельзя остановить *колесо истории*. А мы с тобой только спицы в этом колесе, и колесо не остановится, если из него выпадет гнилая спица. Мы едем, мы летим, мы скачем...» [Кешоков 1973: 638].

Тень (туча). Образ тучи или тени используется в рамках единой композиции как метафора, относящаяся чаще всего в отношении простых людей, растерявшихся перед лицом сложных социальных катаклизмов. Всеведующий автор спрашивает, принимая точку зрения односельчан: «Большие дела приближались к тихому аулу. Но что это было – туча или солнце?» [Кешоков 1973: 149]. Муса, например, в грядущих переменах «не видел лучей, он видел *тень тучи*», а Эльдар, напротив, «видел *из-за тучи солнце*» [Кешоков 1973: 150]. Иногда тень принимает облик птицы. Предчувствуя грядущие тяжелые времена и свою скорую гибель, Казгирей вспоминает балкарскую легенду о том, что перед большой бедой над землей пролетает невидимая птица, и ее тень охватывает всю землю, овладевает душами людей. В подобном «мрачном» восприятии Казгирей обвиняет Инал Маремканов: «Кто вышел из темноты, у того долго темно в глазах. Ты, Казгирей, повсюду видишь *тени* и не понимаешь, что на Соловки идут те, кому не по пути с народом» [Кешоков 1973: 639]. В прощальном письме Коломейцеву Казгирей Матханов снова упоминает о тени и просит уберечь свою жену и детей: «Пусть тень, упавшая на меня, не затронет моей души!» [Кешоков 1973: 716].

Чувячники. Представители народа в романе «Вершины не спят» называются «чувячники». Когда возвращается Астемир Баташев со своим русским другом Степаном Ильичом Коломейцевым, «простые чувячники... повалили в дом к Астемиру» [Кешоков 1973: 149], зато знать аула, такие, как Муса, Гумар, постарались держаться от них на расстоянии.

В сцене пожара усадьбы Шардановых всадники из людей Жираслана, обращаясь к простому люду, взывают: «Чувячники, спешите на усадьбу! Разбирайте

коней и скот! Революция!» [Кешоков 1973: 193]. Автор тонко отделяет «зерна от плевел»: подмену настоящей революции множеством суррогатных явлений, которые рядились под революцию. В данном случае ее именем называется обычное мародерство.

Название «чувячники» всплывает и во время спора Казгирея Матханова с князем Бердом Шардановым. Последний отрицает роль религии в революции: «Нас выгнали из наших домов... Кто? Чувячники. Здесь Коран ни при чем» [Кешоков 1973: 356]. Когда Казгирей вспоминает к слову притчу Руми, князь замечает, что в настоящее время ему «больше рифмы нравится свист нагайки. Я заметил, что чувячники лучше всего танцуют под этот свист» [Кешоков 1973: 356].

Весьма красноречивой кажется реплика Хажмета, «передового» в отряде ма-локабардинских всадников, которые спешили «на помощь Большой Кабарде», то есть людям Инала Маремканова. «Разве мы не помним, – говорит Хажмет, – как собственными кишками чувяки себе крепили?» [Кешоков 1973: 418]. Во всех приведенных эпизодах название «чувячники» имеет отношение к народу, причем во всех случаях подразумевается демократическая оппозиция.

«Чувячником» является адыгский фольклорный герой Дамалей: «Герой песни «Дамалей-Широкие плечи» (он же – Пшикан), – пишет Л.А. Бекизова, – предводитель крестьянского восстания в Кабарде XVIII века. Уже самая лексика песни («Чувячное войско ведет Дамалей. Людей собирает он с пастбищ и пашен...») призвана свидетельствовать о том, что на борьбу поднялась крестьянская беднота» [Бекизова 1974: 64].

«Чувячники» интертекстуально связаны с мифологическим мотивом, который воплощен, в частности, в «Сказании о нарте Сосруко». В главе «Гибель Сосруко» герой встречает по дороге ряд чудес, в том числе поединок между чувяками из сыромятной и сафьяновой кожи: «...Долго ехал (Сосруко), долго скакал и вот увидел посреди дороги цветущее дерево. У подножия дерева простые сыромятные чувяки боролись с чувяками из сафьяновой кожи. Сыромятные чувяки рвались к вершине дерева, а сафьяновые их не пускали. Едва лишь сыромятные вырывались к плодам и листве, сафьяновые их догоняли и стаскивали вниз. И вот что удивительно: добирались сафьяновые до вершины дерева – листья начинали опадать, плоды сохнуть. А если хоть одному из сыромятных чувяков удавалось добраться до вершины, дерево снова зацветало» [Нарты 1951: 128]. Это необъяснимое чудо (среди прочих чудес) герою растолковала подруга, к которой Сосруко заехал по пути: «Ты видел два враждебных рода. Чувяки из сыромятной кожи – бедный род, чувяки из сафьяновой кожи – богатый род. Вершина дерева, достичь которой стараются чувяки – сама жизнь. Предстоит, значит, война между бедным родом и богатым, и победит бедный род, ибо, когда сафьяновые чувяки достигают вершины дерева, плоды гибнут, а когда вершины достигают сыромятные чувяки, плоды расцветают» [Нарты 1951: 130]. Характерно, что в данном фрагменте отчетливо представлен мифологический образ Дерева Жизни («Вершина дерева... – сама жизнь»).

Небольшая притча из мифологии становится аллегорией, которая в принципе дублируется романом: победа мифологического образа сыромятных чувяков (в мифе) – победа Советской власти после Октябрьской революции (в романе). Таким образом, «чувячники» – реминисценция фольклорно-мифологического мотива.

Список источников

- Бекизова 1974 – *Бекизова Л.А.* От богатырского эпоса к роману. Черкесск, 1974.
Кешоков 1976 – *Кешоков А.П.* Сломанная подкова. М., 1976.
Кешоков 1973 – *Кешоков А.П.* Вершины не спят. М., 1973.
Нарты 1951 – *Нарты.* Кабардинский героический эпос. М., 1951.
Тхагазитов 1987 – *Тхагазитов Ю.М.* Адыгский роман. Нальчик, 1987.

References

- BEKIZOVA L.A. *Ot bogatyrskogo eposa k romanu* [From the heroic epic to the novel]. Cherkessk, 1974.
- KESHOKOV A.P. *Slomannaya podkova* [The Broken horseshoe]. M., 1976.
- KESHOKOV A.P. *Vershiny ne spyat* [The peaks do not sleep]. M., 1973.
- Narty. Kabardinskij geroicheskiy epos* [Narty. Kabardian Heroic epic]. M., 1951.
- THAGAZITOV Yu.M. *Adygskij roman* [Adyghe novel]. Nalchik, 1987.

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 23.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 23.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 398.223

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-119-130

ЛЫХЪУЖЬЫМ И ДУНЕЙ КЪЫТЕХЪЭКИАР КЪЭЗЫЛУАТЭ МОТИВЫР ТХЫДЭР ЗИ ЛЪАБЖЬЭ ЛЫХЪУЖЬ ЭПОСЫМ И ПАСЭРЕЙ ЛЪЭХЪЭНЭМ КЪЫЗЭРЫХЭЩЫР

Быхьурэ Мухьэмэд ФуIэд и кьуэ

Гуманитар кьэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет щIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм щIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центр» Федеральнэ щIэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© Быхьурэ М.Ф., 2022

Аннотаци. Лэжыгъэр теухуаш лыхъужьым и дуней кытехьэкиар кьэзылуатэ мотивыр тхыдэр зи лъабжьэ лыхъужь эпосым и пасэрей лъэхъэнэм кьызэрыхэщыр убзыхуным. Нэхьыбэу гулыгъэ зыгъуэтахэм ящыщ абы и кьуэпсхэр кьыздежьэр, адэкIэ зэрызиужьыр, игъуэта зэхуэжыныгъэхэр гъэбелджылыныр. Мыбы и лъэныкьуэкIэ кытрадзауэ нобэкIэ щыIэ кьэхутэныгъэхэр нэхьыбэу зытегъэпсыхьар нарт эпосым, телъыджей, лыхъужь псысэхэм мотивым зэрызыщиужьар кьэпщыгъэнырщ. Тхыдэр зи лъабжьэ лыхъужь эпосым бгъэдэлъ щхъэхуэныгъэхэр джащыхуэалэжыгъэхэмабыщыпIэ хэха щаубыдпэтми, зыкъомыр зытепсэлтыхьар Андемыркъан и циклым ар кьызэрыщыгъэлыгъуарщ. Абы кьикIращи, зи гугъу тщы эпос лэужьыгъуэм и кьэжыапIэ лъэхъэнэм мотивыр зэрыщызэтеувар наIуэ кьэзыщI кьэхутэныгъэ щхъэхуэ экIэ щыIэкъым. Абы кыхэкIащ мы лэжыгъэм дыщIыпэрыхьари. Статьям лъабжьэ хуэхуащ Андемыркъан, ЕщIэнокьуэ зэшхэм ехьэлауэ щыIэ уэрэдхэмрэ хьыбархэмрэ. Абыхэм едгъэпщэну щапхъуэ кьыдохь нарт эпосым, телъыджей, лыхъужь псысэхэм кьызэщIаубыдэ IуэрылуатэхэкIхэм щыщ зыкъоми, дызытепсэлтыхь мотивым и пкъыгъуэ куэдэр абыхэм я деж кыщезежьэу зэрыщытым кыхэкIыу.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: лыхъужьым и дуней кытехьэкиар кьэзылуатэ мотив, нарт эпос, тхыдэр зи лъабжьэ лыхъужь эпос, лыхъужь псысэ, пасэрей цикл, Андемыркъан, ЕщIэнокьуэ зэшхэр

Цитатэ кьызэрыхэпхыну: Быхьурэ М.Ф. Лыхъужьым и дуней кытехьэкиар кьэзылуатэ мотивыр тхыдэр зи лъабжьэ лыхъужь эпосым и пасэрей лъэхъэнэм кьызэрыхэщыр // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 119–130. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-119-130

Original article

THE MOTIVE OF THE BIRTH OF A HERO IN THE EARLY CYCLES OF THE HISTORICAL AND HEROIC EPOS OF THE ADYGS

Mukhamed F. Bukhurov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© M.F. Bukhurov, 2022

Abstract. The article examines the main forms of objectification of the hero's birth motif in the early cycles of the historical-heroic epic of the Adygs (Circassians). Particular attention is paid to the problems of their genesis, evolution and transformation. In the current works, these issues were considered mainly in connection with the archaic Nart epic, fairy tales and heroic tales. In scientific works devoted to the study of the poetics and style of the younger epos, a significant place is given to the analysis of ways to implement this motif in the Andemirkan cycle. However, until now there are no special works devoted to a detailed description of the stages of formation and development of the birth motif of a hero in the older cycles of the named variety of the Adyg epic, which determines the relevance of this study. The study is based on the materials of the cycles about Andemirkan and the Eshanoko brothers. For comparison, the texts of the archaic Nart epic, fairy tales and heroic tales are used, the elements of which have become the main source for the formation of the folklore phenomenon under consideration.

Keywords: the birth motif of a hero, Nart epic, historical and heroic epic, heroic tale, early cycles, Andemirkan, Eshanoko brothers

For citation: Bukhurov M.F. The motive of the birth of a hero in the early cycles of the historical and heroic epos of the Adygs. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2022; 4-2 (55): 119–130. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-119-130

Научная статья

МОТИВ РОЖДЕНИЯ ГЕРОЯ В РАННИХ ЦИКЛАХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА АДЫГОВ

Мухамед Фуадович Бухуров

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© М.Ф. Бухуров, 2022

Аннотация. В статье исследуются основные формы объективации мотива рождения героя в ранних циклах историко-героического эпоса адыгов (черкесов). Особое внимание уделяется проблемам их генезиса, эволюции и трансформации. В существующих в настоящее время работах эти вопросы рассматривались в основном в связи с архаическим нартским эпосом, волшебной и богатырской сказками. В научных трудах, посвященных изучению поэтики и стиля младшего эпоса, значительное место отводится анализу способов реализации этого мотива в цикле об Андемиркане. Однако до настоящего времени не существует специальных работ, посвященных детальной характеристике этапов формирования и развития мотива рождения героя в более древних циклах названной разновидности адыгского эпоса, чем и определяется актуальность настоящего исследования. Исследование основано на материалах циклов об Андемиркане и братьях Ешаноко. Для сравнения привлекаются тексты архаического нартского эпоса, волшебных и богатырских сказок, элементы которых стали основным источником для формирования рассматриваемого фольклорного феномена.

Ключевые слова: мотив рождения героя, нартский эпос, историко-героический эпос, богатырская сказка, ранние циклы, Андемиркан, братья Ешаноко

Для цитирования: Бухуров М.Ф. Мотив рождения героя в ранних циклах историко-героического эпоса адыгов // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 119–130. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-119-130

Лыхужьым и дуней кытехьэклар кэзыуэтэж мотивыр ящыщ дуней
псо Гуэрыуатэм нэхьыбэ дьдэу зыщызужыхэм. Псом хуэмыдэжу абы
дыщрохьэлэ Лыхужь эпосым, тельдыжей, лыхужь псысэхэм. Мотивыр
джыным зырыщадзэрэ зыкъом щлащ, щлэщыгъуэ куэди кэхута, щлэныгъэм
дежкэ мыхьэнэшхуэ зиэ Гуэхугъуэфхэри лэжъа хуащ. Псалъэм папщлэ,
тельдыжагъэ хэлъу лыхужьыр дунейм кызырытехьэр кызыхэщ мотивым

льябжьэ хуэхуар, абы и лэужьыгъуэхэр, пасэрей Гуэрыуатэм абы шигъэзащлэ кьалэнхэр, нэхъ иужьыуэклэ кьэунэхуа жанрхэм зэрыхыха щыклар, абыхэм шигъуэт зэхуэклыныгъэхэр, нэгъуэщл куэдхэри белджылы кьащлащ. Зы льяныкьуэклэ уеплэмэ, апхуэдиз «ехуэлэныгъэхэр зылэрызыгъэхэа» мотивым зыгуэри пхухэмыльхэжыным хуэдэщ. Ауэ, щлэныгъэллхэр абы тетамэ, ар щызэпкьрыха кьэхутэныгъэхэр нобэр кьыздэсым, дауикл, ирагъэклуэклынтэккым. Мотивыр зырэ я кьэлүэтэкларэ эфэзэщ, я кьуэпсхэри зым кьышежьэрэ зэщхуэ зыужьыныгъэ игъуэтауэ щытатэмэ, апхуэдиз кьэхутэныгъэри лейуэ кьыпщыхунри хэлът. Арщхэклэ Гуэхур зытетыр нэгъуэщлщ: мыр кьызэрыуэта щыклар апхуэдизклэ земыфэгъуу, лэужьыгъуэ куэду зтэпщыкыжжаша, льяпкь кьэсклэ кьызэрагъэсэбэп щыклар щыгъэтауэ, зы льяпкьым и Гуэрыуатэр абыклэ зэрыкулейр, абы щыгъуэми куэду зэщхэщыкыжу зэрыщытыр умыгъэщлэгъуэн плыэкларкым. Апхуэдэу зэрыщытырщ еджагъэшхуэхэм зэман-зэманклэрэ мотивыр кьэпщытэным зыщыхуагъазэри. Дэри мы лэжыгъэм дыщыпэрыхэм дыкызыпкьрыклар аращ: псом дежи мотивыр зыщ – лыхужьым и дуней кьытехэклар кьыуатэу аращ, ауэ а кьэлүэтэклэм хэлът щхэхуэныгъэр аращ Гуэрыуатэхэклар езыр кулей, щлэщыгъуэ, удэзыхэх, гъэщлэгъуэн зыщыжри. Абы кьыхэкклэ дэтхэнэ зы лыхужьым и образым ар зэрэпхар кьэпщытэным щлэныгъэм дежклэ мыхьэнэшхуэ илэу кьыдолгытэ. А псом кьыхэклащ мотивыр тхыдэр зи льябжьэ лыхужьэ эпосым и пасэрей циклхэм кьызэрыхэщыр белджылы кьэтщыныу иужь дыщлхьар.

Мотивыр адыгэ Гуэрыуатэм кьызэрыщыклар джа зэрыхуам теухуауэ жьылэмэ, куэдми-мащлэми мыбы зыгуэр хужьызымыла ди щлэныгъэллхэм яхэту кьэгъуэтыгъуейщ. Ауэ шапхэ кьудейуэ кьыжытлэнщи, ди льяпкь Гуэрыуатэр тедзэн зэрыщладзэрэ (XIX ллэщыгъуэм кьышегъэжыауэ) Сосрыкьуэ мывэм кьыдахауэ кьызэрыуэтам зэккым-тлэуккым зэрытетхыхьахэр, апхуэдизклэ щлэныгъэм дежклэ абы и мыхьэнэр зэрыныр Гупщлти. Апхуэдэхэщ мыдрей нарт лыхужьхэм я кьэхукларэ. Мыбы и Гуэхуклэ лэжыгъэ псоми я гугъу тхуэмыщлми, зыбжанэм тепсэлтыхьыпхэщ. Псалъэм папщлэ, Алий А.И. пасэрей эпосым триухуа и кьэхутэныгъэм лыхужьэ нэхьыщхэ кьэс Гыхэ щхэхуэ хухихащ, Гыхэ кьэси щхэж и дуней кьытехэклам щытопсэлтыхь [Алиева 2019: 23–184]. Апхуэдэу адыгэ нарт эпосым елэжь Гьут I.M. и кьэхутэныгъэхэм а Гуэхугъуэм гулыгъэшхуэ щыхуэщлащ [Гутов 2009]. Мотивым и гугъу щыщлащ Хьут Щ.Хь. и лэжыгъэхэми [Хут 2003]. Ди псысэ персонажхэм я дуней кьытехэклам бгъэдэлът щхэхуэныгъэхэри белджылы кьыщыщла кьэхутэныгъэ зыбжани дунейм кьытехэуэ щылэхэщ [Алиева 2019: 422–441; Бухуров 2009; Быхурэ 2013]. Тхыдэр зи льябжьэ лыхужьэ эпосми мотивым зэрызыщиужьар кьыщыпщыта кьэхутэныгъэ зыбжани ирагъэклуэклащ, ауэ мыбыхэм нэхьыбэу мыхьэнэ зэтауэ щытыр Андемыркьан кьызэралъхуар кьызыхэщыж мотивырщ [Алиева 2019: 208–304; Гутов 2000: 36–38; Бухуров, Бухурова 2019]. Нэгъуэщл персонажхэми мы Гуэхугъуэр зэрэпхар Гупщл кьэщлэным ди Гуэрыуатэм и кулеягъыр кьыгъэлыагъуэу, абы щыгъуэми дэтхэнэми мыбы и льяныкьуэклэ щхэхуэныгъэ гуэрхэр зэрабгъэдэлъыр кьэтлыгъэри мы лэжыгъэм дыпэрыхьащ. Псом хуэмыдэжу зи гугъу тщы эпос лэужьыгъуэм и пасэрей циклхэм мотивым зыужьыныгъэшхуэ шигъуэтащ: мыбыхэм кьахэщыр лыхужьэ нэхьыщхэхэм я дуней кьытехэклэ кьудейркьым, атлэ бийм и кьэхуклами сюжет щхэхуэ щыхухэха щылэщ. А псом ириплэным, Андемыркьан кьызэралъхуар кьээзыуэтэж сюжет лэужьыгъуэхэри кьэплэлытэмэ, льягъуэ дытришэу жьылэ хьунуш тхыдэр зи льябжьэ эпосым и пасэрей Гуэрыуатэхэклархэм мотивым шигъуэта теплээр, абы и лэужьыгъуэхэр, дэтхэнэми кьежыаплэ хуэхуар налуэ кьэтщыфыну.

Мыбдежым нэгъуэщл зы Гуэхугъуэи дигу кьыщыдгъэккыжыпхэхэщ. Щлэныгъэллхэм гу зэрылыатамклэ, Гуэрыуатэхэклар нэхъ пасэрейуэ щытыхунклэ, зэман жьыжэм кьышежыа мотивхэмклэ нэхьыбэу гьэнщлауэ, нэхъ иужьклэ кьежыамэ,

гьашцэм и пэжым нэхь пэггунэггьюу щытщ. Ар зэльгытари гурыгуэггьюэщ – цыхум кгуэ пэтми и кьэухьым, и гупсысэм зэрызиужьарщ. ДауикI, ильэс мин бжыггэкIэ узэлэбэкIыжмэ пэсуам бггэдэлъа фIэшхуныгггэхэм хуэдэжккым иужьрейхэм я зэхэщыкIыр. Апхуэдэу щыт пэтми, Гуэрыгуатэм ди зэманхэм кыхьэсащ пасэрей лъэхэнэм и нэпкыжьэ зыгель мотив куэд. Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, Сосрыкгуэ мывэм кызырэдахар, псысэхэм анэм пхэщхьэмыщхьэ, жылэ гуэр ишхыу, хьыджэбзыр хьэкIэкхуэжIэ е миф пэсушхьэ гуэрым идьггурэ зэдэпсэуэ сабийр дунейм кыггтехьэу кьэзыгуэтггжхэр. Мыпхуэдэхэр кызырэгупсысам иджыпсту зыми шэч кытрихьэрккым, ауэ а Гуэху еплъыкIэр зиэр дунейм щекIуэкIыр, абы и кьэхукащIэхэр кызыгурыгуа цыхурщ, зэманьжкым пэсуам и кьэухьым а псор зэригггэзахуэрккыми, мыбыхэм хуилэ фIэшхуныгггэр быдэщ.

Мы ГуэхуггуйтIым – пасэрей фIэшхуныгггэмрэ абы кыпкьрыкIа Гуэрыгуатэ мотивхэмрэ – яку дэль зэхушытыкIэм еджагггэшхуэ зыбжанэм я кьэхутэныгггэхэр траухуауэ щытащ. Апхуэдэхэщ В.М. Жирмунскэр, В.Я. Пропп, Дж.Дж. Фрэзер, Л.Я. Штернберг, н. Шцэныгггэлхэм я лэжыгггэхэм Гуэхугггэшхуэ куэд щызэпкьрыхаш. А псом мыбдежым дащытемыпсэлъыхьыфми, зы лэужыгггюэм кьэжьапIэ хуэхуам, и зыужыкIам и шапхьэ кьэтхьынщ, мотивым кызыэпича ггюэгуанэр ГупщI кызыэрищIым кыхьэкIыу. Зи цIэ кытIуа Гуэрыгуатэдггжхэм зэрыхуагггэфашэмкIэ, матриархатым тепщэггюэр щилыггга зэман жыжьэм кыщожьэр «партеогггезискIэ» зэдгэ Гуэху еплъыкIэр. Абы кыкIращи, адэншэ сабийр дунейм кыггтехьэныр зэггюэр я фIэш хьууэ щытащ [Пропп 1976: 206]. Апхуэдэ дыдэу кьэкIыгггэхэм псэ кыпхэзыльхьэ кьару ябгггэдэлъуи кьафIэшIырт [Пропп 1976: 237]. Дж.Дж. Фрэзер иригггэкIуэкIа кьэхутэныгггэхэм тепщIыхьмэ, пасэрей цыхум и гьашцэм мэггюми мыхьэнэшхуэ щилаш, икIи, абыхэм зэрагггюэу щытамкIэ, зэггюэр зэльэлэса, ггюнэггюу зыхуэхьуа хьэпшып сыт хуэдэхэр мэггюу кьарум и фIыщIэкIэ ябгггэдэлъ щытыкIэхэмкIэ зэхуажэфхэрт [Фрэзер 1984: 19]. Апхуэдэ гупсысэм кыпищэу Л.Я. Штернберг итхыгггаш, мыIэрысейм мин бжыгггэкIэ кыпыкIэ мыIэрысэхэр а жыггым и «сабийуэ» кьалыгггтэу, а мыIэрысэхэр бзыльхугггэхэм яшхмэ, мэггюу кьарум и фIыщIэкIэ а жыггым хуэдэу «быныфIэ» хьун я гуггюу зэрыщытар [Штернберг 1936: 440]. А гупсысэ дыдэр кыщыгуэтгаш В.Я. Пропп и кьэхутэныгггэхэми [Пропп 1976: 210]. Мис апхуэдэ дуней еплъыкIэхэм кьашауэ хуагггэфашэ, пхэщхьэмыщхьэ е жылэ гуэр ишхмэ хьыджэбзым (языныкьуэхэм деж – фызыжь цыкIум) бын (лIыхужь нэхьыщхьэр) иIэу кызыыхэщ мотивыр кьэжьэныр. ИужькIэ цыхум и кьэухьым, и дуней еплъыкIэм зиужьу а фIэшхуныгггэхэр нэхь мащIэ хьуами, е текIуэтыпами, Гуэрыгуатэм ахэр кыггггэсэбэпыныр пичырккым, атIэ лIыхужь нэхьыщхьэр кызырэыхагггэшхьэхукI художественнэ Iэмалхэм хуокIуэри жанр зэхуэмыдэхэм зышаужь. НэггюэщIу жыпIэмэ, Ггют I.М. гу зэрылгытащи, лIыхужь пажэр адрейхэм кьащхьэщыкIын хуейщ зыми дэдмылгаггюу нэцэнэхэмкIэ: кьару егггэля зэрыбгггэдэлъымкIэ, егггэляуэ псынщIэу зэрыхэхуэмкIэ, иджыри сабийуэ (щIалэ дыдэу) адрейхэм зарефIэкI лIыгггэ кызырэрылгыкьуэкIымкIэ, икIэм-икIэжращи, тельдыджагггэ хэльу дунейм кызырэгггтехьэмкIэ [Гутов 2009: 28].

Адыгэ Гуэрыгуатэм апхуэдэ мотивхэм зыужыныгггэшхуэ зэрыщигггюэтам и щыхьэтггг мыдрейхэм ещхьу кызырэгуэкIыу дунейм кыгггтехьэу зы лIыхужь нэхьыщхьы нарт эпосым зэрыхьэмытыр: Сосрыкгуэ мывэм кыдах [Нартхэр... 2012: 181, 182, 183–186, н.], Уэзырмэсрэ Хьымыщрэ я анэр хы щIагг дунейм щыпсэу зэшиблым я шыпхьуш [Нартхэр... 2017: 23–27, 27–34, н.], Батрэз и анэр испы лъэпккым кыхьэкIаш [Нартхэр... 2017: 163–168, 168–173, н.], Бэдынокьуэ и анэр кызырэгуэкI цыхуми, ари кьаруушхуэ зыбгггэдэлъ бзыльхугггэ зауэлIщ [Нартхэр... 2020: 28–35, 35–39, н.], Щауей и анэр иныжыпхьуш [Нартхэр... 2020: 433–441, н.]. Псысэхэм захуэдгггэзэми, мотивыр нэхьыбэжу зэтешIыкIыжаш: хэти я анэ хьунухэм мыIэрысэ [ФАИГИКБНЦРАН: Инв. № 663], гуэдз жылэ [АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. П. № 6–6. П. № 2], нэггюэщI шхыныгггюэ гуэрхэр

[Адыгэ таурыххэр... 2018: 382–389] яшхри, хэти хьыджэбзыр хьэкIэкхьуэкIэ (нэхьыбэрэ – мышэм) е миф псэушхьэ гуэрым едыгъури, зэдэпсэуэрэ, сабийр дунейм кытохьэ [Адыгэ таурыххэр... 2018: 197–209; АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. П. № 6-а. П. № 3, 12], ещанэхэр – хаса кьэкIыгъэм цыху кытопщIыкI [АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. П. № 6-б. П. № 5], н. Апхуэдэ щIыкIэкIэ дунейм кытехьа лыхужьыр хахуагьэрэ лыгьэкIэ псоми ефIэкIыу мэхьу.

Тхыдэр зи льябжьэ эпосри аращи, и лыхужьыр кыыхигьэщхьэхукIыну, гу лъуигьэтэну, игьэфIэну хущIокьу, абы папщIэки ижь-ижьыж льяндэрэ Iуэрыуатэм зэтриухуа хабзэм, ищхьэкIэ жыхуэтIам, зэрытетыным яужь итщ. Пэжщ, мыбы кыызэщIыкьуэ IуэрыуатэхэкIхэм я льябжьэр гьащIэм и пэжым нэхь пэгьунэгьущ, е тхыдэ кьэхьугьэр кышыгьэльэгьуэжащ. Апхуэдэу щыщыткIи, мы эпос лэужьыгьуэм и лыхужьым и дуней кытехьэкIэри пэжым нэхь пэблагьэщ. Апхуэдэу щыт пэтми, ари адреи цыхухэм кьащхьэщыкIын хуейщ, аращ Iуэрыуатэм и образ кьэгьэщIыкIэ хабзэри. Гу зылытапхьэращи, мыбдежым мотивыр кызырэщыгьэсэбэпам щхьэхуэныгьэ хыболгагьуэ: зы лэныкьуэкIэ миф гупсысэхэм кьаша пкьыгьуэхэр Iуэрыуатэм иджыри зэкIэ IэщIыб хуэщIыркьым, нэгьуэщI лэныкьуэкIэ уеплэмэ, мы эпос лэужьыгьуэр щызэтеуэ лээхэнэм ахэр лыхужьым кIэрылхьэныр «кьезэгьыжыщэу» щыткьыми, гьащIэм и пэжым пэджэж, е нэгьуэщIу жыпIэмэ пэж дыдэу кьэхьункIэ хьуну Iуэхугьуэм пэблагьэ кьэIуэтэкIэм зэрыхуишэным хущIокьу. Апхуэдэм и шапхьэ гьуэздэджэхэм ящыщ зыуэ жыпIэ хьунуц Андемыркьан и дуней кытехьэкIам кьепха мотивхэр.

Еджагьэщхуэхэм гу зэрылытатащи, мы мотивым кьэIуэтэкIэ зэхуэмыдэхэр иIу циклым дыщыхуозэ. Гьут I.M. зэритхымкIэ, феодальнэ эпоскIэ зэджем и щIэдзапIэ лээхэнэм иджыри кьаруушхуэ щалэт пасэрэи Iуэрыуатэм щызэтеуауэ лыхужь нэхьыщхьэр кьрыхагьэщхьэхукIыу кьагьэсэбэп Iэмалхэм. Абыхэм ящыщ зыщ лыхужьым и ллакьуэр миф псэушхьэ гуэрым деж кышыщIидзэу кьэгьэльэгьуауэ куэдрэ узэрырихьэлIэр. А щытыкIэмкIэ кьэIуэтауэ жыпIэ хьунуц Андемыркьан и ллакьуэри мэзылым екIуалIэу хьыбарым кыщIыхэщыр [Гутов 2000: 36]. Сэхьу Мамызэ (1856 гь./кь.) кьыжиIэжауэ щыта хьыбарым [Адыгэ Iуэрыуатэхэр 1969: 219–220] кызырэыхэщымкIэ, Андемыркьан и анэр кызырэыгуэкI цыхуш, и адэр мэзылIш: кьегуэкIуа щIалэм шрамыткIэ, хьыджэбзым кьуаншагьэ лэпкь бгьэдэмыль пэтми, щIалэр абы хуэпсальэу щIедзэ; адэм ар щызэхихкIэ, и напэр трихауэ кьыщохьу, кьогубжьри унафэ ещI, и пхьур мэзым яшэу хьфIадзэну, абы шагьэкIуэдыну; хьыджэбзыр мэзым щIэтурэ, мэзылI кьрохьэлIэ, абы физ хуохьури, сабии (Андемыркьан) зэдагьуэт. Зэрынэрылыгагьуши, мыбдежым циклым и лыхужьыр кыыхигьэщхьэхукIын папщIэ пасэрэи эпосымрэ лыхужь псысэмрэ щызэтеуа сюжетым зыхуегьазэр. Мыр и кьэIуэтэкIэкIэ пэблагьэщ Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ я сюжетгьэлыгагьуэм (адэкIэ АТ) [Thompson 1961] дызыщрихьэлIэ 303-I сюжетым. Апхуэдэ псысэм и шапхьэщ «Мэзылым и хьыбар» [Адыгэ таурыххэр... 2018: 197–201] жыхуиIэр: нэгьузегьэужь кIуа щIалэгьуалэм яхокIри хьыджэбзыр (Нагьуэ) мэзым хохьэ; мэзылI кытоуэри ехь; зэдэпсэуэ щIадзэ, щIалэ цыкIуи кьащIохьуэ.

Мотивым адэкIэ циклым щигьуэт зэхьуэкIыныгьэхэм, зыужьыныгьэхэм я гугьу пщIымэ, псом япэу гу зылытапхьэхэм ящыщ, миф нэщэнэхэр кIуэ пэтми текIуэтрэ, абы ипкь иткIи лыхужьым и ллакьуэр зэкIуалIэ миф псэушхьэр кызырэыгуэкI цыхукIэ, ауэ кьару зэрамышIэж бгьэдэлырэ мэзылым и хьэл-щэн куэд зыхэпща образкIэ хьуэжа зэрыхур: тенджыз Iуфэм щыпсэу лы бланэр кытоуэри Кьэрабэхэ я пхьур ехь, зэдэпсэуэ ирагьажьэри, щIалэ цыкIу (Андемыркьан) кьащIохьуэ [Кабардинский фольклор 2000: 308–313]. Хуэм-хуэмурэ циклым мы сюжет кьэIуэтэкIэр гьащIэм и пэжым пэблагьэ зэрищIым и нэщэнэщ хьыджэбз дыгьуныр абы зэрыхэмытыжымрэ адэм и образым хэтлыгагьуэу щыта миф теплэр, мэхьаджагьэр зэрыкIэрымылгыжымрэ: тенджыз тIуащIэм бланэ защIэу лэпкь щопсэу; Андемыркьан кьэзылхуа и адэ-анэр абыхэм

ящыщ, зэгурыуэрэ зэдэуэжуи зэдопсэу; адэкIэ щIалэ цыкIур бгэ абрагуэм ирехъжэри Къэбэрдейм кърехъ [Кабардинский фольклор 2000: 303–308]. Ауэ, гъэщIэгъуэнращи, мыбдежым пасэрей гупсысэкIэм кыша пкыгъуэхэр нэх мащIэ щыхъуауэ кыпфIэщI пэтми, Iуэхур зыIутыр нэгъуэщIщ. ЩIэныггэлIхэм кызыракутамкIэ, пасэрей цыхум кызырыгурыуэмкIэ, щIэпльыпIэм (горизонт) адэкIэ щыIэр нэгъуэщI дунейщ, лыхъужьыр абы бгэм (е нэгъуэщI къуалэбзу лIэужьыгъуэ гуэрым) ехъ (е кхъхъ); апхуэдэу кхъуафэжьейкIи зэпросыкI, чейм ису (пхъуантэм дэсу, н.) псым (тенджызым) траутIыпщхъэри, мы дунейм кхъхъ, езы лыхъужьым псэушхъэ гуэрым и теплэ зрегъэгъуэтри макIуэ (кыкIуэ) [Пропп 1986: 83–87]. Аращи, Андемыркъани, нарт лыхъужьхэм хуэдэу, и дуней кытехъэкIэр нэгъуэщI дунейм пыщIащ, ар дыдэмкIи ар Iуэрыуатэм адреихэм къащхъэщиггэкIащ.

Дызытепсэлъыхъ мотивым и къэIуэтэкIэр гъащIэм и пэжым нэхъри нэхъ пэгъунэгъуж ещI абы и лIакъуэр пщы лъэпкъым екIуалIэу хыбар зыбжанэм кызырыхэщым. Абы кыдэкIуэу, мыбыхэм хыдолъагъуэ адыгэм зэрихъэу щыта хабзэхэм ящыщ зы – пщы-уэркъхэм щхъэгъусэу кыхахын хуейри езыхэм къахуэдэн хуейт. АрщхъэкIэ, хыбыарым и вариант куэдым кызырыщыIуэтамкIэ, пщым унэIут цыхубз щIасэ хуохъури, Андемыркъан къалъху, ар щIахумэн мурадкIи сабийр хыфIадзэ: Андемыр кызырыкIуэжыну гъуэгум и Iуфэм шагъэтIыль [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 6], жыг зэхуакум дальхъэ [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 9; Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 4; Ф. 12. Оп. 1. П. 21-ж. П. 13], псыхъуэм кыданэ [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. 203 Оп. 1. П. 21-и. П. 10], Андемыр кIэщIадзэ [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 23], н. Андемыр къещтэри епI. Мыбдежми ипэрейуэ дызриплъахэм ещхъу, и къэIуэтэкIэр псысэ сюжетым хуокIуэж. Къапштэмэ, АТ 315 сюжет зиIэ тельдыжей, лыхъужь псысэхэм мыр къазэрыщхъэщыкIыр зы закъуэщ – образ хэтхэрщ: псысэхэм лыхъужьым и адэу миф псэушхъэ (благъуэ, иныжъ, мэзылI) кыххэщмэ, Андемыркъан и адэр кызырыгуэкI цыхуш, пщыщ. Адрейуэ сюжетым и ухуэкIэки, лыхъужьхэм я къалэнкIи, я IуэхушIафэкIи зэхуэдэщ.

Егъапщэ псысэхэм:

Лыхъужьым цыхубзым унафэ хуешI, хъэщIэщым щIэмыхъэну (мащэм имыплъэну, н.), езыр зекIуэ йожъэ; унафэр имыггэзащIэу бзылхуггэр хъэщIэщым щIохъэ (мащэм йоплэ, н.) (къэIуэтэкIэр зэтемыхуэми, мыр ещхъщ пщыр хабзэм ебакъуэу унэIут щIасэ зэрищIым), иныжъ (благъуэ, мэзылI) щIэсу (ису) кыщIокIри, абы щхъэгъусэ хуохъу; зэман докIри, щIалэ цыкIуэ къащIохъуэ; ар лыхъужьым шабзыщIын мурадкIэ, яхъри гъуэгущхьибл щызэблэкIым тралъхъэ (жыг дыкыуакъуэм дальхъэ); лыхъужьыр кыщыкIуэжкIэ, абы ирохъэлIэ, кхъхъ, иреггэпIри, къару зэрамышIэж, лыггэшхуэ зыбггэдэлъ, зыри зыпэмылэщ лы нэс къошIыкI. [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 6-а. П. 12; Нартхэр... 2017: 279–291].

Зэрынэрылъагъуши, Андемыркъан дунейм кызырытехъар къэзыуатэ сюжетхэм щызэхэхуэнащ пасэрей пкыгъуэу нарт эпосым, псысэхэм щызэтеувахэмрэ иужькIэ пэжыр лъабжэ зыхуэхъуа е абы еггэщхъа мотивхэмрэ. А щытыкIэр хыдолъагъуэ ЕщIэнокъуэ зэшхэмрэ абыхэм я бий КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужьрэ кызыралъхуам, я къэхъулам щыгъуазэ дыхуэзыщI мотивхэмрэ сюжетхэмрэ.

Циклым кызырыхэщыжымкIэ, ЕщIэнокъуэ зэшитIыр XVI лIэщIыгъуэм и япэ Iыхъэм Тэльостэныпщым кызырыггэпэшауэ хуаггэфащэ Бахъшысэрей зекIуэм хэтауэ щытащ (еплъ: «Бэхъшысэрей зекIуэ», «Къэбэрдейм цеипхъэж джанэр зэрышахыгъам» [Адыгэ Iуэрыуатэхэр 1969: 108–110]), мис абыкIи ахэр гъащIэм и пэжым, тхыдэм епхауэ жыпIэ хъунуш. Ауэ, мыбыхэм ехъэлIа Iуэрыуатэми щымащIэкъым нэхъ пасэу зэтеува жанрхэм зыужьыныггэшхуэ щызыгъуэта мотивхэмрэ сюжетхэмрэ. ЕщIэнокъуэхэ Узырмэсрэ Темыркъанрэ ящыщ лыггэрэ хахуаггкIэ нэхъ лъэрызехъэ дыдэу лъэпкъым кыххэкIахэм. Апхуэдэу

щыщыткИи, зэрыжытIам хуэдэу, ахэри адреихэм къащхьэщыкIын хуейщ, абы папщIэки циклым «зызэхуигъазэр» нарт эпосымрэ псысэмрэщ.

ЗэшитIыр дунейм кызырэтехьар кыхошчыж «ЕщIэнокъуэ Атэбий» хыбарым [Адыгэ Iуэрыуатэхэр 1969: 78–80]. Хыбарыр сюжет зыбжанэу зэхухуэнащ. И щIэдзапIэр АТ 650В псысэ сюжетым тохуэ. Мы псысэхэм куэдрэ уазэрыщрихьэлIэщи, лы ябгэм нысащIэ къешэ; жэщ къэс ар, дыщэ пыIэ щхьэрыгыу, егъэуври и пыIэм нэщанэ еуэурэ щхьэреуд; нысащIэм ар хуэмышэчу и щхьэгъусэм ищIэр зэрымлыгыгэр, атIэ зигъэунэхужыну хуеймэ, нэхь лъэщыж зэрыщыIэр кыжреIэ; щхьэгъусэр а лыхъужьым и лыхъуакIуэ йожьэ, къегъуэт, езым нэхьрэ нэхь лъэщу кыщищIэклэ, и хьэлыр зыхен. НэгъуэщIу кэIуэтами, дызытепсэлыхь хыбарри апхуэдэщ: КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь (Ахьмэтэч) езым нэхьрэ нэхь лъэщ щымыIэу зыкьелытэж; абы и псэм техуэркыым, лыгыгэкIэ, хахуагыкIэ, цыхуггэкIэ Атэбийр цIэрыуэ зэрыхуар. Ар хуейкыым Атэбийр бэлэрыгъауэ зригъэхьэлIэу иукIыну, атIэ нэхь кыищтэр пэуви и эффIэкIыр игъэунэхунырщ, апхуэдэ мурад иIэуи кьожьэ, ар зэуапIэм кьриджэн папщIэки и кьуэш нэхьыщIэ цыкIур еукI. Абы иль ищIэжыну Атэбийр КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь (Ахьмэтэч) и щынальгэм йохьэ.

Адэклэ хыбарым зэрызиужьыр АТ 302 псысэ сюжетым пэблаггэу хухуэна кьэхьуггэрщ. Мыпхуэдэ таурыхьхэм зэрахабзэщи, иныжьым (е нэгъуэщI миф псэушхьэ гуэрым) хьыджэбзыр едыгъу; ар кьригъэутIыпщыжыну лыхъужьыр йожьэ; иныжьым тIасхьапIэ иIэщи, абы текIуэн папщIэ, лыхъужьым ар (и псэр е и кьарур зыхэлъыр) кыищIэн хуейщ; кызырэщIэклымкIэ, иныжьым кьару кьезытыр щIым и гъунэм щыIэ тенджыз тIуащIэм щыпсэу нэжьгъушIыдзэм и шы лъэпкыым щыщ зэрытесырщ, хьыджэбзым а тIасхьапIэр кьехутэри лыхъужьым жреIэж; лыхъужьыи апхуэдэщ зыIэрегъыхьэри, и бийм токIуэр, хьыджэбзыр хуит кьешIыжри щхьэгъусэу кьешэ (егъапщэ: СУС 302₁ *Смерть Кащя в яйце* [Сравнительный указатель... 1979: 107–108]). Сюжетыр зиIэ адыгэ псысэхэр нэхьыбэу кызырацIыхур «Кьарэльтакъуиш» фIэщыгъэцIэмкIэщ [Адыгэ таурыхьхэр... 2018: 72–78, 79–89]. Таурыхь куэдым ущрихьэлIэ щыIэщ хьыджэбзыр мэзылIым идыгъуу [Адыгэ таурыхьхэр... 2018: 197–201]. Языныкьуэхэм деж лыхъужьыр абы пэльэщын папщIэ, ар жеяуэ щытын хуейщ, ар кызырэщIэ хабзэри Iуэрыуатэм эффIыгъуащ – мэзылIыр жей куум хильэфамэ, и пэм гъуэз (мафIэ бзий) кьрех. Абы кьыдэкIуэу, ар лыхъужьым зэрыхуэукIыну езы мэзылIым и сэшхуэ дыдэмкIэщ, абы щыгъуэми и кьарур пэльэщу ар хуэгъэлэрыхуэн хуейщ.

Миф псэушхьэхэм я кьалэныр зыгъэзащIэу хыбарым кыхьэщыр КъуийцIыкIуокъуэрщ – нысащIэр яфIрехьэжэ. Адэклэ сюжетым зэрыщыхабзэщи, бзылхуггэм Атэбийм и лыггэр здынэсыр кыгурыуа нэужь, сыт и лэныкьуэки абы зэрыдэлэпыкьуным хущIокъу. ЩIалэм иль ищIэжын мурад зэриIэр кыищIащи, бийм зэрытекIуэнуmkIэ чэнджэщ ирет: Iуриха нэужь, и пэбзийmkIэ хьуаскIэ кьрихьу зэрыхуежьэнур, езы Дэгужь и джатэмкIэ фIэклэ, ари кыхуэIэтыххэмэ, зэрыхуэмыкIыну кыжреIэ. А чэнджэщхэм Атэбийр йодаIуэри КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужьыр хегъащIэ, апхуэдэ щIыкIэки иль ещIэж, а псор кыжезыIа хьыджэбз дахэри щхьэгъусэу кьешэ, ЕщIэнокъуэ Уэзырмэсрэ Темыркьанрэ кызыдалху.

КэIуэтэклэклэ мыбы кыщхьэщыкIыу нэгъуэщI варианты щыIэщ [Адыгэ Iуэрыуатэхэр 1969: 82–86]. Абы и ухуэкIэри псысэм хуэдэщ: ЩIэдзапIэр зи гугъу тщIа АТ 650В сюжетырщ. Адэклэ зэрызиужьыр АТ 516 сюжетым тохуэ. Псысэхэм ар кызырэщыIуэтар мыпхуэдэуш: пщым и кьуэр нысащIэ лыхьэуэ йожьэ, и пщафIэр (ныбжьэгъур) щыгъуу; гъуэгуанэ жьыжэм зэхиукIауэ ар мэлыхьуэ (Iэхьуэ, шыхьуэ) пщылэм нос; лэгъупэжьым и фIыщIэклэ кьару егъуэтыж; кыщIежьар лэгъупэжьым щыжриIэклэ, чэнджэщ кьрет, мыкIуэну, хьыджэбзыр ябгашэу лыхьуэ бгъушIрэ бгъум я щхьэ пиупщIауэ зэрыщытым кыхьэкIэклэ; хьыджэбзым и лыхьухэм кьапиггэтIылт, кьыдэжэн, нэщанэклэ кьыпеуэн, кьэбэнын хуейуэ,

кытекүэмэ, дэкуэну; лэгүпэжым и чэнджэщхэмкэ лыхужьыр хыджэбзым токуэ, кьешэри тхэрэ псэуэ кьонэж [Сравнительный указатель... 2018: 576].

Псысэм кызырышыуэтам хуэдэу, Атэбийр гүэгуэм шыбыхуэ, мэлыхуэ, бжыхуэ пшылэхэм шахуозэ, игъэзэжыну кьолъэхэр, Дэгужьыр егъелеуэ лы ябгэщи (шу бгүшрэ бгүм я щхэр фихаш). Арщхэкэ щимыдэм, бжыхуэ тхэмадэм чэнджэщ кьрет, кьелын папшэ ишлэнхэмкэ. Адэкэ хыбарыр АТ 302 сюжетым хуокүэж: Кьуйцлыкүокүэм и тасхьапэр хыджэбзым ешлэри, ар Атэбийм кыжрелэ, мыдрейри и бийм токуэ; япэу зи гугүу тшлэ хыбарым хуэдэу хыджэбзыр кьешэри, Уэзырмэсрэ Темыркьанрэ дунейм кытохьэ.

Циклым щхэхуэу хоувэ бийм (Кьуйцлыкүокүэ Дэгужь) и дуней кытехьэлар, и сабиигүэр зрекүэлар, шыр кызырылэрыхьа щыклар кьэзыуэтэж мотивхэр щызэхэхуэна хыбарыр [Адыгэ Юэрыуатэхэр 1969: 115–116]. Ар кьэуэташ АТ–655* псысэ сюжетымкэ. Сюжетым нэхьыбэу дыщрохьэлэ лыхужь, телыджей псысэхэм, цлэрыуэ зрыхуари «Уэ альным урищхьэт...» флэшыгъэцлэмкэ [Адыгэ таурыххэр... 2018: 519–521, 521–522, 522–524]. Зи гугүу тшы хыбарыр зыхуэчэм щымылэу а псысэм и сюжет кьэуэтэклэм тохуэр: адэншэу кьэхуэ шлалэ цыклар зэгүэр мэз куауэ, зеклэлэ шу гуп кытоуэри ирахьэжэ; бын имыуэ зыл яхэтти, шлалэури ялэх, ипшынуи и унагүэ ехь (егъапшэ: Андемыркьан кызырагүэта хыбарым [Тхыдэр зи льябжэ... 2019: 138–146]). Мыбдежым хыбарым кыхохьэ нэгүэщлэ зы псысэ сюжети – АТ 400₁: шлалэ цыклар щихькэ, мылхуадэм псалъэ быдэ ет, игъашлэкэ «күэж» жримылэну, арщхэкэ, таурыххэми нарт эпосми зырышыхабзэщи, и псалъэм йопшыж; шлалэм ар игу шлэхэри шлпхуэж (егъапшэ: Хьымыщ зей «мыгүэ цыклар» емыджэну кыгъэгүгүэ испы пшашэр кызыришам, абы щепшыжым, нысашлэ цыклар зериклыжам [Нартхэр... 2017: 168–173]). Сюжетыр лъэпкь куэдым я Юэрыуатэм зыщызужьахэм ящыщ зыщ (егъапшэ: СУС 400₁=АА 400А=К 400А, В, С, D Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа) [Сравнительный указатель... 1979: 127]. Адэкэ АТ –655* сюжетым кыпешэ: зыплэ и адэм кыжрилам и щхэр шригъэхьауэ чыцэм здыпхыклым, Кьуйцлыкүокүэр шы щхэ кьупшхэ ирохьэлэ, и теплэмкэ ар альным ейуэ зырышытар кьешлэр; апхуэдэ зфлэкэ и мылхукүэм зерилэр (нэгүэщлэхэм шым хамылгагүэм гу зырылгытэр) кызыгурыуа лым ар кьегъэсэбпри альпищ зылэрегъыхьэ; Кьуйцлыкүокүэм ешлэр дэтхэнэ альпми бгъэдэлэ тасхьапэр: зым и щхэ натлэр плашлэщи, дыггэм хуэгъэзауэ куэдрэ жэмэ, мэхынуш, адрейр лъэгүу шабэщи, мывэм хыхьауэ кыпхуишлэн шылэкьым (егъапшэ: Сосрыкүэу и шым); Кьуйцлыкүокүэр ешанэ альпымкэ и мылхуадэм лэщлэри я деж мэкүэж (егъапшэ: АТ –655* псысэ сюжетым и кьэуэтэклэм [Сравнительный указатель... 2018: 586]).

Мыбдежым гу зылытапхьэхэм ящыщ Дэгужь адэншэу дунейм кызырытехьэр. Дызырышыгуэазэщи, мы мотиври ящыщ лыхужьыр адрейхэм кьашхьэщызыгъэкыуэ зи гугүу тшлэхэм, езыри пасэрэй Юэрыуатэм кыщожьэр. Нарт эпосым Уэзырмэси, Хьымыщи, Батрэзи, Ашэмэзи н. ныбэм илэу я адэхэр хокүадэ. Апхуэдэхэщ псысэ персонаж куэдхэри. Зэ еплыгүэжлэ мыхэр шлэдзаплэм деж пфлэпсэкүэд хьун хуейуэ шытш. Араш езы Юэрыуатэр «зыхушлэкури», апхуэдэу и лыхужьыр кыгъэлгагүэмэ, псом япэу абы гу лыпштэнущ, и насып кьриклар кьэплшлэнуи ухуэпабгэнущ. Адэкэ зырышураши, зыкызыэкьахри, зыри зырышымыгүгүэу, лыгъэшхуэ, хахуагъэ кьалыкьуоклэ. Нэхьыбэрэ мы шытыклар зыдэтлгагүу хабзэр лыхужь нэхьыщхьэрш, ауэ мыбдежым ар циклым бийм и образым хипшаш. Абы и щхэхуэу кыдолыгтэ, Атэбийр зыпэшлэувар кызырыгүэкыуэ щымыту, атлэ кьарукли, лыгъэкли, мэгүу зфлэкэ бгъэдэлэхэмкли абы пэльэшыгүеуэ зырышытыр хыбарым кыхигъэбелджылыкыну зырыхуейр, а щыклэмкли абы теклэфа лыхужьым и зфлэкыри илэтыну яужэ зэритыр.

Зэрынэрылгагъуши, нэхъ пасэу Луэрыуатэм щызэтеува жанрхэми хуэдэу, тхыдэр зи лъабжьэ эпосым и лыхужьыри хилэтыкыну, гу лъуигъэтэну хушдокур, абы папшэккэ кыггэсэбэп лэмалхэм ящыщ зыщ лыхужьым и дуней кытехэклар кээзыуатэ мотивыр. Дызриплъа хыбархэм кызэраггэлыгъуамккэ, нэхъапэм лъэккым зэтриухуауэ щыта образ кэггэщыккэм мыбдежми кыпещэр, зрегъужьыр. Мы эпос лэужыгъуэм и пасэрэй лъэхъэнэм хыдолъагъуэ нарт циклхэм, лыхужь, телъыджей псысэхэм зыужыныггэшхуэ щызыгъуэта пкыгъуэхэр, икки ахэр лэагъышхуэ хэлъу кызэрыщыггэсэбэпам мы Луэрыуатэхэккхэм я кыулягъыр ириггэфлаккуэу, удзыхъэх ищлу жыплэ хьунуш.

Тегъщлалэхэр Список источников

Адыгэ таурыххэр... 2018 – *Адыгэ таурыххэр*. Томитлу. 2 т.: Телъыджей таурыххэр / зэхэз. Тхэмоккыуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъхэр тедзэным щыхуаггэхъэзыр къудамэ, 2018. Н. 592 (Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 592 с.).

Адыгэ Луэрыуатэхэр 1969 – *Адыгэ Луэрыуатэхэр*. Томитлу. 2 т. / зэхэз. Къардэнгъушц З.П. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзаплэ, 1969. Н. 285 (Адыгский фольклор. В 2-х т. Т. 2 / сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1969. 285 с.).

АИГИКБНЦРАН – *Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук*.

Алиева 2019 – *Алиева А.И.* Адыгский героический эпос. Сказка: Источниковедение. Текстология. Типология. Семантика. Поэтика (серия ИМЛИ РАН «Фольклор»). М.: ИМЛИ, 2019. 736 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0587-4

Бухуров, Бухурова 2019 – *Бухуров М.Ф., Бухурова К.М.* Мотив чудесного рождения в цикле об Андемиркане // Вестник КБИГИ. 2019. № 3 (42). С. 194–206. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-194-206

Бухуров 2009 – *Бухуров М.Ф.* Мотив чудесного рождения в адыгских богатырских сказках // Известия КБНЦ РАН. 2009. № 2 (28). С. 162–169.

Быхурэ 2013 – *Быхурэ М.Ф.* Лыхужьым и сабингъуэр (мотивыр нарт эпосымрэ пелуан псысэхэмрэ къазэрыхъщыр) // Вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2013. № 1 (20). С. 87–97.

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.

Гутов 2000 – *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 219 с.

Кабардинский фольклор 2000 – *Кабардинский фольклор* / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 651 с.

Нартхэр... 2012 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Томитлу. 1 т.: Эпосым и ублаплэ лъэхъэнэ. Сосрыккыуэ / Гъут И.М. и ред. Налшык: ООО «Тетраграф», 2012. Н. 424 (Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 1: Ранние циклы эпоса. Сосруко / под ред. А.М. Гутова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 424 с.).

Нартхэр... 2017 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Томитлу. 2 т.: Уэзырмэс. Батрээз. Ашэмэз / ред. нэхъ. Гъут И.М. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. Н. 468 (Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 2: Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 468 с.). URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

Нартхэр... 2020 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Томитлу. 3 т.: Бэдыноккыуэ. Щауей / ред. нэхъ. Гъут И.М. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН, 2020. Н. 582 (Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 3: Бадиноко. Шауей / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 582 с.). URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020 %D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 5.11.2022).

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 366 с.

Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука. 1976. 326 с.

Сравнительный указатель... 2018 – *Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона* / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева) // *Адыгэ таурыхъхэр*. ТомитIу. 2 т.: Тельдыджей таурыхъхэр / зэхэз. Тхъэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхыльхэр тедзэным шыуагъэхъзыр къудамэ, 2018. Н. 553–588 (Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 553–588).

Сравнительный указатель... 1979 – *Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-лавянская сказка* / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Тхыдэр зи лъабжьэ... 2019 – *Тхыдэр зи лъабжьэ адыгэ уэрэдыжъхэмрэ хъыбархэмрэ*. 1 т.: Андемъркъан / ред. нэхъ. Гъут I.M. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхыльхэр тедзэным шыуагъэхъзыр къудамэ, 2019. Н. 430 (Адыгские историко-героические песни и предания. Т. 1. Андемъркъан / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.).

ФАИГИКБНЦРАН – *Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук*.

Фрэзер 1984 – *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М.: Издательство политической литературы, 1984. 704 с.

Хут 2003 – *Хут Ш.Х.* Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.

Штернберг 1936 – *Штернберг А.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича. 1936. 572 с.

Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

References

Adyge taurykh''kher. TomitIu. 2 t.: Tel''ydzhey taurykh''kher [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2018. 592 p. (In Adyg)

Adyge IueryIuatekher [Adyg folklore. In 2 volumes. Vol. 2. Comp. Z.P. Kardangushev]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1969. 285 p. (In Adyg)

AIGIKBNTSRAN – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

ALIYEVA A.I. *Adygskiy geroicheskiy epos. Skazka: Istochnikovedeniye. Tekstologiya. Tipologiya. Semantika. Poetika (seriya IMLI RAN «Fol'klor»)* [Adyg heroic epic. Fairy tale: Source study. Textology. Typology. Semantics. Poetics (series IMLI RAS “Folklore”)]. M.: IMLI, 2019. 736 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0587-4. (In Russian)

BUKHUROV M.F., BUKHUROVA K.M. *Motiv chudesnogo rozhdeniya v tsikle ob Andemirkane* [The motif of a miraculous birth in the Andemircan cycle]. IN: KBIHR Bulletin. 2019. No. 3 (42). P. 194–206. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-194-206. (In Russian)

BUKHUROV M.F. *Motiv chudesnogo rozhdeniya v adygskiikh bogatyrskikh skazkakh* [The motif of a miraculous birth in the Adyghe heroic tales]. IN: News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS. 2009. No. 2 (28). P. 162–169. (In Russian)

BYKHURE M.F. *Llykh''uzh''ym i sabiig''uer (motivyr nart eposymre peluan psysekhemre k''azeryksheshchyr)* [The motive of a «heroic childhood» in the narts epic and in heroic fairy tales of the adygs]. IN: Bulletin of the IGI Government of the KBR and KBSC RAS. 2013. No. 1 (20). Pp. 87–97. (In Adyg)

GUTOV A. M. *Narodnyy epos: Traditsiya i sovremennost'* [Folk Epic: Tradition and Modernity]. Nalchik: KBIGI Publishing House, 2009. 228 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Khudozhestvenno-stilevyye traditsii adygskogo eposa* [Artistic and stylistic traditions of the Adyghe epic]. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2000. 219 p. (In Russian)

Kabardinskiy fol'klor [Kabardian folklore. Gen. ed. G.I. Broido]. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2000. 651 p. (In Russian)

Nartkher. Adyge epos. Tomipllu. 1 t.: Eposym i ublaple l'ekh'ene. Sosryk'ue [Narts. Adyg epic. In 4 volumes. Vol. 1: Early cycles of the epic. Sosruko. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: Tetragraph LLC, 2012. 424 p. (In Adyg and Russian)

Nartkher. Adyge epos. Tomipllu. 2 t.: Uezyrmes. Batrez. Ashemez [Narts. Adyg epic. In 4 volumes. Vol. 2: Ozyrmes. Batraz. Ashamez. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: IHR KBSC RAS, 2017. 468 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (date of access: 10.11.2022). (In Adyg and Russian)

Nartkher. Adyge epos. Tomipllu. 3 t.: Bedynok'ue. Shchayuey [Narts. Adyghe epic. In 4 volumes. Vol. 3: Badinoko. Shauey. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2020. 582 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020%D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (date of access: 5.11.2022). (In Adyg and Russian)

PROPP V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of fairy tales]. L.: Leningrad University Press, 1986. 366 p. (In Russian)

PROPP V.Ya. *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and reality]. M.: Science, 1976. 326 p. (In Russian)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov adygsikh (kabardinskikh, cherkessikh, adygeysikh) volshebnykh skazok po sisteme Aarne-Tompsona [Comparative index of plots of the Adyg (Kabardian, Circassian, Adyghe) fairy tales according to the Aarne-Thompson system. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. IN: *Adyge taurykh'kher. Tomitlu. 2 t.: Tel'ydzhey taurykh'kher* [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2018. P. 553–588. (In Russian)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale / Ex. ed. K.V. Chistov]. L.: Science, 1979. 438 p. (In Russian)

Tkhyder zi l'abzh'e adyge ueredyzh'khemre kh'ybarkhemre. 1 t.: Andemyrk'an [Adyg historical and heroic songs and legends. Vol. 1. Andemirkan. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2019. 430 p. (In Adyg and Russian)

FAIGIKBNTSRAN – *Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

FREZER Dzh.Dzh. *Zolotaya vetv'* [Golden branch]. M.: Publishing house of political literature, 1984. 704 p. (In Russian)

KHUT Sh.Kh. *Adygskiye narodnoye iskusstvo slova* [Adyghe folk art of the word]. Maykop: Adyghe republican book publishing house, 2003. 536 p. (In Russian)

SHTERNBERG A.Ya. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii* [Primitive religion in the light of ethnography]. L.: Publishing house of the Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR. P.G. Smidovich, 1936. 572 p.

THOMPSON S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

Авторым теухуауэ

Быхурэ М.Ф. – филологие щӀэныгъэхэмкӀэ кандидат, адыгэ Ӏуэрылуатэ секторым и щӀэныгъэ лъэбакӀуэ пашэ.

Информация об авторе

М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

M.F. Bukhurov – Candidate of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Adyg Folklore.

Статья поступила в редакцию 17.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 17.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 398,2

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-131-138

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИАЛЬНЫХ ФОРМУЛ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2022

Аннотация. В статье впервые исследуются типы традиционных формул в карачаево-балкарских сказочных произведениях о животных. Дается акцент на то, что изучаемые тексты широко используют инициальные, медиальные и финальные формулы. Объектом для анализа выбраны медиальные (серединные) формульные фразы, представляющие основу анималистических народных сказок. Опираясь на общепринятую классификацию традиционных формул волшебных сказок Н. Рошину, автор концентрирует внимание на видах исследуемых традиционных клише. Выделяет стержневые сюжетные элементы зооморфных произведений карачаевцев и балкарцев. Особое внимание уделяется таким «внутренним» серединным сочетаниям, как: формулы, описывающие действия сказочных персонажей и диалоги-обращения. Автор также отмечает, что внешние медиальные формулы в карачаево-балкарских народных сказках о животных не обнаружены.

Материалом для анализа послужили сказки на карачаево-балкарском языке из разных источников, не вызывающих сомнения в своей аутентичности. Эта работа является начальным этапом изучения данной проблемы и может стать трамплином для дальнейших исследований.

Ключевые слова: устное народное творчество, сказки о животных, медиальные формулы, финальные формулы, зачин, традиционные формулы

Для цитирования: Гергокова Л.С. К вопросу изучения медиальных формул в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 131–138. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-131-138

Original article

TO THE QUESTION OF THE STUDY OF MEDIAL AND FINAL FORMULA IN KARACHAYEV-BALKAR FAIRY TALES ABOUT ANIMALS

Leila Sozakbayovna Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2022

Abstract. The article for the first time explores the types of traditional formulas in the Karachay-Balkarian fairy tales about animals. Emphasis is given to the fact that the studied works widely use initial, medial and final formulas. Medial (middle) formulas,

which are the basis of animalistic folk tales, are chosen as the object of study. Based on the generally accepted classification of traditional formulas of fairy tales by N. Rashiyan, the author focuses on the types of medial formulas. Highlights the core plot elements of the zoomorphic works of Karachays and Balkars. Particular attention is paid to the “internal” middle formulas, such as formulas describing the actions of fairy tale characters and dialogical formulas. The author also notes that no external medial formulas have been found in the Karachay-Balkar folk tales about animals.

The material for the analysis was fairy tales in the Karachay-Balkarian language from various sources. This work is the initial stage of studying this problem and can become a springboard for further research.

Keywords: oral folk art, fairy tales about animals, medial formulas, final formulas, beginnings, traditional formulas

For citation: Gergokova L.S. To the question of the study of medial formula in karachayev-balkar fairy tales about animals. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 131–138. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-131-138

Лучшие черты национального характера любого народа отображаются в его устном народном творчестве. Произведения фольклорного жанра имеют богатый язык, наполненный живой художественной речью, содержащий изобразительные средства. Основу таких народных текстов, их устойчивую структуру составляют художественные конструкции как традиционные формулы. Народная сказка является хранилищем этих традиционных клише, отображающих духовное наследие этноса, его культуру. Эти сказочные формулы связаны с мировоззрением народа, отражают его представление о пространственно-временной картине мира.

В карачаево-балкарской фольклористике традиционные формулы – одна из наименее изученных областей. Имеются научные труды, выполненные на материале разных жанров фольклора, в них охватывается общая характеристика отдельных сторон формульной и неформульной частей сказочных текстов, но жанр сказки не становился предметом специального рассмотрения относительно характера употребления устойчивых формул.

Актуальность темы обусловлена необходимостью детально проанализировать формульный репертуар сказок о животных. Следовательно, в данной работе путем выявления и систематизации традиционных формул по всем его категориям мы попробуем определить специфику медиальных сказочных формул карачаево-балкарских анималистических сказок.

Основным материалом для изучения традиционных клише нами избраны народные произведения, записанные от разных информаторов во время полевых экспедиции в разное время и изданные в сборниках сказок: «Къарачай-малкъар фольклорну своду» – «Свод карачаево-балкарского фольклора» [КЪМФС 2017] и «Къарачай-малкъар халкъ жомакъла» – «Карачаево-балкарские народные сказки» [КЪМХЖ 2012].

Главной целью работы является выявление традиционных формул карачаево-балкарских народных сказок о животных. Вследствие этого определены следующие задачи: установить и систематизировать традиционные словесные фольклорные конструкций по категориям медиальных формул; определить специфику данных сказочных клише. В исследовании материала использован системный подход и структурный анализ классификации сказочных традиционных формул исследователя Н. Рошияну.

Данная статья может послужить вспомогательным материалом для изучения композиции карачаево-балкарских народных сказок, так же для дальнейшего исследования сказочных формул в диахроническом и синхроническом аспектах.

В настоящее время в карачаево-балкарской фольклористике издано много научных работ в области изучения жанра народной сказки, ее генезиса, композиции, языка и стиля, но определенных фундаментальных исследований посвященных анималистическим фольклорным произведениям пока нет. Поэтому в исследовании

этого вопроса мы обращаемся к научным материалам ученых многих народов: В.Я. Проппа [Пропп 2000], Н. Рошияну [Рошияну 1974], А.М. Гутова [Гутов 1993], А.И. Алиевой [Алиева 1986], Т.Г. Басанговой [Басангова 2019], М.Ф. Бухурова [Бухуров 2013] и др. Также целесообразно обозначить работы таких карачаево-балкарских исследователей как: Х.Х. Малкондуев [Малкондуев 2018], Т.М. Хаджиева [Хаджиева 2014], Б.А. Берберов [Берберов 2016], Л.С. Гергокова [Гергокова 2015], Ф.Х. Гулиева (Занукоева) [Гулиева (Занукоева) 2019]. Работы этих ученых дают нам нужный потенциал, для того чтобы в своем исследовании представить сказочную формульность в текстах карачаево-балкарских народных зооморфных сказок.

Хочется отметить, что собиратели фольклора во время полевых экспедиций старались записывать материал от сказителей, сохранив особенности диалекта, в очень близкой идентичной форме. Тексты не правились, а фиксировались слово в слово, не пропускалось ни одно выражение. Эти факты доказывают подлинность и самобытность сказочных формул из народной речи, хотя иногда приходится иметь дело с материалами, в которых налицо вмешательство собирателей, но только если оно было не велико и не затрагивало традиционную структуру.

Изучая эпические формулы в сказках, необходимо отметить самую колоссальную работу в этой сфере – знаменитое исследование румынского ученого Н. Рошияну «Традиционные формулы сказки» [Рошияну 1974]. По предложенной им классификации, общепринятой на сегодняшний день, и будет наше деление формул карачаево-балкарских фольклорных анималистических сказок.

Рошияну в соответствии с положением традиционных формул в композиции сказки делит их на значительные четыре группы:

1. Инициальные формулы;
2. Внешние медиальные формулы,
3. Внутренние медиальные формулы,
4. Финальные формулы [Рошияну 1974: 16].

Дальше в статье мы попытаемся более подробно проанализировать традиционные формулы в анималистических сказках карачаевцев и балкарцев.

Если «инициальная формула – это, прежде всего сложившаяся система введения слушателей в сказочный мир, в сказочную ситуацию» [Алиева: 127], то медиальные формулы, как известно, встречаются в самом тексте сказки. В сказках о животных их порядком трудно найти. Медиальная формула (от латинского «Medialis» – «срединный») в сказке используется для описания персонажей, предметов, действий, обстоятельств и др.

Н. Рошияну выделяет две группы медиальных формул: 1) внешние и 2) внутренние [Рошияну 1974: 91]. Первая пробуждает интерес слушателей, привлекает и контролирует их внимание. Чтобы заинтересовать слушателя, рассказчик может провести манипуляцию: повысить голос, крикнув какое-либо слово или предупредить, что это только присказка. Следующая подгруппа медиальных внешних формул – переходные формулы. Рошияну в своих работах отметил, что переходные формулы употребляются только в сказках с широким и сложным действием [Рошияну 1974: 92–96]. Учитывая, что сказки о животных в карачаево-балкарском фольклоре имеют простую композицию и сюжет, можно обозначить – подобные формулы в этих рассказах не обнаружены. «Говоря о медиальных формулах сказки, следует отметить, что они не занимают строго определенного места в тексте и могут быть рассыпаны по всему повествованию, сопровождая какого-либо героя или его действия, отмечая начало и конец определенного эпизода, очерчивая портрет какого-либо персонажа и т.д.» [Рошияну, 1974: 88]. Автор выделяет пять подгрупп «внутренних медиальных формул для волшебных сказок: 1) формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы; 2) формулы, описывающие действия сказочных

персонажей; 3) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей); 4) магические формулы; 5) формулы, содержащие элементы, характерные для инициальных формул» [Рошияну 1974: 98].

Из этих типов формул в анималистических народных произведениях карачаевцев и балкарцев чаще других обнаружены формулы, описывающие действия сказочных персонажей. Такие медиальные формулы встречаются во многих сказках о животных, в сюжете которых герой просит своего антагониста помочь ему освободиться из плена или от преследователей, а взамен обещает исполнить все его желания. Например, в сказке «*Бёрю бла жолоучу*» – «*Волк и путник*» [КЪМХЖ 2012: 558]:

«Бёрю, къача барып, къапчыгъын да къолтугъуна сугъуп баргъан бир кишиге жолукъгъанды:

– Ий маржа, жолоучу, ол анда атлыланы кёремисе, ала мени къуууп келедиле. *Не айтханынгы да этерме, мени къапчыгъынга букъдур, аладан бир къутхар!*

Киши бёрюню къапчыгъына сугъуп, аны да инбашына атып, жолуна тебирегенди. Бираздан ол уучула ызындан жетип:

– Алан былайдан бёрю къачып кёрмедингми? – деп соргъандыла.

Киши:

– Угъай, кёрмегенме, – дегенди.

Уучула кёз туурадан ташайгъанда, киши бёрюню къапчыкъдан чыгъарады. *Алай бёрю бери чыкъгъанлай, кишини ашаргъа чабады.* – «Волк, убегая, встретил одного человека, идущего с мешком подмышкой:

– Эй, путник, ты видишь там этих всадников, они гонятся за мной. *Сделаю любое твоё поручение, спрячь меня в мешке, спаси меня от них.*

Человек посадил волка в мешок, повесил на плечо и отправился в путь.

Через немного эти охотники догнали его:

– Друг, не видел ли ты, что отсюда убегал волк? – спросили.

– Нет, не видел, – ответил.

Как только охотники ушли с поля зрения, мужик выпустил волка из мешка. Но волк, выйдя оттуда, *бросился на мужика, чтобы съесть его.*

Аналогичная формула есть в сказке «*Жубуран бла жилиян*» [КЪМХЖ 2012: 558] – «*Суслик и змея*». Здесь змея, отрицательный персонаж, попав в яму, просит суслика его спасти:

«– Ой, сен чапсанг, бир зат жетмеген, секирсенг – кёкде жулдузланы тутхан, жумушакъ тюкло, ой, мен санга къор болайым, *болуш, маржа! Игилигинги ёмюрде унутмам!* – деп жилиян башлагъанды.

Жубуран (ёрге чыгъаргъанды жилияны):

– Хайда, энди уругъа кетмезча сакъ бол, – дегенди.

Жилиян жубуранны боюнундан тешилип бара, тезалмай, *къапханды. Жилиян, этер аманлыгъын этип, хансха ташайгъанды*» [КЪМХЖ 2012: 558]. – «Ой, ты тот, который побежит, и никто его не догонит, прыгнув, достающий в небе звезды, мягкий и пушистый, ой, чтобы я умер вместо тебя, *помоги, пожалуйста! Век не забуду твою помощь!* – сказав, начала змея.

Суслик вытащил змею на верх.

– Давай, теперь будь осторожна, чтобы не провалиться в яму, – сказал.

Змея отпустила шею суслика, но не сдержалась и ужалила. Змея, сделав свое плохое деяние, проскользнула в траву.

В тексте «*Анна бла Къурта*» – «*Дед и Волк*» [КЪМХЖ 2012: 575] сюжет подобен предыдущим: старик поддался на уговоры волка и освободил его из цепи, но тот захотел его съесть.

«– Ачдан бла суусапдан ёлеме. *Сау къалгъын бошла мени, башыма эркин эт да, кетме къой,* – деп жалынды бёрю.

Кишичик кёп сагъыш эте кетип, Къуртагъа жаны ауругъанды да, айтхан сёзлерине ийнанып, сынжырдан бошлагъанды. Киши Къуртаны суусабын къандыргъанды, эркинликге бошлагъанды. *Алай бёрю ач болуп аны юсюне чапханды.*

– *Къысхасы, мен, ачдан ёлюп къалмаз ючюн, сени ашаргъа керекме, – дегенди*. – «– *Умираю от голода и жажды. Чтобы долго жил, спаси меня, освободи, дай уйти*, – сказав, взмолился волк.

Мужик долго думал, пожалел он Курту, поверив его словам, освободил от цепи. Мужик Курту освободил, напоил, но голодный волк набросился на него самого.

– *Короче, я, чтобы не умереть с голоду, должен тебя съесть*, – сказал».

К этой формуле примыкают по принципу оппозиции *ответные действия птиц, насекомых и зверей*, спасенных героем сказки, которые благодарны искренне и готовы прийти на помощь в нужную минуту. Эти формулы встречаются и в других фольклорных жанрах:

Карачаево-балкарская сказка «*Ашхылыкъ жерде къалмаз*» – «*Дорота не пропадет на земле*» [КЪМХЖ 2012: 620] содержит подобные медиальные формулы:

«*Жетип барып къараса, бир уллу кёк бёрю кийик атны тайын тутуп, ашайым деп тургъанлай, кёреди. Жаш кёп сагъыш этмей, садакъны иги тартып, марап бёрюню къулакъ тюбюне урады. Бёрю олсагъатдан окъуна ёлюп, бир жанына ауады.*

Суу бойнунда бир уллу къой тенгли къанкъазны андан да уллу бир къара къуш тутуп тургъанын кёреди. Биягъы садакъны сермен, къушну ёлтюреди. Къанкъаз да къууанып тёгерегине къарайды да.

Жетип барып къараса, бир уллу ургъуй бла губуну туююше тургъанын кёреди. Бёрю бла уруп ургъуйну ёлтюрюп, губуну бошлатады. – «Подбежав, посмотрел и увидел, как огромный серый волк поймал жеребца и хотел съесть. Парень, долго не раздумывая, хорошо натянув тетиву лука, прицелившись, выстрелил волку под ухо. Волк тут же умер и упал в сторону.

У реки увидел, как одного большого как баран лебедя поймал еще больше чем он черный орел. Опять, схватив лук, он убил орла. Лебедь, обрадовавшись, посмотрел по сторонам.

Далее герой, подбежав, увидел, как бьются один паук и комар. Ударив шапкой, убил комара, освободил паука».

Дальше по тексту идет сюжет как эти освобожденные персонажи в благодарность помогают главному герою.

«*Губу анга алай къыйынлыкъ келгенин кёрюп, терк окъуна тешик алына уллу ау этип, кеси да ары-бери барып башлайды.*

Аны алай амалсыз болгъанын кёрюп, ол къутхаргъан къанкъаз жетип келип, аркъасына алады жашны. Жаш атыны жүгенинден тутуп, суудан къыйналмай ётюп кетеди.

Суудан чыкъгъанлай, жаш къутхаргъан тай келип, жашны сыртына алып, жолгъа тюшеди.

Алай бла жашны ол жаныуарлагъа этген ахшылыгъы кесине къайытып, душманланы да къырып, юйюне сау-саламат жетеди» [КЪМХЖ 2012]. – «Паук, увидев свалившееся на него несчастье, быстро перед ямой (где прятался герой от врагов) затянул паутиной и начал ходить туда-сюда.

Увидев его затруднительное положение, лебедь, которого он спас, примчался, посадил на спину парня. Парень, держа за узду коня, без усилий перебрался на тот берег.

Как только парень выбрался из воды, прискакал жеребец и, посадив парня на спину, отправился в дорогу».

Таким образом, добро, которое совершил парень по отношению к животным, вернулось к нему: перебив врагов, живым здоровым вернулся домой».

Примечательны формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей). В сказках о животных можно выделить формулы-обращения к герою.

Например, в сказке «*Къарт бла жилин*» [КЪМФС 2017: 712] – «*Старик и змея*» змея, увидев задумчивого старика, обращается:

«– Нек мудахса? Не сагъыш этесе? Къайры бараса? – деп, ариу адам тил бла сёлешгенди». – «Чем ты опечален? О чем ты думаешь? Куда путь держишь, – обратилась змея красивым человеческим голосом».

Данная формула повторяется в сказке несколько раз. Подобную конструкцию можно встретить и в сказках других народов.

Кроме выделенных формул, «к данной группе, на наш взгляд, можно отнести и так называемые приветственные формулы. Следует обратить внимание на то, что они входят в диалог персонажей. По этой причине многие фольклористы включали их в группу диалогических формул» [Бухуров 2013: 214].

«Хей, шуэхум, от, манга бир тамызыкъ берсенг а?» [КЪМФС 2017: 633]. – «Хей, друг мой, дал бы ты мне одну искру?»

«–Хей, шуэхум, суу! Манга бир аз суу берсенг а?» [КЪМФС 2017: 633]. – «Хей, друг мой, вода! Дал бы мне немного воды?»

«– Ай, шуэхларым, эшекле!» КЪМФС 2017: 633]. – «Эй, друзья мои, ослики!».

«– Хей, аланла, жанчыкъларым, шуэхларым!» [КЪМФС 2017: 633]. – «Хей, товарищи, друзья, душа моя».

В сказках о животных наличествуют формулы угрозы съесть более сильным героем слабого персонажа:

«– Аха, энди сени ашап бир тояйым, – деп, ауузун да кенг ачыл, къойгъа чапханды» [КЪМФС 2017: 724]. – «Аха, теперь я тебя съем и наемся, – сказав, открыв широко рот, бросился на барана».

«Тюлкючюк: «Ашап къоярма», – деп, чабып, тырнакълары бла аркъасын тырнап, къанын бардырып, кийдиргенди» [КЪМФС 2017: 566]. – «Лисичка: «Сейчас съем», – сказав, подбежала, когтями расцарапала его спину, пустила кровь, одела». Все эти виды формул широко распространены в карачаево-балкарском фольклоре.

Следовательно, хочется отметить, что при изучении сказочного жанра традиционные формулы имеют немаловажное значение. Инициальные и финальные формулы привлекают к себе больше внимания, чем медиальные, что объяснимо тем, что медиальные обнаружить сложнее. Первые же два вида выделяют два определенных момента начало (инициальные) и конец (финальные). А медиальные рассыпаны по всему тексту, сопровождают какого-либо персонажа или его действия.

В данном исследовании охвачены не все виды медиальных формул карачаево-балкарских анималистических сказок. Без сомнения, что данные традиционные клише гораздо интереснее и их функции значительнее.

Таким образом, впервые, опираясь на сказочные материалы сборников карачаево-балкарских сказок о животных по аналогии исследований других народов, мы попытались провести систематизацию традиционных клише – медиальных (серединых) формул. Определили, что в фольклорных произведениях исследуемого этноса наличествуют внутренние медиальные формулы: описывающие действия сказочных героев и входящих в диалог. Данные сказочные клише обладают экспрессивной функцией и своеобразием поэтического языка.

Список источников

Алиева 1986 – Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 276 с.

Басангова 2019 – Басангова Т.Г. Животные в калмыцком фольклоре. (На рус. и калм. яз.). Элиста, КалмГУ, 2019. 192 с.

Бухуров 2013 – Бухуров М.Ф. Сказочные медиальные формулы в адыгском нартском эпосе // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН № 6 (56) 2013. С. 214–219.

Гергокова 2020 – Гергокова Л.С. Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 140 с.

Гулиева (Занукоева) 2019 – Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Карачаево-балкарская волшебная сказка. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 108 с.

Гутов 1993 – Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 208 с.

Малкондуев 2018 – Малкондуев Х.Х. Къарачай-малкъар фольклорну эм эрттегили жанрлары. Мифле. Тёреле. Эпос. Жомакъла. (Древнейшие жанры карачаево-балкарского фольклора. Мифы. Обряды. Эпос. Сказки). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 132 с.

КЪМФС 2017 – *Къарачай-малкъар фольклорну своду* (Свод карачаево-балкарского фольклора). Том 3. Нальчик: издательство ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с. (На кар.-балк.)

КЪМХЖ 2012 – *Къарачай-малкъар халкъ жомакъла* (Карачаево-балкарские народные сказки). Составитель Мусукаева С.А. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 с. (На кар.-балк.)

Пропп 2000 – Пропп В. Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 413 с.

Рошияну 1974 – Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.

Хаджиева 2014 – Хаджиева Т.М. Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 522–584.

References

ALIEVA A. I. *Poetics and style of fairy tales of the Adyghe peoples* М.: Nauka, 1986. 276 p.
BASANGOVA T.G. *ZHivotnye v kalmyckom fol'klоре* [Animals in Kalmyk folklore]. Elista, KalmGU, 2019. 192 p. (In Russian and kalm.)

BERBEROV B.A. *Arhetipicheskij obraz medvedya v karachaevo-balkarskoj narodnoj skazke*. [The archetypal image of a bear in the Karachay-Balkar folk tale]. IN: Tipologiya i poetika tradicionnogo fol'klora narodov severnogo Kavkaza [Typology and Poetics of the Traditional Folklore of the Peoples of the North Caucasus]. Nal'chik, 2016. P. 28–36. (In Russian)

BUXUROV M.F. *Skazochny'e medial'ny'e formuly` v ady`gskom nartskom e`pose* [Fairy-tale medial formulas in the Adyghe Nart epic]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN № 6 (56)*, 2013. P. 214–219. (In Russian)

GERGOKOVA L.S. *Zazy`k karachaevo-balkarskogo eroicheskogo e`posa «Narty`»* [The language of the Karachay-Balkar heroic epic «Narts»]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. 140 p. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevo-balkarskaya volshebnyaya skazka* [Karachay-Balkar fairy tale]. Nal'chik, 2019. 108 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Poe`tika i tipologiya ady`gskogo nartskogo e`posa* [Poetics and typology of the Adyghe Nart epic]. М.: Nauka, 1993. 208 p. (In Russian)

K`arachaj-malk`ar fol'klornu svodu (Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora) [Code of Karachay-Balkar folklore]. Том 3. Nal'chik: izdatel'stvo IGI KBNC RAN, 2013. 990 p. (In Karachay-Balkarian).

K`arachaj-malk`ar halk` zhomak`la (Karachaevo-balkarskie narodnye skazki) [Karachay-Balkar folk tales]. Sostavitel' Musukaeva S.A. Nal'chik: El'brus, 2012. 592 p. (In Karachay-Balkarian).

MALKONDUEV H.H. *K`arachaj-malk`ar fol'klornu em erttegi zhanrlary. Mifle. Tyorele. Epos. ZHomak`la*. [The oldest genres of Karachay-Balkar folklore. Myths. Rites. Epos. Fairy tales.] Nal'chik, 2018. 130 p. (In Karachay-Balkarian).

PROPP V. YA. *Russkaya skazka* [Russian fairy tale]. М.: Labirint, 2000. 413p. (In Russian)

XADZHIEVA T.M. *Fol'klor // Karachaevcy. Balkarcy* [Karachays. Balkars] / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 522–584. (In Russian).

Информация об авторе

Л. С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector Karachay-Balkarian Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 09.12.2022; одобрена после рецензирования 17.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 09.12.2022; approved after reviewing 17.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 398.61

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-139-146

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ЗАГАДКИ

Фаризат Хасановна Гулиева (Занукоева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© Ф.Х. Гулиева (Занукоева), 2022

Аннотация. Статья посвящена исследованию одной из наименее разработанных внутрижанровых разновидностей карачаево-балкарской загадки – повествовательных загадок. Отмечается, что на первых этапах становления и развития национальной фольклористики загадки рассматривались учеными единым массивом без вычленения отдельных разновидностей. Ситуация изменилась после выхода в свет подготовленного С.Ч. Алиевым сборника «Къарачай халкъны эл берген джомакълары» («Карачаевские народные загадки», 1984), где во вступительной статье автор выделил собственно загадки, загадки-вопросы, юмористические загадки, математические загадки и повествовательные загадки. В дальнейшем национальные исследователи стали вслед за ним выделять внутрижанровые разновидности загадок. Их количество и названия варьировались незначительно. С опорой на труды предшественников, а также исходя из особенностей эмпирического материала, нами были выделены четыре группы загадок: классические (*къысха элберле*), вопросительные (*соруу элберле*), математические и логические (*эсен элберле*) и повествовательные (*хапар элберле*), включающие в себя сказки-загадки, загадки-притчи, загадки-рассказы. Последняя группа и стала объектом исследования в данной статье. Отмечается, что повествовательные загадки активно участвовали в формировании сюжета и структуры таких крупных прозаических форм, как нартские сказания, сказки, притчи, юмористические рассказы. Вследствие этого многие исследователи не вычленили их как самостоятельную внутрижанровую разновидность. Тем не менее, более пристальное изучение фольклорного материала карачаевцев и балкарцев по обозначенному жанру позволило выявить ряд специфических черт, позволяющих отграничить повествовательные загадки от смежных явлений (обязательная двухкомпонентная структура «вопрос–ответ», отсутствие прямого поучения, направленность на развитие мыслительных способностей, образного восприятия окружающего мира и т.д.).

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, загадки, внутрижанровые разновидности, повествовательные загадки, сюжет, композиция, структура

Для цитирования: Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Карачаево-балкарские повествовательные загадки // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 139–146. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-139-146

Original article

KARACHAY-BALKARIAN NARRATIVE RIDDLES

Farizat H. Gulieva (Zanukoeva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of

the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gfariza37@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© F.H. Gulieva (Zanukoeva), 2022

Abstract. The article is devoted to the study of one of the least developed intra-genre varieties of the karachay-balkarian riddle – narrative riddles. It is noted, that at the first stages of the formation and development of national folklore study, riddles were considered by scientists as a single array without isolating individual varieties. The situation changed after publication of the prepared by S.Ch. Aliev collection «*K'arachay halk'ny el bergen dzhomaklary*» («Karachay folk riddles», 1984), where in the introductory article the author singled out the riddles themselves, riddles-questions, humorous riddles, mathematical riddles and narrative riddles. In the future, national researchers also began to single out intra-genre varieties of riddles after him. Their number and names varied slightly. Based on the works of our predecessors, as well as based on the characteristics of the empirical material, we have identified four groups of riddles: classical (*kysha elberle*), interrogative (*soruu elberle*), mathematical and logical (*esep elberle*) and narrative (*hapar elberle*), including fairy-tale riddles, riddles-parables, riddles-stories. The latter group became the object of study in this article. It is noted, that narrative riddles actively participated in the formation of the plot and structure of such large prose forms, as nart legends, fairy-tales, parables, humorous stories. As a result, many researchers did not isolate them as an independent intra-genre variety. However, a closer study of folklore material of karachais and balkarians in the designated genre revealed a number of specific features, that make it possible to distinguish between narrative riddles and related phenomena (mandatory two-component «question–answer» structure, lack of direct teaching, focus on the development of mental abilities, figurative perception environment, etc.).

Keywords: karachay-balkarian folklore, riddles, intra-genre varieties, narrative riddles, plot, composition, structure

For citation: Gulieva (Zanukoeva) F.H. Karachay-balkarian narrative riddles. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 139–146. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-139-146

В системе карачаево-балкарского фольклора загадка относится к так называемым малым афористическим (паремическим) жанрам. Она представляет собой «замысловатое индизнаказательное описание предмета или явления, предлагаемое как вопрос для отгадывания; задается с целью испытать сообразительность, развивает способность к поэтической выдумке» [СЛТ 1974: 85]. Фиксация и популяризация загадок, как и других произведений устного поэтического творчества карачаевцев и балкарцев, начались во второй половине XIX в., однако единичные, фрагментарные публикации («Карачаевские этюды» (1910) и «Балкарские этюды» (1916) В. Прёле) не могли дать полной картины жанра. Более системный характер работа в данном направлении приобрела в советский период, после создания научно-исследовательских институтов в Кабардино-Балкарии (1926) и Карачаево-Черкесии (1932). Однако наиболее активно эдиционная и научно-исследовательская деятельность стала вестись лишь со второй половины XX в., после возвращения карачаевцев и балкарцев на историческую родину. Этот период ознаменовался многочисленными экспедициями по сбору фольклорного, этнографического и лингвистического материала, что позволило создать богатый рукописный архив и фоно-видеотеку, т.е. заложить базу для дальнейшего развития национальной фольклористики. Довольно значительный сегмент в них составляют и загадки, которые публиковались как в общих сборниках хрестоматийного типа («*Малкър жомакъла, нарт сёзле, элберле*» – «Балкарские сказки, пословицы, загадки» А.Х. Соттаева, 1959; «*Джетегейли – джети джудуз*» – «Большая медведица» Р.А.-К. Ортабаевой, 1985; «*Къарачай-малкър фольклор*» – «Карачаево-балкарский фольклор» Т.М. Хаджиевой, 1996; «*Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки» Т.Ш. Биттировой и А.Б. Габаевой, 1997 и др.), так и выходили отдельными изданиями («*Къарачай халкъны эл берген джомакълары*» – «Карачаевские народные загадки» С.Ч. Алиева,

1984; «1001 элбер» – «Тысяча и одна загадка» Р.А.-К. Салпагарова, 1999; «Къарачай-малкъар ойберле бла элберле» – «Карачаево-балкарские притчи и загадки» М.М. Ольмезова, 2010 и др.) [Гулиева (Занукоева) 2020].

Что касается степени изученности загадок, до настоящего времени они не становились предметом специального монографического исследования. Тем не менее, в их разработке национальными учеными были предприняты определенные шаги. Если во многих трудах обобщающего, общефольклорного характера загадки лишь упоминаются [Малкондуев 2010] или получают краткую описательную характеристику [Караева 1966; Холаев 1981], авторы некоторых вводных статей к сборникам и реферативных работ освещают также вопросы особенностей поэтики, специфики традиционного бытования и трансформации жанра в современных условиях, педагогического потенциала, заключенного в них и т.п. [Хаджиланы 1996; Биттирланы 1997; Берберов 2021a; Берберов 2021b; Берберов 2021c; Берберов 2021d; Локьяева 2021a; Локьяева 2021b]. Несмотря на это, многие аспекты изучения загадки все еще остаются актуальными, неразработанными в должной мере. К их числу относится, в частности, проблема разграничения и характеристики ее внутрижанровых разновидностей.

На начальном этапе формирования и развития карачаево-балкарской фольклористики ученые, ввиду отсутствия необходимой эмпирической базы, ограничивались рассмотрением классических коротких загадок, которые в сборниках давались сплошным текстом, либо с разбивкой на тематические группы (что наблюдается, к сожалению, и во многих современных публикациях).

Знаменательным событием, более того, поворотным моментом в этом вопросе стал выход в свет подготовленного С.Ч. Алиевым сборника «Къарачай халкъны эл берген джозмакълары» – «Карачаевские народные загадки» [Алийланы 1984]. Наряду с описанием истории возникновения, развития и трансформации загадок, специфики их бытования в игровой форме, с рассмотрением их взаимосвязей с другими устно-поэтическими жанрами, автор уделил внимание во вступительной статье и проблеме внутрижанровой классификации. Ученый выделил 5 групп загадок:

- 1) *эл берген джозмакъла* (классические короткие загадки);
- 2) *соруу джозмакъла* (загадки-вопросы);
- 3) *чам джозмакъла* (юмористические загадки);
- 4) *эсеб джозмакъла* (математические загадки);
- 5) *хапар джозмакъла* (повествовательные загадки) [Алийланы 1984: 9].

Каждая обозначенная разновидность представлена в сборнике определенным числом текстов.

В дальнейшем данная тенденция была подхвачена национальными учеными. Так, во вступительной статье к хрестоматии «Къарачай-малкъар фольклор» – «Карачаево-балкарский фольклор» Т.М. Хаджиева упоминает, что по своему составу загадки делятся на несколько групп (загадки-вопросы, загадки-шутки, математические загадки и др.) [Хаджиланы 1996: 32], однако в самом издании даны только традиционные загадки и загадки-вопросы. В другой своей работе исследовательница, придерживаясь классификации С.Ч. Алиева, говорит о существовании 5 жанровых групп: традиционные загадки; загадки-вопросы; загадки-шутки, загадки-задачи, загадки-рассказы [Хаджиева 2014].

В 1997 г. Т.Ш. Биттирова во введении к сборнику «Алгъышла, нарт таурухла, жозмакъла, жырла, элберле» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки» также представила классификационную схему для загадок:

- 1) *эл берген элберле* (классические загадки);
- 2) *соруу элберле* (загадки-вопросы);
- 3) *чам элберле* (загадки-шутки);
- 4) *хапар элберле* (загадки-рассказы) [Биттирланы 1997: 19].

В самом сборнике представлены только классические короткие загадки.

В вышедшей в 2010 г. книге «*Къарачай-малкъар ойберле бла элберле*» – «Карачаево-балкарские притчи и загадки» [КъМОЭ 2010] ее составитель М.М. Ольмезов выделил 4 группы загадок:

- 1) *тёрели элберле* (традиционные загадки);
- 2) *соруу элберле* (загадки-вопросы);
- 3) *чам элберле* (загадки-шутки);
- 4) *эсеп элберле* (математические загадки).

Следует отметить, что во всех вышеупомянутых трудах мы находим лишь перечисление внутрижанровых разновидностей, но какой-либо характеристики их не дается. Также очевидно, что выделенные группы по их числу и названиям варьируются незначительно. Однако, при более подробном изучении представленных фольклорных сборников, архивного материала и научных изысканий нами был сделан ряд корректировок. Так, выделение традиционных коротких и вопросительных загадок проблем не вызывает. Относительно *эсеп элберле* или математических загадок / загадок-задач необходимо уточнить, что их разгадывание не всегда связано с арифметическим подсчетом, иногда они требуют внимательности к формулировкам, подключения логического мышления, что подразумевается их карачаево-балкарским названием, но не отражается в переводном. Что касается загадок-шуток (*чам элберле*) и загадок-рассказов или, как их еще называют во многих отечественных исследованиях, сказок-загадок (*ханар элберле*), на наш взгляд, было бы логичнее собрать их в один блок и рассматривать как повествовательные загадки, включающие упомянутые разновидности, а также, исходя из особенностей национального фольклорного материала, загадки-притчи.

Таким образом, с опорой на труды предшественников и, исходя из особенностей эмпирического материала, нами были выделены 4 группы загадок: классические (*къысха элберле*), вопросительные (*соруу элберле*), математические и логические (*эсеп элберле*) и повествовательные (*ханар элберле*), включающие в себя сказки-загадки, загадки-притчи, загадки-рассказы. Последняя группа и является основным объектом исследования в данной статье.

Главным отличием повествовательных загадок от остальных внутрижанровых разновидностей является их сравнительно больший объем. В то же время структурной особенностью подобных загадок «является своеобразное композиционное построение, основанное на обязательном условии загадывания и разгадывания, что, в свою очередь, породило целый комплекс совершенно неповторимых приемов и средств, таких, как контрастность, преувеличение, алогизм, в свою очередь, построенных на олицетворении, метафоре, аллегории, исключающих прямое выражение мысли говорящих, сталкивающихся сторон» [Алиева 1981: 60]. Данная особенность позволяет отграничить их от таких смежных явлений, как сказка, анекдот, притча. Кроме того, для повествовательных загадок не характерен прямой дидактизм, в них есть сюжет, но в большинстве своем нет конфликта и его разрешения, или же он заключен в форму вопроса, а его разрешение превращается в ответ. Главным образом, подобные произведения направлены «на выработку внимательности, смекалки, оттачивание остроты ума, что в большей степени характерно для жанра загадки» [Гулиева (Занукоева) 2019: 168] и позволяет считать их одной из его разновидностей.

Одной из причин, усложняющих вычленение повествовательных загадок из общей массы прозаических текстов, является тот факт, что они успешно вплетались исполнителями в более крупные жанровые формы (нартские сказания, сказки, притчи, юмористические рассказы), принимая активное участие в формировании сюжета и структуры произведения. Так, сказка-загадка на мотив «Кто больше?» гармонично вписалась в разные варианты сюжета о гостевании нартов у эмегенов («Сосурук и Алауган», «Сосурук и Сибилчи» [Нартла 1995: 276–281] и др.).

Однако здесь она применяется не по прямому назначению, а используется в качестве хитрой уловки, направленной на разжигание конфликта между эмегенами, который в конечном счете и позволил нартам спастись из плена в целостности и сохранности, т.е. здесь мы имеем дело с включением в текст описательной части загадки для выполнения конкретной художественной задачи – развития сюжета. Этим и обусловлен тот факт, что загадка здесь не требует получения правильного ответа.

Нередко мы сталкиваемся с внедрением повествовательных загадок и в бытовые сказки о мудрости. В них они могут выступать в роли брачных испытаний, заключающихся в задавании мудреных вопросов и нахождении достойных ответов или расшифровке их тайного значения («*Акъыллы къыз бла юч соруу*» – «Мудрая девушка и три вопроса» [КЪМХЖ I 2012: 363], «*Акъыллы къыз*» – «Умная девушка» [КЪМХЖ I 2012: 414–415] и др.). В других сказках они используются для речевой характеристики персонажей, для демонстрации их мудрости. Так, загадка № 1437 из вышеупомянутого сборника С.Ч. Алиева [Алийланы 1984: 205] встречается в бытовой сказке «*Патчах бла бир байны жалчысы*» – «Царь и батрак одного богача» [КЪМХЖ I 2012: 365–370] как вставная конструкция, т.е. обрамлена предысторией и имеет дальнейшее развитие: решив проверить, как живет его народ, царь, облачившись в лохмотья, отправился в путь. Встреча и диалог царя и батрака повторяют содержание обозначенной повествовательной загадки. Получив ответы, самодержец возвращается во дворец и рассылает гонцов, обещая полцарства тому, кто даст правильный ответ на услышанную загадку. Богач, хозяин батрака, выведal правильные ответы, но царь догадался об источнике информации и решил наказать проболтавшегося мужчину, но тот нашел способ спастись. Он ответил: «Так ты сказал до первой встречи [никому не рассказывать о разговоре]. А с тех пор я с тобой уже несколько раз встретился. Если требуешь сказать, я тебя три раза видел. Вот, если это неправда, – сказав, потянувшись за пазуху, разложив золотые монеты на ладони, поднес к глазам царя. – Вот, на каждой монете твоя голова видна»* [КЪМХЖ I 2012: 367]. В этом заключается еще одно отличие повествовательных загадок от крупных прозаических форм.

Очередным отличием может являться несоответствие правильного ответа. Если сравнить загадку № 1443 [Алийланы 1984: 206–207] и философскую притчу «*Байлыкъ, Насыб, Акъыл*» – «Богатство, Счастье, Ум» [КЪМФС IV 2020: 448–449], то в первом случае ответом на вопрос «Кто сильнее?» является «Счастье». Однако притча переосмысливает значимость указанных понятий и в качестве важнейшей ценности выделяет «Ум», на подтверждение правильности этого выбора и направлено содержание второй части текста.

Подобные вкрапления повествовательных загадок в прозаические произведения и их органичное функционирование в них, по всей видимости, и способствовали тому, что исследователи в прошлом не признавали их как самостоятельную внутрижанровую разновидность. Тем не менее, многие знатоки фольклора исполняли данные тексты как отдельные произведения. Нельзя не признать и того, что включение загадок в более крупные жанровые формы во многом способствовало их лучшей сохранности.

Таким образом, проведенное исследование выявило ряд специфических черт, которые способствуют отграничению повествовательных загадок от смежных явлений (обязательная двухкомпонентная структура «вопрос–ответ», отсутствие прямого дидактизма, нацеленность на развитие мыслительных способностей, образного восприятия окружающего мира, выработки внимания и т.д.) и позволяют признать их самостоятельной внутрижанровой разновидностью карачаево-балкарской загадки.

* Подстрочный перевод наш – Ф.Г.

Список источников

Алиева 1981 – *Алиева Ф.А.* Поэтика комического в социально-бытовой сказке народов Дагестана // Поэтика фольклора народов Дагестана. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1981. С. 59–77.

Алийланы 1984 – *Алийланы С.Ч.* Къарачай халкъны эл берген джомакълары. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бёлюмю, 1984. 216 б. (*Алиев С.Ч.* Карачаевские народные загадки. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карач.-Черкес. отд-ние, 1984. 216 с.).

Берберов 2021a – *Берберов Б.А.* История и поэтика карачаево-балкарской загадки // *Oriental Studies*. 2021. № 14 (3). С. 635–648. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648.

Берберов 2021b – *Берберов Б.А.* С.Ч. Алиев – собиратель и публикатор карачаево-балкарских загадок // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2021. № 5 (103). С. 93–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-93-99.

Берберов 2021c – *Берберов Б.А.* Функциональный потенциал антонимов в карачаево-балкарской загадке // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2021. № 3 (101). С. 126–132. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132.

Берберов 2021d – *Берберов Б.А.* Этнокультурные особенности карачаево-балкарской загадки // *Известия СОИГСИ*. 2021. № 40 (79). С. 130–139. DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.009.

Биттирланы 1997 – *Биттирланы Т.Ш.* Ал сёз // Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: къарачай-малкъар фольклор жыйымдыкъ / китапны хазырлагъанла Биттирланы Т.Ш., Габаланы А.Б. Нальчик: Эльбрус, 1997. Б. 3–22 (*Биттирова Т.Ш.* Введение // Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 3–22).

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* К проблеме жанровой классификации фольклорной прозы карачаевцев и балкарцев // *Кавказология*. 2019. № 2. С. 164–175. DOI: 10.31143/2542-212X-2019-2-164-175.

Гулиева (Занукоева) 2020 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* К истории записи и публикации малых жанров карачаево-балкарского фольклора // *Вестник КБИГИ (KBHR Bulletin)*. 2020. № 4-1 (47). С. 129–135. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-129-135.

Караева 1966 – *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1966. 320 с.

КъМОЭ 2010 – Къарачай-малкъар ойберле бла элберле / басмагъа жарашдыргъан Ёлмезланы М.М. Нальчик: Эльбрус, 2010. 456 б. (Карачаево-балкарские притчи и загадки / сост. М.М. Ольмезов. Нальчик: Эльбрус, 2010. 456 с.).

КъМФС IV 2020 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. IV том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сёз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары. Нальчик: Принт Центр, 2020. 586 б. (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. IV. Несказочная проза карачаевцев и балкарцев. Нальчик: Принт Центр, 2020. 586 с.).

КъМХЖ I 2012 – Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. Экикитап тобламасы. Биринчи китабы / басмагъа жарашдыргъан Мусукаланы С.А. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 б. (Карачаево-балкарские народные сказки: в 2 кн. Кн. 1 / сост. С.А. Мусукаева. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 с.).

Локьяева 2021a – *Локьяева Ж.М.* Жанровая природа и особенности карачаево-балкарских загадок // *Фольклорный текст: рубеж тысячелетий*. Сб. ст. Нальчик: Принт Центр, 2021. С. 108–114.

Локьяева 2021b – *Локьяева Ж.М.* Тематические и художественные особенности жанра загадки в карачаево-балкарском фольклоре // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2021. № 3 (101). С. 133–139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139.

Малкондуев 2010 – *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // *Очерки истории балкарской литературы*. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 8–35.

Нартла 1995 – *Нартла / жарашдыргъанла Журтубайланы М.Ч., Малкъондуланы Х.Х.* Нальчик: Эльбрус, 1995. 464 б. (Нарты / сост. М.Ч. Журтубаев, Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Эльбрус, 1995. 464 с.).

СЛТ 1974 – *Словарь литературоведческих терминов*. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 522–584.

Хаджиланы 1996 – *Хаджиланы Т.М.* Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары // Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан, ал сёзюн жазгъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 б. (*Хаджиева Т.М.* Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев // Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37).

Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

References

ALIEVA F.A. *Poetika komicheskogo v social'no-bytovoј skazke narodov Dagestana* [Poetics of the comic in the social and everyday fairy-tale of the peoples of Dagestan]. IN: *Poetika fol'klora narodov Dagestana* [Poetics of the folklore of the peoples of Dagestan]. Mahachkala: ILLA DSC RAS, 1981. P. 59–77. (In Russian)

ALIJLANY S.CH. *K"arachaj halk"ny el bergen dzhomak"lary* [Karachay folk riddles]. Cherkessk: Stavropol book publishing house. Karachay-Cherkessian branch, 1984. 216 p. (In Karachay)

BERBEROV B.A. *Istoriya i poetika karachaevo-balkarskoј zagadki* [History and poetics of the karachay-balkarian riddle]. IN: *Oriental Studies*. 2021. № 14 (3). P. 635–648. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648. (In Russian)

BERBEROV B.A. *S.Ch. Aliev – sobiratel' i publikator karachaevo-balkarskih zagadok* [S.Ch. Aliev – a collector and publisher of the karachay-balkarian riddles]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021. № 5 (103). P. 93–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-93-99. (In Russian)

BERBEROV B.A. *Funkcional'nyj potencial antonimov v karachaevo-balkarskoј zagadke* [The functional potential of antonyms in the karachay-balkarian riddle]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021. № 3 (101). P. 126–132. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132. (In Russian)

BERBEROV B.A. *Etnokul'turnye osobennosti karachaevo-balkarskoј zagadki* [Ethnocultural features of the karachay-balkarian riddle]. IN: *Izvestiya SOIGSI* [News of NOIHSR]. 2021. № 40 (79). P. 130–139. DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.009. (In Russian)

BITTIRLANY T.SH. *Al sez* [Introduction]. IN: *Alg"yshla, nart taurukhla, zhomak"la, zhyr-la, elberle...* [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...]: Readings on karachay-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. P. 3–22. (In Balkarian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *K probleme zhanrovoј klassifikacii fol'klornoј prozy karachaevcev i balkarcev* [To the problem of genre classification of folklore prose of karachays and balkarians]. IN: *Kavkazologiya*. 2019. № 2. P. 164–175. DOI: 10.31143/2542-212X-2019-2-164-175.

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *K istorii zapisi i publikacii malyh zhanrov karachaevo-balkarskogo fol'klora* [To the history of collection and publication of small genres of karachay-balkarian folklore]. IN: *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2020. № 4-1 (47). P. 129–135. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-129-135. (In Russian)

KARAEVA A.I. *Oчерк istorii karachaevoј literatury* [Essay on the history of karachay literature]. Moscow: Science. Main edition of oriental literature, 1966. 320 p. (In Russian)

K"arachaj-malk"ar oyberle bla elberle [Karachay-balkarian parables and riddles] / collected by M.M. Olmezov. Nalchik: Elbrus, 2010. 456 p. (In Balkarian and in Russian)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 4 tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany zhomak"bolmag"an, k"ara syoz bla ajtylg"an chyg"armachylyk"lary [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 4. Unfairytale prose of karachays and balkarians]. Nalchik: Print Center, 2020. 586 p. (In Balkarian and in Russian)

K"arachaj-malk"ar halk" zhomak"la [Karachay-balkarian folk fairy-tales]: in 2 books. Book 1 / compiled by S.A. Musukaeva. Nalchik: Elbrus, 2012. 592 p. (In Balkarian)

LOKYAEVA ZH.M. *Zhanrovaya priroda i osobennosti karachaevo-balkarskih zagadok* [Genre nature and peculiarities of karachay-balkarian riddles]. IN: *Fol'klornyj tekst: rubezh*

tysyacheletij [Folklore text: the turn of the millennium]. Collection of articles. Nalchik: Print Center, 2021. P. 108–114. (In Russian)

LOKYAEVA ZH.M. *Tematicheskie i hudozhestvennyye osobennosti zhanra zagadki v karachaevo-balkarskom fol'klore* [Thematic and artistic features of the riddle genre in karachay-balkarian folklore]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021. № 3 (101). P. 133–139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139. (In Russian)

MALKONDUEV H.H. *Fol'klor i fol'kloristika* [Folklor and folklor study]. IN: *Ocherki istorii balkarskoj literatury* [Essays of history of balkarian literature]. Nalchik: State enterprise KBR «Republican polygraphic plant named after Revolution of 1905», 2010. P. 8–35. (In Russian)

Nartla [Narts] / compilers M.Ch. Zhurtubaev, H.H. Malkonduev. Nalchik: Elbrus, 1995. 464 p. (In Balkarian)

Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of literary terms]. Moscow: Enlightenment, 1974. 509 p. (In Russian)

HADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. Moscow: Science, 2014. P. 522–584. (In Russian)

HADZHILANY T.M. *Malk"arylylany bla k"arachaylylany khalk" poeziya chyg"armachylyk"lary* [Folk poetic creativity of Balkarians and Karachays]. IN: *K"arachay-malk"ar fol'klor* [Karachay-balkarian folklore]: Readings. Nalchik: El-Fa, 1996. P. 6–37. (In Balkarian)

HOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoj literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. Nalchik: Elbrus, 1981. P. 13–31. (In Russian)

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева (Занукоева) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

F.H. Gulieva (Zanukoeva) – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore.

Статья поступила в редакцию 06.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 06.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Научная статья

УДК 398.22

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-147-157

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА В ЭПОСЕ АДЫГОВ

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2022

Аннотация. В статье анализируется характер отражения символики чисел в их взаимодействии с архаическими элементами повествования в историко-героическом эпосе. Устанавливается, что обозначения числа имеют глубокую сакральную мифологическую основу и объективируют специфику этнического сознания.

Во всех жанрах фольклора мифологические корни сохраняются, однако каждому из них присуще наделить символ индивидуальным смыслом. Так, говоря об эпическом значении числа, следует учитывать ее жанровую специфику, так как главное назначение числовой символики в эпосе – отражение силы и мощи адыгского воина.

В адыгском историко-героическом эпосе числа: 7, 3 и производные числа 3–6, 9, 12, а также 100, 1000 и 3000, как число 3, в значении множественности и преувеличения, справедливо отнести к положительно маркированным. Семантическое значение символики указанных чисел в позиции героя и в позиции противника направлено на реализацию главной цели народного эпоса – выделение и возвышение образа главного героя. Таким образом, символы числа в системе художественных образов оказываются одним из способов выражения нравственного этнического сознания.

Исследование художественных средств и приемов в соотношении с их мифопоэтической основой и системой этических норм и установок, существовавшей в традиционном адыгском обществе, является актуальным для комплексного изучения фольклора. В этом заключается новизна данного исследования. Анализ осуществляется методом сравнительного анализа. Результаты исследования свидетельствуют о выраженной специфичности символа числа в адыгском историко-героическом эпосе.

Ключевые слова: мифологические представления, народный эпос, художественная система, символ, знаки, числа

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Числовая символика в эпосе адыгов // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 147–157. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-147-157

Original article

NUMERICAL SYMBOLISM IN THE EPIC OF THE CIRCASSIANS

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© L.S. Khagozheeva, 2022

Abstract. The article analyzes the nature of the reflection of the symbolism of numbers in their interaction with the archaic elements of the narrative in the historical and

heroic epic, it is established that the designations of the number have a deep sacred mythological basis and objectify the specifics of ethnic consciousness.

In all genres of folklore, mythological roots are preserved, but each of them is inherent in endowing the symbol with individual meaning. So, speaking about the epic meaning of a number, one should take into account its genre specificity, since the main purpose of numerical symbolism in the epic is a reflection of the strength and power of the Adyghe warrior.

In the Adyghe historical-heroic epic, the numbers: 7, 3 and derivative numbers 3–6, 9, 12, as well as 100, 1000 and 3000, as the number 3, in the sense of plurality and exaggeration, can rightly be attributed to positively marked ones. The semantic meaning of the symbolism of these numbers in the position of the hero and in the position of the enemy is aimed at realizing the main goal of the folk epic – highlighting and exalting the image of the main character. Thus, the symbols of number in the system of artistic images turn out to be one of the ways of expressing moral ethnic consciousness.

The study of artistic means and techniques in relation to their mythopoetic basis and the system of ethical norms and attitudes that existed in the traditional Adyghe society is relevant for a comprehensive study of folklore. This is the novelty of this study. The analysis is carried out by the method of comparative analysis. The results of the study testify to the pronounced specificity of the number symbol in the Adyghe historical and heroic epic.

Keywords: mythological representations, folk epic, artistic system, symbol, signs, numbers

For citation: Khagozheeva L.S. Numerical symbolism in the epic of the Circassians. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 147–157. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-147-157

Как известно, использование чисел в фольклорном тексте несет символический характер. В существующих научных исследованиях по данной теме анализ проводится чаще всего на основе малых жанров фольклора, сказочной прозы и героического эпоса. Мы же сделали попытку исследовать характер отражения символики числа в историко-героических песнях и преданиях. В этом и заключается новизна данной работы.

Согласно проведенному сравнительному анализу в исследуемом жанре наиболее употребительны числа первой десятки: 1, 2, 3, 6, 7, 9, а также числа 12, 100 и 1000, иногда 3000. Среди них особо выделяется число три. В связи с тем, что число 3 и ее производные обозначают схожее символическое значение, мы посчитали справедливым объединить их в одной работе. Эпические числа, самостоятельные от данной числовой символики, мы намерены представить в отдельном исследовании.

Итак, число три (*цы*) во многих культурах является самым популярным, оно чаще других ассоциируется с силой и могуществом. Данное число представляет собой первое, совершенное сильное число, поскольку при его разделении сохраняется центр (центральная точка равновесия). В целом, анализируемое число носит благоприятный посыл. В христианской и европейской культурах число 3 символизирует «полноту», «завершенность» [Мифы... I 1980: Мифы... II 1982]. Г.А. Мурад так же отмечает, что и в адыгской (адыгейской) культуре оно также используется для обозначения полноты, завершенности, последовательности. Можно предположить, что такая распространенная характеристика обусловлена наличием как бы начала, середины и конца [Мурад 2015: 66].

Углубляясь в изучение значения числа 3, как уже отмечено многими учеными, можно проследить взаимосвязь трёхмерности окружающих нас вещей. В природе одним из примеров этого является троичность фаз Луны (растущая, полная, убывающая). Оно аналогично разделению времени на три стадии – прошлое, настоящее и будущее. Также само существо человека во многих философских и религиозных учениях состоит из трех частей (тело, душа и дух). Жизненный цикл человека тоже можно разделить на три – рождение, жизнь и смерть. Идея трёхмерности в религиозных учениях также проявляется в разделении верхнего мира (небо), среднего мира (земля) и нижнего – воду. Характерна и трехмерность пространства (длина-ширина, высота).

Сакральная семантика числа три ярко выражена и в древней адыгской культуре. В обрядовой поэзии троекратные повторы действий и ритуалов играют важную магическую роль. Существует немало примет, суеверий и верований, связанных с числом три. Троичность имеет немаловажное значение и в фольклоре народа. В сказках и нартском эпосе троекратные повторы действий и времени используются для того, чтобы показать многократность действий или длительность происходящего времени, для акцента на важную мысль произведения. Данное значение символа в рамках историко-героического эпоса связано с отображением силы того или иного героя в формате отображения изменения пространства. Так, например, мощь силачей-пелуанов в народной песне подчеркивается образом деревянной ограды в три пояса, т.е. невероятно высокого ограждения для их состязания. Таким образом, троекратное увеличение размера ограждения – это многократное увеличение силы пелуанов:

(Уэр) *пхъэшыхькуурэ (уа-а) пхъэщакъуи <...>*

(уэр) *гуащIэвыжъитIри ирешэ... –*

(Уар) в деревянную ограду (уа-а) в три пояса <...>

(уар) обоих могучих волов [Хатокшоко] заводит...

[НПИНА III-2 1990: 356, 358]

Герой исторической песни Шаджамоко Хасанш заставил своего коня «земли три пласта копытами взметнуть» [НПИНА III-1 1986: 129, 132]. Как мы понимаем, и в данном примере указание трехкратного объема есть усиление героического образа героя.

Точно также употребление числа три в отображении времени становится гипербололизацией могущества героя:

(Уэр) *кIуэжынкIэрэ (рэ) шу цхъэхуиту (уи)*

машицкIэ мэзауэ! –

(Уар) хотя уйти (ра) этот всадник был волен (уи),

три месяца сражается! [АПВКВ 2014: 193, 196].

Как видим, в отражении могущественности и героизма адыгского воина используется символика числа три в значении «много». Связано это с архаической традицией, согласно которой в сознании древнего человека дальше трех счет не выходил, поэтому оно имело значение множественности. А «много», как утверждает В.Я. Пропп, означает «сильно» «очень» [Пропп 1986: 96]. На последней стадии эволюции сознания это число обрело символическое значение множественности. Вот почему трудность препятствия выражается через число три. Как известно, для того, чтобы победа героя представилась яркой, герой должен был одолеть достойного противника. Именно поэтому в эпосе применяется прием гипербололизации образа врага, порою многократно превосходящего героя. И, так как число три имеет символическое значение множественности, иногда это может обозначать не только несравнимую силу, но и численное превосходство противника:

Фочауищым бзаджэурэ къызэдагъэпсри (уай) къыздоуэр. –

Три стрелка коварно ружья наводят и (уай) разом стреляют
[НПИНА III-2 1990: 469, 464].

Дзэ фIыцIэжъурэ (уой дуней) къызэприимэ, <...>

(ар) *дзэцхъищкIэрэ (уой дуней) зынаузэщIри... –*

Войско черное (уой дуней), что переправляют, <...>

(ар) в три головы (уой дуней) разворачивается... [НПИНА III-1 1986: 43]

А еще чтобы усилить превосходство противника, необходимо усилить способ и затраты сил на его преодоление:

*Адэмыгъоми мэфэ ре(о)ныщы гуцэми <...>
шышлушц(ы) гуцэри кыыкIареггэлIы... –*

(Ада), о горе, за три дня долгих (гуша) <...>
трех добрых коней под тобой убили [АПВКВ 2014: 290, 293].

При использовании символики числа три для усиления восприятия применяется и другой прием. Как показал анализ историко-героических песен, это увеличение значения множественности числа три за счет производных от нее. В эпосе адыгов из них выделяются такие числа как 6, 9 и 12. Все они кратны к трем. Данный прием весьма ярко отражает песня «Бжедугские всадники». Усложнение получения положительного результата в противостоянии с врагом втроекратно увеличивается за счет производного от тройки числа шесть (хы):

*Чэц-мэфыхым замыггэпсэфэу
Бжэдыггэу шыухэр кыызэдэзаох ... –*

Шесть ночей и дней не зная роздыха,
Бжедугские всадники сражаются ... [АПВКВ 2014: 552, 553]

А в «Песне Багирсея» («Баггырсей и уэрэд») присутствует использование числительного 9 (бгъу) в качестве утроенной триады:

(Уэр) шэ бгъурыбгъушц гуцэри трекIутэ (уой) ... –

(Уар) стрел три раза по девять (гуша) на нее бросает (уой) ...
[НПИНА III-2 1990: 410, 412].

В данном случае использование такого конкретного числа, где три и утроенная триада взаимопроникают друг в друга, показывает, насколько Багирсей неуклонен в защите своего помощника.

Глубокий сакральный смысл число девять получает и в песне «Сетования Боры Могучего» («Борэжъ и тхъзусыхэ»). В данном случае, девятка получает негативное выражение в результате ее союза с числом два:

*Си шIакIуэ цхъуантIэри соубгъур, <...>
(аиейккэ) шэ бгъуры(уэ)бгъуитI гуцэри т ызоккутэ (рэ-ий) ... –*

Свою бурку серую расстилаю, <...>
(аиейка) стрел по девять дважды (гуша) на нее бросаю (ра-ией) ...
[НПИНА III-2 1990: 346, 347]

Выраженную символичность число девять приобретает и в песне «Сетования Куалы Созарихи» («Къуалэ Созэрыхэ и тхъзусыхэ»), где указывается количество сломанных ребер героя: «<...> ребер девять ему ломает» («<...> джажэналъибгъури хиудккэ!») [НПИНА III-2 1990: 356–359]. Стоит заметить, что в эпосе адыгов количество сломанных ребер у героя или его противника, а также количество сломанных ребер их коней, насчитывает именно девять. Это говорит о том, что число девять обладает усиленным сакральным магическим содержанием. Отмеченное данным числом – будь это человек, живой или неживой предмет – не подвержено порче, девять – символ неуничтожаемой материи. Возможно, это верование утвердилось потому, что сумма цифр любого числа, кратного девяти, дает девятку [Мифы... I 1980: Мифы... II 1982]. Полагаем, что именно в этой связи, как заметила М.Р. Хежева, данное число являлось средством воздействия на сверхъестественные силы. Отсюда и многократное использование данного числа в языке хохов и числовых текстах, где герой встречает на своем пути нечистую силу или снежного человека [Хежева 2017: 89]. Такое употребление числа девять встречается и в нартских сказаниях. Так, например, Сосруко и Всадник Одноглазый сражаются девять дней, друг другу наносят по девять ран [Нарты 2012: 275, 283]. Магическое значение девятки и ее связь с потусторонним миром можно обнаружить и

в следующем примере. В свой первый выезд на хасу, юный Сосруко показал свою удаль, играя на Тхожее:

*Щыблэр бибгъум еуэу,
Зэуэр нылуригъэдзу ... –*

Так, что молния девятикратно ударяла,

Так, что те, кого он ударял, отскакивали... [Нарты 2012: 215, 220].

Можно полагать, что это знак о неземной сверхъестественной природе героя. Стоит заметить, что дополнительный сакральный смысл вносит удар молнии, который, как мы знаем, в древнем представлении адыгов считался сакральным.

Следующее число, производное от числа три – двенадцать (*ныцкIутI*). В фольклоре адыгов оно является гораздо менее употребительным, однако в эпосе проявляет весьма явное вложение сакрального, магического смысла с положительным посылом. Стоит заметить, что в историко-героической песне это число, как и другие, производные от числа три, выражает ее символическую идею, которая подкрепляется самостоятельным смысловым значением магической силы добра. В связи с этим, как было отмечено выше, в фольклоре многих народов, всадников-борцов за справедливость насчитывается ровно двенадцать. В адыгском эпосе встречаются художественное изображение компаний с символическим числом двенадцать. Так, в одном из героических сказаний, двенадцать доблестных всадников во главе с Жабаги Казанок отправляются в Крым, чтобы поставить конец самовольному поведению крымского ханства и привести обратно похищенных из года в год соратников. Далее повествование описывает решительное наступление и добывание поставленной цели компании [ФАИГИКБНЦРАН. Кол. 668. Ф. 5. Кас. 272]. Таким образом, названная группа из двенадцати всадников представляет яркий пример символичности числа двенадцать. В силу подобных представлений, народное сознание обозначает героя исторической песни Сагида Ханахова как предводителя двенадцати человек [АПВКВ 2014: 392, 394].

Преисполнены символическим значением и образ газырей эпического героя, заряженная часть которых составляет двенадцать. Как было замечено ранее М.Р. Хежевой, не случайно, что именно данный атрибут, олицетворяющий адыгского воина, связан с конкретным числом двенадцать [Хежева 2017: 82]. Данный прием можно понимать как знаковое указание на магическую силу добра. А то, что число двенадцать составляет именно заряженную часть патронов, выражает полную готовность к бою и могущественную природу его обладателя. В этой связи в народной песне дается художественное описание газырей героя. Это еще один прием для возвышения образа славного героя:

*Санейуэ хъэзыр ныцкIутIыр
Гыныпсым кыфIеугъэфIыцI ... –*

Из виноградной лозы двенадцать газырей

Порохом очерняются ... [АПВКВ 2014: 457, 459] – имеется в виду, что воин применил их в бою.

В силу того, что образ газырей адыгской черкески в эпосе носит символический характер, иногда, в песне указывается и число 16 (*ныцкIух*) – общее количество газырей. А для усиления эффекта полной решимости и готовности к бою, отражается именно 16 или 20 заряженных газырей. Такое описание получает символическое наполнение за счет того, что указывается, что заряжены все до единого газыри, притом, как в мирное время четыре из них обычно остаются не заряженными. Описание же 20 патронов – художественное превышение числа газырей черкески. Оба варианта – сознательное преувеличение мощи самого героя и затраченных им усилий для достижения успеха в бою:

*Хьэзырыбгъэу зэ҃лӱл тцыкӱхыр
Уэрамыпэм щатыреухэр. –*

Шестнадцать газырей заряженных, что на груди черкески,
У начала улицы [т. е. на подступах к селу]
<на врагов> опорожняет [АПВКВ 2014: 425, 427].

Заряженные мои двадцать газырей
В ружье одном я опорожняю... [АПВКВ 2014: 420, 421]

Анализ историко-героического эпоса показал, что число три, так же, как и в фольклоре многих народов у адыгов – одно из самых положительных чисел. Как явствует из жизненного опыта и результатов научных исследований в области числовой символики, содержание формулы «третий раз – удачный» типологично. Так, в фольклоре многих народов, чтобы добиться удачного результата нужно пройти три испытания или три попытки, из которых именно третья чаще всего становится удачной. Троекратный повтор встречается в эпосе адыгов довольно часто. Симптоматично, что в случае, когда речь идет о трагическом исходе роковым оказывается четвертая попытка. В шапсугской версии песни «Сетования Бора Могучего» («*Борэжыы итхъэусых*») число четыре получает судьбоносный смысл: герою песни назначают встречу, тот пропускает троих встречных, но именно в четвертый раз Бора стреляет и убивает своего единственного сына. Стоит предположить, что здесь имеется в виду то, что пропущен «третий – удачный раз» и следующее за ним оказывается для него фатальным [НПИНА III-2 1990: 348, 351].

Таким образом, число 3 используется в историко-героических песнях и как обозначение множественности, и как отображение мощи героя или его противника, а также троекратные повторы, как было отмечено ранее М.Р. Хежевой, символизируют сложность достижения победы или цели [Хежева 2017: 71]. А употребление его производных чисел 6, 9, 12 усиливают в текстах народной песни символическое значение тройки, поддерживая идею множественности. Помимо этого, число 9 (т.е. 3²) может содержать идею сверхъестественной связи с потусторонним миром. Такое употребление числа девять в характеристике героев дает положительную интерпретацию и выделяет из среды остальных, обычных людей.

Число семь (*блы*), специалисты числовой семантики, также относят к производным от числа три. Как и число три, семерка носит глубокий положительный смысл и является одним из самых сакральных чисел [Мифы... I 1980: Мифы... II 1982]. При исследовании символизма чисел в той или иной культуре наиболее часто используются методы анализа и сравнения. Не одажды многие исследователи приходили к выводу о том, что число семь обладает священным, божественным и магическим потенциалом в системе традиционных верований разных народов. В адыгской культуре его выделяют как особенное, здесь оно имеет огромное значение как в мифологических представлениях и религии, так и в лингвокультурологии. Сравнительный анализ различных произведений фольклора позволяет сделать вывод о том, что оно является одним из числительных, наиболее часто встречающихся в разных жанрах устного народного творчества. В этом направлении есть много замечательных работ, в частности, исследования З.Ж. Кудяевой [Кудяева 1986] и М.Р. Хежевой [Хежева 2017], на которые мы опирались в своем анализе. Поэтому, во избежание повторений, хотим опустить оценку символики числа семь в лингвокультурологической и мифоэтической системе адыгой культуры.

Символику числа семь в нартском эпосе М.Р. Хежева видит в надежности, преодолении трудностей, достижении благой цели и считает, что она обладает функцией гиперболизации [Хежева 2017: 88]. Соглашаясь с ней, хотелось бы указать еще на одну важную функцию семерки. Опираясь на исследования Н.В. Топорова [Топоров 1995], З.Ж. Кудяева сделала вывод, что, функция числа семь

состоит, согласно народным верованиям, еще в сакральности данного числа. Оно выступает как бы в роли медиатора между героем и деструктивными силами, способного умиловить их [Кудаева 1986]. Особенно ярко это выражено в малых жанрах фольклора. Находит оно свое выражение и в нартском эпосе и в анализируемом жанре фольклора. Одним из таких примеров в нартском эпосе выступает сказание о Тлепше и Худыме. Хурдым:

*Уадэр кЪыщым кЪыщИхащ,
Блэ щИуупскIэри щИутIытщым
Пишщэм я щхъэщыгу нридзэщ.
Лъэта уадэм пиэр зэИухуу
Иуащхъэ щиблым ныщхъэщыкIу,
Щыналъиблми къикIыжщ,
Псиблми псыницIэу къепкIэжри
Лъэщц и лъапэм щIэхуэжсащ [Нартхэр 1995: 351]. –*

Вышел с молотом из кузни
И, семижды размахнувшись,
Кинул молот в поднебесье
Молот молнией летучей
Снова тучи рассекает
Пролетев единым мигом
Над семьяста холмами,
Семь краёв земли цветущих,
Семь бегущих рек минуя,
Рухнул к Тлепшевым ногам [Нарты 2007: 528]

Так, символика числа семь указывает на необычную природу молота, а значит, указывает на мощную сверхъестественную силу Худима, который в кузнечном деле не уступал знаменитому Тлепшу.

В историко-героическом эпосе священное магическое значение числа семь служит для выделения и возвышения героя. Примером здесь может быть «Песня о Хатхе Кочасе» («Хъэтхым и къуэкIасэм и уэрэд»):

Сэ фочгуэрэ сIыгъыр (атIэ) (ар) бэрэжъеиблкIэрэ псыхъакъэ –

Ружье, что я держу, семь сред (среда – день недели) закаливали [НПИНА III-1 1986: 158, 160]. В данном случае подразумевается, что процесс закаливания занял семь недель, что в свою очередь обуславливает вероятность вложения божественного смысла в указанный предмет. И, так как характеристика атрибута героя есть отражение его обладателя, это ружье указывает на сверхъестественную природу своего хозяина. Согласно специфике анализируемого жанра, это объективация могущественности адыгского воина. Таким образом, это художественный прием возвышения эпического героя.

В свою очередь, семь ран, полученных в сражении, обретают явную магическую окраску [АПВКВ 2014: 180]. В данном случае этим манифестируется святость героя и здесь оно используется для выделения его превосходства над остальными.

Сознательное увеличение значений каких-либо ситуаций, качеств или действий героя есть ни что иное как, сознательное увеличение значения самого героя. Как пишет М.Р. Хежева, число семь в кабардино-черкесском языке используется для выражения эмоциональной экспрессивности и усиления значения. В подтверждение сказанному она приводит примеры из нартского эпоса [Хежева 2017: 58]. Подобное наблюдается и в историко-героическом эпосе, например, для усиления трагизма. По преданию, Бора Могучий, узнав о том, что он убил своего сына, не узнав его, пришел в отчаяние и решил наказать себя. Он велел вырыть глубокую яму и свалить туда семь возов колючей облепихи. Сам он разделся и

залез туда, чтобы умереть мучительной смертью [Гутов 2021: 100–108]. В «Песне о Кулькужинской битве» поется:

(Айра) я [жылэм] гьузг макъмэ <...> (а) арыкъыщхьыблыркъэ (тIэ) тречри! –

(Айра) их [селения] плача гул <...> (а) семи холмов вершины (та) сбивает! [НПИНА III-1 1986: 208, 209]

С подобным усилением может выступать и временной показатель. В таких случаях число семь усиливает значение длительности времени, что в свою очередь указывает на героизм и выносливость героя. Так прославляется образ одного из участников сражения в песне «Ночное нападение»:

Зи жьыщхьэ мазиблы зауэм хэмыкI... –

На старости лет безотлучно семь месяцев воюет... [АПВКВ 2014: 93, 95]

В другой песне поется, что «<...> у хуары могучей (гуша) зубы с ямочками были (ией), семь месяцев седло с нее не снимают» (<...> *хуарэжь гущэмэ и дзэкур гьуанэти (ией), мазиблIэри уанэ темыхт*) [НПИНА III-1 1986: 177, 178]. Как указывают составители данной книги, зубы с ямочками – признак молодой, сильной лошади. Таким образом, в историко-героическом эпосе усиление значения акцентирует увеличение силы героя. В связи с этим, отражение образа могучего героя часто связывают с символикой числа семь. Как и в нартском эпосе, историко-героическая песня часто объективирует образ усов героя, равных семи колбасам:

(Уэр) и пащIэри (уой дуней) хуэжэрумилбти ... –

(Уар) его усы (уой дуней) подобны семи колбасам ... [НПИНА III-1 1986: 43].

Несомненно, здесь имеется в виду могущество героя песни.

Примечательно, что и атрибуты героя реализуют в тексте художественное возвышение самого героя. Например, образ преломленного копья, который, несомненно, является важнейшим атрибутом древнего и средневекового воина, становится значимым символическим объектом в исторической песне. Использование числовой символики может оказать помощь в обозначении могущества этого атрибута. В этом плане символика числа семь весьма универсальна. В мифологических представлениях адыгов и многих других народов это символ космической целостности и законченности. Существование семи поясов небес и земли и других понятий, связанных с этим числом, которых не перечислить, дает основание, что магическая семерка в различных культурах имеет значение максимума, предела и ограничения [Мифы... I 1980: Мифы... II 1982]. Эти представления подтверждают исследования Ж.В. Богатыревой, О.А. Арутюнян и Ю.И. Голотина. В своей работе они выделяют спектр символических значений числа семь, в частности: значение максимума, предела, полноты, ограничения. [Богатырева... 2019]. Исходя из таких суждений, справедливо полагать, что символика числа семь, вплетенная в образ копья объективирует максимальную, предельную мощь и силу героя, проявленную в борьбе с противником, или же безмерные силы противника, масштабы и серьезность описываемого сражения. Как мы неоднократно отмечали, сознательное возвышение достоинства противника – средство художественного возвышения самого героя. Это своего рода прием для превосходной характеристики качества копья, а значит и его обладателя:

(Ареда, ией) нартыжьхэр здэIэбжиблт (жи),

(аредэц жьыпIэркъэ) бжыкIиблхэри (уей дуней) къызэпрадз (жи) ...

<...> (Ареда, ией) бжыкIиблхэр къыттрикьутэрт (жи) ... –

(Ареда, ией) нарты старые в семь голов выстраиваются (жи),

(аредаш жипарка) семь копий (уей дуней) в нас мечут (жи)...

<...> (Ареда, ией) семь древков копий об нас ломает (жи) ... [НПИНА III-1 1986: 45, 46, 47].

(Айра) къумыкъумэ (а) фи дзапэт

(а) бжыкIиблыр (иджы) теткъутэц! <...> –

(Айра) на кумыков (а) отряде переводом

(а) семь копий (иджы) мы поломали! <...> [НПИНА III-1 1986: 207, 208].

Таким образом, анализ числа семь в историко-героическом эпосе показывает, что ее смысловое значение заключается в объективации священности, а значит возвышенности героя. Также символ семерки состоит в усилении значения объекта, что также указывает на могущественную природу героя или глубину трагизма и внутренние переживания.

Итогом проведенного нами исследования можно признать следующее:

– Число является носителем этнической культуры, мировоззрения и менталитета этноса;

– Употребление числа имеет глубокие мифологические истоки, и они имеют отчетливое отражение в фольклоре адыгов;

– Мифологическая основа чисел сохраняется во всех жанрах фольклора, однако в каждом случае ее отражение подчинено специфическим особенностям жанра. В связи с этим, символическое использование числа в разных жанрах может быть своеобразным. В связи с этим, справедливо выделять эпическое значение чисел. Символика чисел здесь содержит функцию усиления достоинств героя с целью его возвышения и выделения из общей массы;

– По частоте употребления в эпических текстах выделяются числа: 7, 3, его производные 6, 9, 12, а также 100, 1000 и 3000;

– Число 7 в эпосе обозначает положительное сакральное значение священности и максимальное значение силы. Число 3, а также производные от нее числа 6, 9 и 12 содержат положительный посыл и используются в эпосе в значении множественности и преувеличения. Это способствует гиперболизации мощи доблестного героя или его противника (во втором случае – с целью указания затрат сил в достижении победы). Также это может быть умножение скорби и трагизма по погибшему воину. Значение множественности содержат и числа 100, 1000, иногда 3000. Они применяются для преувеличения сил героя или его противника. А победа над достойным сильным противником, как известно, усиливает значение победы героя.

Список источников

АПВКВ – Адыгские песни времен кавказской войны. Изд. второе дополненное / под общ. ред. В.Х. Кажарова. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.

Богатырева... 2019 – *Богатырева Ж.В., Арутюян О.А., Голотина Ю.И.* К вопросу о символическом значении чисел «семь» и «девять» в произведениях литературы, в искусстве и науке // МНКО. 2019. № 2 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-simvolicheskom-znachenie-chisel-sem-i-devyat-v-proizvedeniyah-literatury-v-iskusstve-i-nauke> (дата обращения: 16.11.2022).

Гутов 2021 – *Гутов А.М.* Поэтика и стиль историко-героического эпоса адыгов. Нальчик: КБИГИ; Принт Центр, 2021. 232 с.

Кудаева 1986 – *Кудаева З.Ж.* Паремииологические жанры адыгского фольклора. Автореферат диссертации кандидата филологических наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 1986. 21 с.

Мифы...I 1980 – *Мифы народов мира.* Энциклопедия: в двух томах. Т. 1 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 671 с.

Мифы...II 1982 – *Мифы народов мира.* Энциклопедия: в двух томах. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 719 с.

Мурад 2015 – *Мурад Г.А.* Символика чисел в адыгском языке // Вестник АГУ. Вып. 1 (152), 2015. С. 66–70.

Нартхэр 1995 – *Нартхэр. Къэбэрдей эпос.* Налшык: Эль-Фа, 1995. 560 н.

Нарты 2007 – *Нарты. Кабардинский эпос.* Нальчик: Эль-Фа, 2007. 528 с.

Нарты 2012 – *Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко* / под общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 423 с.

НПИНА III-1 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.

НПИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1990. 485 с.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.

Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.

ФАИГИКБНЦРАН – *Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.*

Хежева 2017 – *Хежева М.Р.* Семантика и символика чисел в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 136 с.

References

Adygskie pesni vremen kavkazskoj vojny [Adyghe songs of the times of the Caucasian war]. Ed. second augmented. Under total. ed. V.Kh. Kazharova. Nalchik: Printing House, 2014. 656 p.

BOGATYREVA Zh.V., ARUTYUNYAN O.A., GOIOTINA Yu.I. *Kvoprosu o simvolicheskom znachenii chisel «sem» i «devyat» v proizvedeniykh literatury, v iskusstve i nauke.* [On the question of the symbolic meaning of the numbers “seven” and “nine” in works of literature, in art and science] In: MNKO. 2019. No. 2 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-simvolicheskom-znachenie-chisel-sem-i-devyat-v-proizvedeniyah-literatury-v-iskusstve-i-nauke> (date of access: 16.11.2022).

GUTOV A.M. *Poetika i stil' istoriko-geroicheskogo eposa adygov.* [Poetics and style of the historical and heroic epic of the Circassians]. Nalchik: KBIGI-Print Center, 2021. 232 p.

KUDAEVA Z. Zh. *Paremiologicheskie zhanry adygskogo fol'klora. Avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk* [Paremiological genres of the Adyghe folklore. Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences]. Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS. M., 1986. 21 p.

Mify narodov mira. Enciklopediya: v dvuh tomah [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in two volumes]. Ch. ed. S.A. Tokarev. M.: Sov. encyclopedia, 1980. T. 1. 671 p.; T. 2: 1982. 719 p.

MURUD G.A. *Simvolika chisel v adygskom yazyke* [Symbolism of numbers in the Adyghe language] In: Bulletin of the ASU. Issue 1 (152), 2015. Pp. 66–70.

Narty. Kabardinskiy epos [Narts. Kabardian epic]. Nalchik: El-Fa, 1995. 560 p.

Narty. Kabardinskiy epos [Narts. Kabardian epic]. Nalchik: El-Fa, 2007. 528 p.

Narty. Adygskiy epos. T. 1. Ranniye tsikly eposa. Sosruko [Narts. Adyg epic. Vol. 1. Early cycles of the epic. Sosruko] / edited by A.M. Gutov. Nalchik: LLC «Tetragraf», 2012. 424 p. (In Adyghe and in Russian).

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 1. M.: Soviet composer, 1986. 264 p. (In Russian).

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Russian).

PROPP V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of the fairy tale]. L.: Publishing house of Leningrad State University, 1986. 365 p.

ТОПОРОВ В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Selected works*. М.: Publishing group “Progress” – “Culture”, 1995. 624 p.

ФАИГИКБНЦРАН – *Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

KHEZEVA M.R. *Semantika i simvolika chisel v kabardino-cherkesskom yazyke* [Semantics and symbolism of numbers in the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Publishing Department of the IGI KBNTs RAS, 2017. 136 p.

Информация об авторе

Л.С. Хагожеева – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Khagozheeva – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 11.12.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000-40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзачного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта[✉].

ПРИМЕР:

Иванович Иванов[✉], Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹✉, Петр Петрович Петров²

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (**Abstract.**).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «Ключевые слова:» (“**Keywords:**”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б.* (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой.* М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezkhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
14,35

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 291

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*